К. К. ПЛАТОНОВ

система психологии и теория отражения

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

Академия наук СССР
Институт психологии

К. К. ПЛАТОНОВ

система психологии и теория отражения

Издательство «Наука»
Москва 1982

Монография одного из старейших советских психологов, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора медицинских и доктора психологических наук, профессора К. К. Платонова, автора, соавтора и редактора ряда учебников, учебных пособий и книг по психологии, посвящена уточнению существующих в советской психологии понятий и терминов с позиций ленинской теории отражения. Автор предпринимает попытку свести их в единую систему.

Книга адресована психологам, философам, педагогам, врачам, а также и широкому кругу читателей.

Ответственный редактор
доктор философских наук, профессор
Г. Х. ШИНГАРОВ

П $\frac{0304000000-286}{042(02)-82}$ 237—82

Введение

Объективно в советской психологической науке все более осознается необходимость приведения в систему всего арсенала ее понятий.

Субъективно для автора этой книги она, как и «Краткий словарь системы психологических понятий» (М.: Высшая школа, 1981. 175 с.), является попыткой выполнить завет Владимира Михайловича Бехтерева. Длительная беседа с ним в 1925 г. в значительной мере определила мой путь в науке. Он убедил меня, тогда молодого биолога, начавшего работать в области зоопсихологии, что путь к ее познанию лежит через психологию личности человека. А узнав, что я увлечен «Системой природы» К. Линнея и написал учебное пособие по систематике («Краткий определитель амфибий и рептилий Украины»), включив в него элементы зоопсихологии, он сказал:

— Попробуйте когда-нибудь перенести опыт систематики животных и растений на классификацию психологических понятий. Ведь там еще долиннеевский хаос!

В течение многих лет я не забывал этих слов. 12 лет работы в Институте философии АН СССР и руководство рядом философских кандидатских диссертаций убедили меня, что завет Бехтерева может быть выполнен только с позиции ленинской теории отражения.

Эта книга и упомянутый словарь дополняют друг друга. Поэтому читателю, который пожелает основательно разобраться в изложенной здесь системе понятий, я советую внимательнее останавливаться на определениях выделенных слов, и пользуясь словарем, обращать внимание на их связь с другими понятиями.

Каждый параграф, глава и книга в целом заканчиваются краткими выводами, что уточняет ее структуру, определяемую оглавлением.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Система исходных для психологии понятий

> Так одна вещь постоянно
> должна освещаться другою.
>
> Лукреций Кар.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Постановка проблемы

1. О состоянии психологической науки

История отечественной психологии богата научными идеями и замечательными открытиями. Ее основу заложили классические труды И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», «Кому и как разрабатывать психологию» и другие. Плодотворность идей этого мыслителя подтверждена всем ходом развития советской психологии [1].

Задачи коммунистического строительства в нашей стране обусловили необходимость решения актуальной проблемы создания марксистской психологической науки как единой теоретической системы. На XXV съезде КПСС было выдвинуто положение о единстве фундаментальных и прикладных исследований, имеющее прямое отношение к развитию психологии. «Практическое внедрение новых научных идей — это сегодня не менее важная задача, чем их разработка. Сказанное, конечно, нельзя понимать как снижение интереса к фундаментальной науке. Правильно говорится: нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Мы прекрасно знаем, что полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не бу-

[1] См.: *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М., 1947, с. 114—125; *Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке: (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1960. Гл. 9, 10, 11; Иван Михайлович Сеченов: К 150-летию со дня рождения. М., 1980. 607 с.

дут постоянно питать фундаментальные исследования»[2]. Эти слова Л. И. Брежнева в полной мере относятся и к психологической науке, которая должна ускорить решение общетеоретических задач и обеспечить их внедрение в практику. Указанные положения нашли свое дальнейшее развитие и конкретизацию в задачах, поставленных XXVI съездом КПСС[3].

Надо заметить, что повышение общественной значимости психологии, рост требований к ней со стороны ряда смежных наук и областей практики привели к «побочному продукту» — к моде на нее. Последнее отчасти сказалось и в негативном явлении, а именно — в определенном понижении научного уровня некоторых работ по психологии. К сожалению, среди отдельных молодых специалистов-психологов усилилась тенденция к прагматическому эмпиризму и некритическому заимствованию некоторых положений из «зарубежного опыта». Опасность этой тенденции проявляется в плане всякого рода попыток некритического прямого применения или путем «адаптации» методов буржуазной психологии. При этом забывается марксистское положение, гласящее, что метод, будучи производным от содержания теории, не может быть применен вне учета философско-методологической ориентации. Опора на принципы теории отражения и рефлекторной теории является непременным условием развития психологии как науки. Заимствуя термины и методы из смежных наук, психология рискует потерять свой язык и свой предмет.

Современное состояние советской психологии (дальше речь пойдет только о ней), обусловлено, с одной стороны, ее возросшими контактами с другими науками и областями практики, а с другой — огромным количеством накопленного эмпирического материала, недостаточно обобщенного в единую систему. Это определяет необходимость работы над уточнением предмета психологии и ее исходных категорий. Эта работа в историческом плане была начата А. В. Петровским[4] и Е. А. Будиловой[5], а в методологическом — Е. В. Шороховой[6]. Требования анализа

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 48.
[3] См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 86, 102, 106.
[4] См.: *Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967.
[5] См.: *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
[6] См. серию трудов под ред. Е. В. Шороховой: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969; Теоретические

и уточнения основных принципов психологии нашли отражение в материалах ряда конференций и симпозиумов [7]. Первая попытка построения системы психологии на основе теории отражения была предпринята С. Л. Рубинштейном. Еще в 30-х годах в предисловии к своему учебнику он писал: «Настоящая книга представляет собой попытку дать целостную систему психологии, охватывающую основной экспериментальный материал и проникнутую единством методологической концепции» [8]. В определенной мере С. Л. Рубинштейн эту попытку реализовал. Последующие учебники психологии всех авторов с незначительными изменениями принимали предложенную им систему понятий. В продолжение всей жизни Рубинштейн не оставлял разработок системы психологии. Первый параграф первой главы монографии «Бытие и сознание», имеющий подзаголовок «К постановке проблемы», он назвал «Теория отражения». Книга «Человек и мир» должна была, говорил С. Л. Рубинштейн своим ученикам, продолжить построение этой системы психологии.

Что же, кроме недостатка времени, помешало ему более полно выполнить эту работу? Во-первых, на мой взгляд, недостаточная изученность взаимодействия теории отражения и теории психологии. Это отмечал сам С. Л. Рубинштейн: «Мало, значит, просто повторить исходную (или итоговую) формулу, согласно которой психические явления — ощущения, восприятия и т. д.— суть образы внешнего мира, существующего вне сознания и независимо от него» [9]. Он успел из этого «и т. д.» разработать только мышление. Во-вторых, в его время была еще слабо разработана общая теория систем и теория функциональных систем. Третьей причиной было то, что в процессе перестройки психологической науки мало участвовали ученые других наук о человеке. Все эти причины сделали не воз-

---

проблемы психологии личности. М., 1973; Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975,— и все материалы симпозиумов, в организации и редактировании которых она принимала участие (см. след. сноску).

[7] См.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963; Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966; Сознание: Стенограммы симпозиума. М., 1967; Проблемы личности. Материалы симпозиума. Т. I. М., 1969; Т. II. М., 1970; Личность. Стенограммы симпозиума. М., 1971; Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975; Психология и медицина. М., 1978.

[8] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935, с. 6.

[9] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957, с. 31.

можным полное решение указанной проблемы, которое назрело в наше время.

Настоящее состояние психологии отражают слова Б. Ф. Ломова: «В системе научного знания стремительно растет «удельный вес» психологических исследований... Эта тенденция приводит психологическую науку к необходимости построения *целостной системы* данной области знания, в которой должно быть найдено место каждому из многочисленных направлений современных психологических исследований... Вопрос о природе психического перерастает, таким образом, в вопрос об особенностях психологии как науки о психическом» [10].

Сейчас четко определились четыре независимых «направления» психологии, опирающихся на теории сознания (С. Л. Рубинштейн), личности (В. Н. Мясищев), деятельности (А. Н. Леонтьев) и установки (Д. Н. Узнадзе). Объединить их в «целостную систему» может только ленинская теория отражения.

2. Поиск системы психологии

История психологии знает три афористических определения состояния психологии своего времени. Все они выражают потребность в построении системы психологии. Но ни одно из них не может быть применено к психологии нашего времени без дополнительных уточнений.

«Психология имеет длинное прошлое, но краткую историю» [11],— такими словами Г. Эббингауз в 1908 г. начал книгу «Очерк психологии». Этот афоризм может быть отнесен к истории любой отрасли знания, поскольку каждая из них начинается с попыток ответить на осознанные запросы практики.

Вскоре, в 1914 г., Н. Н. Ланге (1858—1921) дал следующее образное определение состояния психологической науки: «Ныне общей, то есть общепризнанной, системы в нашей науке не существует... Психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» [12] (подразумевается крах теории ассоционизма.— *К. П.*). Ланге, сам того не зная, выразил истину, верную для буржуазной психологии любого времени. История показа-

---

[10] *Ломов Б. Ф.* Рец. на кн.: Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности.— Вопр. философии, 1975, № 2, с. 162.
[11] *Эббингауз Г.* Очерк психологии. СПб., 1911, с. 9.
[12] *Ланге Н. Н.* Психология. М., 1914, с. 48.

ла, что ни функционализм, ни гештальтизм, ни бихевиоризм, ни фрейдизм не могли создать системы психологии, поскольку не имели опоры на методологию теории отражения.

Открывая в 1966 г. XVIII Международный конгресс психологов, А. Н. Леонтьев начал речь следующими словами: «Я буду говорить сегодня о понятии отражения, о значении этого понятия для научной психологии. Два основания побудили меня избрать эту тему. Первое из них коренится в современном состоянии психологической пауки... Я имею в виду трудности теоретического осмысления накопленных фактов, трудности построения системы психологической науки. Конечно, современного психолога нельзя сравнивать, как это делал в начале нашего века Николай Ланге, с Приамом, сидящим на развалинах Трои. В наши дни психолог скорее напоминает строителя, перед которым обилие первоклассного материала, и более того, целые законченные блоки, но которому недостает общего эскиза сооружаемого им сложнейшего архитектурного ансамбля... Объективная логика развития научных психологических знаний все более настойчиво требует обратиться к понятию отражения, которое, с моей точки зрения, является ключевым для теоретической психологии» [13].

Эти верные мысли А. Н. Леонтьева, однако, нуждаются в уточнении. Психологи до сих пор говорили и говорят на разных языках. Это очевидно проявилось на XVIII Международном конгрессе в Москве и на последующих конгрессах: на XIX в Лондоне (1969 г.), на XX в Токио (1972 г.) и на XXI в Париже (1976 г.). Понятно, что психологи-марксисты не могут иметь общего философского языка с фрейдистами, персоналистами и представителями других течений буржуазной психологии. Вместе с тем, последние международные психологические конгрессы убедительно показали, что все большее число западных психологов обращают внимание на достижения советской психологии, стоящей на основах марксистско-ленинской философии [14].

Однако и «на строительной площадке советской психологии», пользуясь образным выражением А. Н. Леонтьева,

---

[13] *Леонтьев А. Н.* Понятие отражения и его значение для психологии.— Вопр. философии, 1966, № 12, с. 47.

[14] См.: *Анцыферова Л. И.* Материалистические идеи зарубежной психологии. М., 1974.

имеется еще немало беспорядка. Это отразилось, например, в материалах симпозиума по проблемам личности [15] и выступлениях его участников [16].

Такая ситуация в какой-то мере свойственна не только психологии, но и другим наукам XX века. Указанное положение отмечал А. Эйнштейн: «Круг охватываемых наукой вопросов чрезвычайно расширился:... Поэтому деятельность отдельных исследователей неизбежно стягивается ко все более ограниченному участку всеобщего значения. Эта специализация, что еще хуже, приводит к тому, что единое общее понимание всей науки, без чего истинная глубина исследовательского духа обязательно уменьшается, все с большим трудом поспевает за развитием науки. Создается ситуация, подобная той, которая символически изложена в библейской истории о Вавилонской башне» [17].

В психологии разнообразие мнений, идей и путей решения задач дополняется и усугубляется понятийной разноголосицей и терминологической нечеткостью. И. П. Павлов писал, что психология «еще не дошла до естественной и общепринятой системы ее явлений... не могла даже выработать общего языка для обозначения изучаемого ею материала...» [18]. Приведя эти слова Павлова, Б. М. Теплов отметил, что ярким показателем субъективности психологических понятий является то, что «за многими психологическими терминами и выражениями стоят не научные понятия, а неопределенные интроспективные представления» [19]. Исправить такое состояние хотел И. П. Павлов. Он писал: «Это — большая задача, к которой я себя готовлю,— перебрать все психологические понятия и показать в сопоставлении с нашим объективным материалом, до какой степени они фантастичны и носят грубый эмпирический характер...» [20].

На XVIII Международном конгрессе психологов А. Н. Леонтьев закончил речь словами, которые должны были определить стратегию дальнейшей коллективной работы психологов. «Свою задачу я видел в том,— сказал он,— чтобы показать, что понятие отражения имеет не

---

[15] См.: Проблемы личности.
[16] См.: Личность, с. 27—31.
[17] *Эйнштейн А.* Физика и реальность. М., 1965, с. 111.
[18] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч., М.; Л., 1951, т. 3, кн. 2, с. 152, 167.
[19] *Теплов Б. М.* Об объективном методе в психологии.— Изв. АПН РСФСР, 1953, вып. 45, с. 72.
[20] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч., т. 3, кн. 1, с. 190.

только гносеологический смысл, но вместе с тем смысл конкретно-научный, психологический, и что введение этого понятия в психологию имеет крупное эвристическое значение прежде всего для решения ее фундаментальных теоретических проблем, без чего немыслимо построение непротиворечивой системы психологических знаний. Не мне судить о том, насколько мне удалось приблизиться к решению этой задачи» [21].

Однако после того как были произнесены эти слова сам А. Н. Леонтьев вернулся к своим сомнениям, которые он высказывал еще в 30-х годах, о возможности распространения ленинской теории отражения на все психические явления. Так, в статье «Личность и деятельность» он писал: «Эмоции... не являются психическим отражением предметной действительности» [22]. В более поздней публикации он уточнил свою мысль: «...не являются психическим отражением *непосредственно самой* (курсив мой.— *К. П.*) предметной действительности» [23]. Но указанное уточнение только усилило противоречие понимания эмоций с его же утверждением о том, что «главное — подход к психике как субъективному образу объективной реальности — оставалось и остается в ней (в психологии.— *К. П.*) незыблемым» [24].

Сравнительно недавно на страницах «Вопросов психологии» шла дискуссия о предмете психологии. Она была начата статьей Ф. В. Бассина, выдвинувшего положение о том, чтобы «значимые переживания» считать «преимущественным предметом психологии» [25], с чем согласились принявшие участие в дискуссии [26].

Признавая бесспорную роль значимых переживаний, их трудно считать преимущественной, тем более центральной, проблемой современной марксистской психологии. Ф. В. Бассин был несравнимо более прав, когда совместно

---

[21] *Леонтьев А. Н.* Понятие отражения и его значение для психологии.— Вопр. философии, 1966, № 12, с. 48, 56, 12.

[22] *Леонтьев А. Н.* Личность и деятельность.— Вопр. философии, 1974, № 5, с. 67.

[23] *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975, с. 198.

[24] *Леонтьев А. Н.* Личность и деятельность.— Вопр. философии, 1974, № 5, с. 48.

[25] См.: *Бассин Ф. В.* О развитии взглядов на предмет психологии.— Вопр. психологии, 1971, № 4, с. 107.

[26] См.: *Ярошевский М. Г.* Предмет психологии и ее категориальный строй.— Вопр. психологии, 1971, № 5, с. 110—121; *Зейгарник Б. В., Рубинштейн С. Я.* Реплика по поводу статьи Ф. В. Бас-

с В. Е. Рожновым и М. А. Рожновой положил проблему значимых переживаний в основу психотерапии и личностного подхода к ней[27], выводя тем психотерапию в «субклинику», а точнее, сближая ее с психогигиеной.

Оставляя более подробное обсуждение этого вопроса до специального рассмотрения категории «переживания» в главе о сознании, отметим, что только Г. И. Иванин связал предмет психологии с теорией отражения, во всех остальных статьях, в том числе и в обеих статьях Ф. В. Бассина, она и не упоминалась. Важнейший вопрос о моделировании и формализации психических явлений обсуждался на этой дискуссии также вне его связи с теорией отражения.

На V съезде общества психологов (1977 г.) тоже шла речь о предмете психологии, однако и там этот вопрос рассматривался вне связи с теорией отражения. Дискуссия о предмете психологии без опоры на ленинскую теорию отражения свелась вместо разработки системы психологии к обсуждению более частных вопросов.

Нельзя не отметить, что в последнее время взаимоотношения между психологией и теорией отражения стали намного сложнее. Если долгое время основным пособием, освещавшим ленинскую теорию отражения, был известный труд Т. Павлова[28], то теперь имеется ряд монографий[29] и три совместных труда советских и болгарских философов по этой проблематике[30]. Советские психологи

сина «О предмете психологии и ее категориальном строе».— Вопр. психологии. 1971, № 6, с. 140; *Божович Л. И., Неймарк М. С.* «Значащие переживания» как предмет психологии. Вопр. психологии, 1972, № 1, с. 130—134; *Бойко Е. И.* В чем же состоит «развитие взглядов»? — Вопр. психологии, 1972, № 1, с. 135—141; *Ветров А. А.* Замечания по вопросу о предмете психологии (психология и кибернетика).— Вопр. психологии, 1972, № 2, с. 123—127; *Иванин Г. И.* Человек, психика и предмет психологии.— Вопр. психологии, 1972, № 2, с. 128—132.

[27] См.: *Бассин Ф. В., Рожнов В. Е., Рожнова М. А.* Психологическая теория личности в психотерапии.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1974, с. 728—732.

[28] См.: Павлов Т. Теория отражения. М., 1949.

[29] См.: *Медведев Н. В.* Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. М., 1963; *Тюхтин В. С.* О природе образа. М., 1963; *Шингаров Г. Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971; *Он же.* Теория отражения и условный рефлекс. М., 1974; *Василев С.* Теория отражения и художественное творчество. М., 1970; *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; и др.

[30] См.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969; Ленинская теория отражения и современная наука. София,

в значительно большей степени используют философские работы, посвященные ленинской теории отражения.

Однако до сих пор существует ряд вопросов, на которые трудно найти четкие ответы в философской и психологической литературе. Почему, например, Я. А. Пономарев, Б. С. Украинцев и другие авторы употребляют термин «отображение», а не «отражение»[31], а в работах А. А. Смирнова[32], Д. А. Ошанина[33], А. Н. Леонтьева[34] термин «отображение» не встречается? Может ли существовать «отражение отражения», о котором пишет В. И. Кремянский[35], или отражаться может только предметный мир? Следует ли продолжать рассматривать отражение в качестве специфического процесса и продукта или согласиться со С. Н. Смирновым[36], доказывающим, что отражение и взаимодействие — самостоятельные моменты движения.

Немалые трудности стоят перед советскими философами и психологами и при решении других вопросов. Как понять психическое отражение и как связать его с предметом психологии с позиций в целом интересной книги Л. Живковича[37], если психическое отражение исчезло из его классификации, предусматривающей только три типа отражения: неорганические формы отражения, биологическое отражение и человеческое социальное отражение природы? Как связать с психологией классификацию видов структур, предложенную И. И. Ляховым[38], если

1973, т. 1—3; Ленинская теория отражения в свете современной науки. София, 1980.

[31] См.: *Украинцев Б. С.* Отображение в неживой природе. М., 1969.

[32] См.: *Смирнов А. А.* Ленинская теория отражения и психология.— Вопр. психологии, 1960, № 2, с. 10—34.

[33] См.: *Ошанин Д. А., Шебяк Л. Р.* Отражение в образе оперативной структуры объекта.— Вопр. психологии, 1968, № 5; *Ошанин Д. А.* Роль оперативного образа в выявлении информационного содержания сигналов.— Вопр. психологии, № 4, 1969; *Ошанин Д. А., Козлов В. И.* Эффекторный оперативный образ.— Вопр. психологии, 1971, № 3.

[34] См.: *Леонтьев А. Н.* Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения.— Вопр. психологии, 1971, № 3, с. 34—45.

[35] См.: *Кремянский В. И.* Типы отражения как свойства материи.— Вопр. философии, 1963, № 8.

[36] См.: *Смирнов С. Н.* Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974.

[37] См.: *Живкович Л.* Теория социального отражения. М., 1969, с. 20—26.

[38] См.: *Ляхов И. И.* Структурность — всеобщее и существенное свойство материи.— Вестн. МГУ, 1965, № 1, с. 66—67.

он в сводке, включающей десять форм структурности, переходит от органической (вернее физиологической) формы непосредственно к социальной, минуя структуры психики, познания и личности? Как могло оказаться, что через 15 лет после появления ошибочной концепции А. Г. Иванова-Смоленского, считавшего психику отражением физиологических процессов в мозгу, и через 8 лет после ее критического анализа С. Л. Рубинштейном она была повторена Н. М. Амосовым, писавшим, что «Чувство — это отраженное в коре и воспринятое на уровне сознания возбуждение определенных подкорковых центров», и повторившим это не случайное для его работ мнение: «Чувства являются отражением в коре возбуждения (активности) центров в подкорке...» [39].

К современному состоянию психологии полностью относятся слова В. И. Ленина: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы» [40]. В последние годы значение этих слов Ленина для психологии заметно усиливается в связи как с психологизацией смежных с ней наук, так и с созданием Единой психологической службы Советского Союза [ЕПС СССР].

Психологизация наук — это все более усиливающаяся тенденция взаимодействия с психологией ряда наук (социологии, педагогики, медицины, юриспруденции, экономики, техники и т. д.), с целью психологического обоснования их мероприятий.

Психологическая служба — это создаваемая в СССР государственная система научно-психологического обеспечения входящих в ее компетенцию мероприятий, осуществляемых разными министерствами и ведомствами. Уже сейчас видна четкая иерархия ее уровней:

— высший уровень: уточнение ее задач и оформление кодифицирующих ее документов, разработка и утверждение ее методов — выполняется высококвалифицированными психологами;

— средний уровень: практическое решение новых, еще не предусмотренных этими документами вопросов — вы-

---

[39] *Амосов Н. М.* Моделирование мышления и психики. Киев, 1965, с. 145, 232, 282—283; *Он же.* Искусственный разум. Киев, 1969, с. 65, 70, 71.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

полняется специалистами-психологами ведомственных научных коллективов;

— основной, массовый уровень: психологически грамотное решение повседневных задач выполняется практиками, получившими специальные психологические знания, руководимыми и контролируемыми работниками среднего уровня единой психологической службы.

Все изложенное заставило меня вернуться к более подробному обсуждению проблем, которым была посвящена одна из моих книг [41]. Естественно, что в данной книге некоторые ранее высказанные мной положения будут уточняться в ходе их изложения.

*

Проблема отражения включает в себя много вопросов. В этой книге рассматриваются вопросы построения системы психологии с позиций ленинской теории отражения. Одна из центральных задач книги — раскрыть сущность психических форм отражения. Все остальные формы отражения рассматриваются только как «фон», помогающий глубже и яснее выявить и изложить особенности человеческой психики. В этом труде используются работы психологов и философов, которые помогают созданию системы психологических категорий и понятий, связанных с теорией отражения. Отсюда вытекает ограничение: в книге рассматриваются взгляды только советских философов и психологов.

Включение в Конституцию СССР ряда психологических понятий [42], а также задачи формирования личности нового человека — все это повышает ответственность советских психологов за развитие своей науки.

Современная психология еще не представляет собой достаточно строгой теоретической системы. В ней еще немало «белых пятен» и не вполне разработанных понятий. Здесь уместно напомнить высказывание Ф. Энгельса из «Диалектики природы»: «Но в теоретическом естествознании, которое свои взгляды на природу насколько возможно объединяет в одно гармоническое целое и без которого в наше время не может обойтись даже самый

---

[41] См.: *Платонов К. К.* О системе психологии. М., 1972.

[42] Подробнее см.: *Платонов К. К.* О системе психологических понятий, включенных в Конституцию СССР.— В кн.: Вопросы психологии труда и эргономики. Ярославль, 1978, с. 3—21.

скудоумный эмпирик, нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше»[43].

Приведенное высказывание может быть отнесено и к этой книге. Она написана с желанием приблизить то время, когда коллективными усилиями советских психологов и философов будет создана работа, излагающая систему психологии столь полно, что эпиграфом к ней можно будет поставить слова Лукреция Кара, сказанные около 2000 лет назад:

> Все тут одно из другого становится ясным, и если
> Понял меня ты, труды приложив небольшие, с дороги
> Ночь не собьет тебя больше, и узришь ты тайны природы.
> Так одна вещь постоянно должна освещаться другою[44].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Предпосылки создания системы психологических понятий

1. Взаимодействие как исходное понятие

Слова Лукреция, поставленные эпиграфом к книге, говорят о необходимости найти исходное понятие, от которого можно было бы вести всю дальнейшую цепь понятий, уложив их в единую систему психологической науки. Уместно напомнить и мысль Н. И. Лобачевского: «Первые понятия, с которых начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены к самому меньшему числу. Тогда только они могут служить прочным и достаточным основанием учения»[1]. В другом труде он писал еще более определенно: «Истинная теория должна заключаться в одном простом, единственном начале, откуда движение берется, как необходимое следствие со всем своим разнообразием...[2] Таким исходным понятием для психологии является понятие «взаимодействие».

Стремясь найти основу для объяснения всех явлений, Гегель писал в «Науке логики»: «Насколько рассудок

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 360.
[44] *Лукреций Кар.* О природе вещей. М., 1913, с. 40.
[1] *Лобачевский Н. И.* Полн. собр. соч., т. 1. М.; Л., 1946, с. 186.
[2] Там же, т. 5, с. 448—449.

упорно не приемлет субстанциональности, настолько же ему, напротив, привычна причинность, т. е. отношение причины и действия... Таким образом причинность переходит в отношение *взаимодействия...* так как причина есть причина в действии и действие есть действие в причине» [3].

Характеризуя это понятие, Ф. Энгельс заметил в «Диалектике природы»: «*Взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... Так естествознанием подтверждается... что взаимодействие является истинной causa finalis (конечной причиной) вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать... Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [4]. Энгельс неоднократно возвращался к мысли о значении взаимодействия. «Взаимодействие,— писал он,— исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное...» [5]. В «Анти-Дюринге» он говорил о «...представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами» [6]. Эти положения Ф. Энгельса являются основополагающими при анализе всех вопросов нашей темы.

И. М. Сеченов также придавал категории взаимодействия первостепенное значение. «Кто не знает, наконец,— писал он,— что изучение природных явлений сводится в конце концов на изучение взаимодействия составляющих его факторов?» [7] Для нашего исследования важно, что Сеченов показал ту особую форму взаимодействия, где проявляется «взаимодействие факторов — ничтожного и громадного» [8]. Эта форма взаимодействия особенно существенна для понимания специфики процессов отражения,

---

[3] *Гегель.* Соч. М.; Л., 1929, т. 1, с. 256—258.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-изд., т. 20, с. 546—547.
[5] Там же, с. 483.
[6] Там же, с. 22; см. также с. 20, 71, 392—396, 466—468, 481—485, 494, 531, 546—547, 568—569, 622.
[7] *Сеченов И. М.* Избр. произведения. М., 1952, т. 1, с. 468.
[8] Там же, с. 483.

будь то передача и переработка сигналов в технике связи или же в нервной системе животных и человека.

Категория взаимодействия составляет основу любой системы, в определениях которой обязательно присутствуют понятия «взаимодействие» либо «связь». Так, Берталанфи, пытаясь создать «Общую теорию систем», определял системы «как комплексы элементов, находящихся во взаимодействии»[9]. Из взаимодействия как конечной причины всех явлений вытекает один из наиболее общих принципов — принцип детерминизма. В психологии это основной принцип, на что указывал С. Л. Рубинштейн и который всесторонне разрабатывает Е. В. Шорохова. Принцип детерминизма в психологии можно кратко определить следующим образом: психическая рефлекторная деятельность всегда является деятельностью, детерминированной извне[10].

Не рассмотрев явления взаимодействия в его наиболее общей форме, нельзя объяснить ни явлений жизни, на основе которой развилась психика, ни таких психических явлений, как деятельность (а следовательно, и действие, поступок, навык, общение). Только с помощью понятия взаимодействие можно раскрыть *взаимодеятельность* с ее видами обучения, воспитания, руководства, лечения. Более того, и само явление отражения не может быть правильно понято без опоры на исходное для них понятие взаимодействия.

Поэтому представляется неверной позиция С. Н. Смирнова, который рассматривает отражение и взаимодействие как самостоятельные взаимоотрицающие, противоположные и взаимопроникающие моменты движения, атрибуты материи. «Отражение внешнего мира субъектом может быть процессом относительно самостоятельным по отношению к его взаимодействию с этим миром,— пишет С. Н. Смирнов.— И эта относительная самостоятельность может простираться настолько, что субъект становится способным отображать не только тот внешний мир, с которым он взаимодействует в данный момент, т. е. на данном этапе своего развития, а и те компоненты внешнего мира, которые еще не стали объектами его взаимодействия

---

[9] *Bertalanffy*. General system theory.— Gen. Syst., 1956, vol. 1, p. 1.
[10] Подробнее см.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957, с. 174.

с этим миром»[11] (иными словами — образы его воображения.— *К. П.*). Эта концепция не учитывает того, что нет и не может быть вооображения помимо комбинаций ранее бывших процессов отражения как проявлений взаимодействия человека с миром.

Однако неправильно понимать взаимодействие по модели «двуручной пилы». Поэтому невозможно согласиться и с утверждением о том, что взаимодействие двух объектов — это «два противоположно направленных процесса: воздействие первого тела на второе и обратное воздействие второго на первое, которые совершаются *в одно и то же время*, которые совершенно невозможно разделить во времени. Неразрывность испытывания воздействия извне и оказывания ответного воздействия, органическое сочетание изменений воздействующих друг на друга объектов, проявляющееся в том, что изменения одного из них немедленно претерпевают изменения в силу тех изменений другого, которые они вызвали,— такова суть взаимодействия»[12].

Указанные взаимодействия, действительно, бывают, но не следует упускать из виду взаимодействие отсроченное. В психологии уже давно описаны отставленные реакции, а в психиатрии Е. А. Шевалев еще в 30-х годах описал так называемые отсроченные психогенные состояния[13]. И. М. Сеченов указывал на взаимодействие «факторов ничтожного и громадного». Человек, отражая мир, иногда меняет его кардинально, иногда совсем ничтожно, а иногда практически никак. Иными словами, взаимодействие может и не быть отражением или быть только потенциальным отражением, но любое отражение — всегда в своей основе — взаимодействие.

Здесь необходимо остановиться на вопросе, связанном с тем, чтó Энгельс и Гегель считали causa finalis, используя для выражения этого понятия немецкое слово Wechselwirking, которое принято переводить русским словом «взаимодействие». Но это слово может быть переведено и как «обмен влияниями». Поэтому «взаимодействие» надо понимать более широко: и взаимодействие, и взаимовлияние. При этом не следует забывать, что понятие «дейст-

---

[11] *Смирнов С. Н.* Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974, с. 15—16.
[12] Там же, с. 27.
[13] См.: *Шевалев Е. А.* О запоздалой реактивности.— В кн.: Проблемы острых и экзогенных заболеваний. Харьков, 1935.

вие» имеет и другой смысл, включающий понятие «цель».

С понятием взаимодействия связано понятие *снятия*, введенное в философию Гегелем. На этом понятии, также являющимся исходным, надо остановиться, ибо от его правильного понимания зависит стройность всей дальнейшей излагаемой системы психологических понятий.

Будучи самым тесным образом связанным с борьбой противоположностей, с законом отрицания отрицания, это понятие у Гегеля в высшей степени противоречиво. «*Снятие* и *снятое* (*идеализованное*) есть одно из важнейших понятий философии»,— писал Гегель в 1812 г. в «Науке логики», в специальном примечании о выражении «снятия», поясняя дальше, что должно различать между «снятым» и «ничто». «То, что снимает себя,— продолжает он,— еще не превращается вследствие этого в ничто. Aufheben (снятие) имеет в языке двоякий смысл: оно означает сберечь, *сохранить* и вместе с тем прекратить, *положить конец*»[14]. К этому вопросу он вернулся в 1816—1817 гг., когда писал: «Нужно при этом напомнить о двояком значении нашего немецкого выражения aufheben (снимать). Под aufheben мы понимаем, во-первых, устранить, отрицать и говорим, согласно этому, что закон, учреждение sind aufgehoben (отменены, упразднены). Но aufheben означает также *сохранить*, и мы говорим в этом смысле, что нечто сохранено (aufgehoben)»[15]. В понимании Гегелем снятия отчуждения заключается, как заметил К. Маркс, «корень *ложного* позитивизма Гегеля, или его лишь *мнимого* критицизма»[16]. Рассматривая противоположность понимания Марксом и Гегелем «снятия», Л. Рубинштейн писал: «Гегель превращает снятие отчуждения в чисто умственную операцию, ничего не меняющую в действительности, в реально совершающемся отчуждении продуктов человеческой деятельности... «Снятие» у Гегеля — это чисто идеальная операция: переход от низшей формулы к высшей соединяется с диалектическим пониманием этой низшей формы как «неистинной», несовершенной, как низшей... Для Маркса «снятие» не только идеальная операция, а процесс реальной переделки»[17].

---

[14] *Гегель*. Соч. М., 1937, т. 5, с. 99.
[15] *Гегель*. Соч., т. I, с. 166.
[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 634.
[17] *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 196; *Он же*. Проблемы общей психологии. М., с. 55.

Марксистское диалектическое понимание снятия как реальной переделки чрезвычайно важно для иерархии и субординации подсистем любой системы, в которой ее низшие уровни не уничтожаются и не остаются неизменными, а, сохраняясь, изменяются под влиянием более высоких уровней. Не учитывая изложенного, трудно глубоко понять иерархии и субординации форм отражения, реагирования, целеобразования, уровней личности, взаимодействия социального и биологического в человеке и т. д.

Итак, понятие взаимодействия в его динамической сущности, раскрытое Гегелем и с позиции диалектического материализма разработанное Энгельсом, должно быть положено в основу дальнейших рассуждений при уточнении системы психических явлений и понятий.

«Снятие» в психологии нередко понимается в его поверхностном смысле — «положить конец», «устранить», что лишает его диалектической сущности.

2. Основной вопрос философии как исходный принцип построения системы психологии

Взаимодействие может быть принято за исходное понятие в самых различных философских системах и теориях. Но научное осмысление этого понятия предполагает материалистическое решение основного вопроса философии.

Гегель первый в истории философии понял принципиальное значение противоположности мышления и бытия. Он писал, что философия «распадается на две основные формы разрешения этой противоположности» [18]. Однако только Энгельс указал на место этой проблемы в философии, сформулировав ее как основной вопрос философии: «Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе» [19]. Ленин, развивая эту мысль, на вопрос: «...есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое?» — дал ответ: «Нет. Это — предельно широкие, самые широкие понятия...» [20].

[18] *Гегель.* Соч. М., 1935, т. 2, с. 208.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 283.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

Когда-то Архимед сказал: «Дай мне где стать и я сдвину Землю»[21]. Марксисты нашли точку опоры в диалектико-материалистическом решении основного вопроса философии, и это позволило им на основе обобщения данных истории науки и практики, на основе переосмысления всего философского наследия прошлого создать диалектический материализм.

Основной вопрос философии является методологически исходным и для понимания соотношения сознания и мозга. Это так называемая *психофизиологическая проблема*, которая включается в *психофизическую* (отношение сознания и бытия), но по существу не тождественна ей. Об этой проблеме с предельной ясностью писал Ленин: «...остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения»[22].

Другая сторона психофизиологической проблемы мистифицирована в буржуазной науке с позиций так называемой *психосоматики*, использовавшей проявление «психофизического парадокса» — влияния психического как идеального па соматическое (материальное) для укрепления идеалистических представлений о душе и теле. Влияние психики на сому навсегда останется загадкой для вульгарного материализма и психофизиологического параллелизма, поскольку может быть понято только с позиций диалектико-материалистического монизма[23].

Для построения системы психологии трудно переоценить роль указания Энгельса, данное в «Диалектике природы»: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения»[24]. Подчеркнем, что данное принципиальное положение о соотношении объективной и субъективной диалектики отнюдь не отменяет того, что последняя имеет специфиче-

---

[21] *Архимед*. Соч. М., 1962, с. 68.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 40.

[23] См.: *Платонов К. К.* Личностный подход в понимании психосоматических взаимодействий.— В кн.: Роль психического фактора в происхождении, лечении и течении соматических болезней. М., 1972, с. 47—55.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 526.

ские формы, приемы, способы движения мысли, начиная от абстракций, идеализаций, теоретических конструктов до гипотетических построений и других проявлений активности человеческого мышления.

Развивая теорию отражения, В. И. Ленин, с одной стороны, многократно подчеркивал, что «диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот»[25] и что «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека»[26]. С другой стороны, он подчеркивал значение специфически активного характера человеческого мышления и познания. В «Философских тетрадях» Ленин не раз возвращался к вопросам роли творческого воображения, научной фантазии, необходимости такого «отлёта» мысли от действительности, который позволяет глубже и полнее постигать свойства и законы, не данные непосредственно в эмпирическом опыте. Эти положения Ленина являются основополагающими как для понимания ленинской теории отражения, так и для ее применения и к основам современной психологической науки.

Такие понятия диалектико-материалистической теории отражения, как «отражаемое», «отраженное», «отражение» («отображение»), «процесс отражения», «продукт отражения», «объективная диалектика», «субъективная диалектика», составляют исходные (предпосылочные) понятия системы психологии, составляя «методологию психологии» (аналогично методологии физики и других наук).

Указанные понятия дополняются некоторыми понятиями методологии науки, необходимыми для описания и анализа психических явлений. Прежде всего это понятие «феномен». В философию этот термин (от греческого phainomenon — являющееся) введен Аристотелем. Кант понимал под феноменом только внешне познаваемое проявление ноумена — непознаваемой сущности — «вещи в себе». Марксистская философия под феноменом понимает познаваемое единство как проявлений, так и сущности вещи или явления. Это понятие также входит в систему основных понятий психологии.

Каждый изучаемый психический, как и любой другой, феномен (отдельное явление или сознание в целом, лич-

---

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.
[26] Там же, с. 165.

ность или деятельность и т. д.) имеет свойства, присущие ему и раскрывающие его сущность. При этом свойства психического феномена имеют свою иерархию, отражаемую в различных терминах. Поскольку в психологической литературе они часто недостаточно строго определены, дадим наиболее употребляемым из них краткие определения.

Свойство — это наиболее широкое понятие, отражающее нечто присущее феномену, его частичное сходство или различие с другими.

Особенность — это такое свойство, которое четко отличает данный феномен или данный его тип от других. Можно сказать и так: особенность феномена — это его индивидуальное свойство или совокупность свойств.

Качество — это система наиболее существенных свойств, дающая феномену определенность. Меняется качество, меняется и феномен в целом. Каждое качество можно рассматривать как сложное свойство, но не всякое свойство можно называть качеством. «Качество,— писал Гегель,— есть вообще тождественная с бытием, непосредственная определенность... Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» [27].

Атрибут — это особое существенное качество, без которого данный феномен «не может ни существовать, ни быть представляемым» [28]. Атрибуты выражаются в понятиях, являющихся категориями данного феномена. По мере введения новых терминов их определения будут даваться.

Итак, материалистическое решение основного вопроса философии, а также исходные понятия теории отражения и некоторые понятия методологии науки лежат в основе построения системы психологии.

3. Концептуальный язык психологии

Понятия, входящие в ту или иную теорию либо науку, отличаются по объему или области применения, по степени информативности и существенности, общепризнанности и т. д. Они находятся в отношениях координации и субординации, соподчинения и подчинения. Наи-

---

[27] *Гегель.* Соч. М.; Л., 1929, т. 1, с. 157.
[28] *Спиноза Б.* Избр. произведения. М., 1957, с. 327.

большее значение имеют категории. *Категории* (от греческого katēgoria — суждение, высказывание, определение) — основные и наиболее общие понятия наук. «Категории,— писал В. И. Ленин,— суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [29].

Психология пользуется философскими категориями, поскольку они распространяются на все науки и в своей совокупности отражают наиболее общие формы бытия, типы связей и законы движения и развития объективного мира. Это — материя, движение, пространство и время, количество и качество, противоречия, причинность, явления и сущность, необходимость и случайность, форма и содержание, возможность и действительность, внутреннее и внешнее и т. д.

Психология, как и любая другая наука, имеет также и свои, специфические категории. В настоящее время к ним наметилось два подхода. Согласно одному, развиваемому М. Г. Ярошевским, каждый период развития психологической науки выдвигает свои категории. Рассматривая понятия «категориальный анализ» и «категориальный подход» [30], М. Г. Ярошевский пишет: «Анализ развития системы таких психологических категорий, как образ, действие, мотив, общение, личность,— являющихся основными, внутренне связанными, но не сводимыми друг к другу формами отображения психической реальности,— и составляет главное содержание этой книги» [31]. Категорию общения он связывает с теорией ролей, категорию личности — с экзистенциальной психологией.

С предлагаемым М. Г. Ярошевским определением категорий в основном нельзя не согласиться. Но его книга убедительно показывает, что ряд общепсихологических категорий (хотя и не все), меняя словесное выражение, проходит красной нитью через многие теории различных психологических школ. И это соответствует излагаемой в книге концепции.

Каждый новый период в развитии психологии и каждая психологическая школа, переоценивая категории предшествующих периодов, формулируют их, исходя из своих теорий, в то же время приближаясь к абсолютной истине. Ведь если в понятии психологии отражаются

---

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.
[30] *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. М., 1974, с. 21.
[31] Там же, с. 16.

психологические феномены, то ее категории отражают наиболее существенные по широте охвата психические явления. Марксизм признает относительность истины, но не сводится к релятивизму, так как утверждает, что через ряд относительных истин наука приближается к познанию абсолютных истин, хотя, конечно, ряд школ и направлений акцентируют внимание на различных категориях, выдвигая их на первый план в соответствии со своими теориями.

В зависимости от степени широты в психологии, как и в других науках, есть категории двух иерархических ступеней.

Общепсихологические категории — это понятия, объем которых совпадает с объемом психологической науки. Их шесть: психическое отражение, психическое явление, сознание, личность, деятельность, развитие психики.

Частные психологические категории — это понятия, являющиеся категориями только в случае рассмотрения их в определенной совокупности, исчерпывающе совпадающей с объемом и содержанием той или иной общепсихологической категории. Как будет показано, понятия:

— память, эмоции, ощущения, мышление, восприятия, чувства и воля, понимаемые как формы отражения, соответствуют в своей совокупности общепсихологической категории *форм психического отражения*;

— психические процессы, психические состояния и свойства личности в совокупности характеризуют категорию *психических явлений*;

— переживание, познание и отношение в совокупности образуют категорию *сознания*;

— направленность, опыт, особенности психических процессов, темперамент, характер и способности в своей совокупности определяют категорию *личность*;

— действие, цель, мотив, психический акт определяют категорию *деятельность*;

— созревание и формирование, филогенез, антропогенез, общественно-историческое развитие, онтогенез психики входят в категорию *психического развития.*

Поэтому все они частные категории. Более частные входящие в них и им подчиненные понятия, которые могут быть весьма значимы, не должны рассматриваться как категории. Так, например, навык не является категорией, потому что определяется через категорию действия. Образ — не категория, а важнейшее понятие, входя-

щее не только в частнопсихологическую категорию познания, но и в категории ощущения, восприятия, мышления и цели. Понятия педагогики: воспитание, обучение, упражнение и тренировка, как и биологическая категория повторение, входят в их психологическом аспекте в частнопсихологическую категорию формирования психики.

Отдельные психологические науки конкретизируют в своих категориях и понятиях как общепсихологические категории, так и категории тех наук, на пересечении с которыми они лежат. Так, *социальная психология*, заимствуя ряд категорий из социологии: группа, социальная роль, социальный статус, общение, конкретизирует общепсихологические категории как групповые: групповое сознание, групповая деятельность, групповые способности и т. д. Понятия: коллектив, соревнование, социально-психологический климат, экспектация, социальная норма — частнопсихологические категории социальной психологии.

Психология труда берет от других наук, изучающих труд, следующие категории: производительность, рационализация, интенсификация труда, информация, рабочая среда и рабочее место, ошибочное действие и переводит ряд частнопсихологических категорий и понятий (способности, умения, утомление и усталость) в свои общие категории.

Медицинская психология, заимствуя из медицины ряд категорий и понятий (здоровье и болезнь, профилактика и лечение, реабилитация), уточняет ими психологические категории: преморбидная или постморбидная личность, лечебная деятельность, патологическое развитие личности и т. д.

Термины той или иной науки сгруппированы в смысловые гнезда, которые в целом составляют смысловую систему — *тезаурус* (от греч. thesaurus — сокровище, богатство, запас). Для одной и той же науки может быть составлено несколько тезаурусов в зависимости от назначения последних. Для информационно-библиографических целей, например, создаются специализированные информационно-поисковые языки, в частности языки автоматического поиска, и соответствующие им тезаурусы.

От характера организации тезауруса науки (или же отдельного человека) зависит процесс *понимания* и *усвоения* каждого понятия. Но подобно тому как процесс

понимания производен от процесса познания, так и организация тезауруса произведена и отличается от организации построения знания. И если закономерности познания изучаются гносеологией, то закономерности процессов понимания — психологией.

Наиболее отчетливо понимание проявляется при восприятии устной или письменной речи. С. Л. Рубинштейн дал отличное определение *понятого* — как результата *понимания*, позволяющего лучше уловить отличие процессов понимания от процесса познания. «Понятое — это то, что может быть понято, и оказывающееся понятым в результате деятельности понимания. То, что понято, не будучи понято в результате какой-либо деятельности понимания,— это не понятое, а банальное, не нуждающееся в том, чтобы быть понятым» [32].

Психология, как и любая наука, нуждается в разработке не только концептуального языка, но и формального — логического и особенно математического — языка. Путь математизации психологии, т. е. выражение содержания ее понятий и закономерностей с помощью методов математики, в виде математических моделей — это высший этап создания теоретической психологии как системы, которая строится по правилам логики и методологии науки. Попытки систематизации, упорядочения понятий психологии и есть предпосылка создания системы теоретической психологии, включая ее последующую математизацию.

В заключение параграфа хотелось бы коснуться довольно распространенного противопоставления языков различных наук, прежде всего языков философии и психологии. Такое противопоставление представляется неправомочным. Каждая наука изучает свои аспекты, стороны и связи опосредования единого реального целого, но изучает с позиций своего предмета, ни в коем случае не мистифицируя его, не навязывая ему того, что у него объективно отсутствует. Поэтому языки смежных наук, по-разному раскрывая стороны целого, не должны противостоять друг другу, а напротив — дополнять и уточнять друг друга.

Каждая категория, каждое понятие, как и язык психологии в целом, представляют собой исторически сложившееся явление. Потому они должны рассматриваться

[32] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии, М., 1973, с. 237.

не только в логическом, но и в историческом плане. Коллективная работа над созданием иерархической системы психологических понятий и категорий только начинается. Здесь уместно напомнить слова П. В. Копнина: «Вопрос стоит не о создании заново системы, а о ее осознании и совершенствовании в связи с развитием данной науки»[33]. Развитие психологической науки, безусловно, будет идти под влиянием практики социалистического и коммунистического строительства во все нарастающем темпе. Трудно предсказать, как именно будут изменяться термины, понятия и даже категории психологии, но что они будут изменяться и обогащаться это — несомненно. «...Если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? — писал В. И. Ленин и давал сразу же ответ: — Если нет, значит, мышление не связано с бытием»[34].

Итак, из изложенного следует, что построение системы психологических понятий предполагает уточнение общих и частных психологических категорий, которым эти понятия должны быть подчинены и составлять в совокупности с ними язык психологии. Единство этого языка — категорий и понятий в их взаимной согласованности и непротиворечивости представляют собой систему психологических понятий. Последняя является движущей силой развития психологической науки, поскольку в ней неизбежно возникают противоречия между различными понятиями. Эти противоречия бывают двух типов. Одни противоречия вызываются несоответствием понятий действительности, другие — пренебрежением к дефинициям, разнопониманием терминов.

*

Изложенное в этой главе показывает необходимость в системе психологии исходить из наиболее широкого понятия — взаимодействия и марксистского решения основного вопроса философии, приводящего к различению объективной и субъективной диалектики, как диалектики вещей и идей.

Система психологических понятий как явление субъективной диалектики, отражает систему объективных

[33] *Копнин П. В.* Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, с. 103.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

психических феноменов, подчиненную законам объективной диалектики. Построение системы психологической науки будет продолжаться постоянно. Но на каждом отрезке времени исследователь должен опираться на весь накопленный эмпирический материал, переосмысливая и систематизируя его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Системный подход в психологии

1. Системно-структурный анализ

Поскольку идеалом построения психологических теорий и психологии в целом является создание системы понятий, обращение к системному подходу и структурному анализу становится для психологии необходимым.

Понятия «система» и близкое ему «структура» интересовали еще античных философов. Но первый, ставший классическим, трактат, специально посвященный философской категории «система», был написан Карлом Линнеем в 1735 г. и продолжен в 1751 г.[1] Работы К. Линнея впервые показали значение системного подхода для зоологии и ботаники.

В 1770 г. Поль Гольбах написал «Систему природы», первая глава которой начиналась словами, актуальными и поныне: «Люди будут всегда заблуждаться, если ради порожденных воображением систем они станут пренебрегать опытом». В последней же главе — резюме «кодекса природы» — Гольбах писал: «...Дать человеческой мысли ариаднину нить, способную помочь ей выбраться из лабиринта, куда ее завело воображение и где она блуждает без надежды покончить когда-нибудь со своими сомнениями,— значит оказать ей содействие»[2]. Образ «ариадниной нити», как и название трактата, Гольбах заимствовал у Линнея. Идея системного подхода в XVIII в. занимала многие передовые умы. И если Линней попытался описать систему животных и растений, то Гольбах стремился к созданию системы всей природы. Но в домарксовой науке

---

[1] См.: *Линней К.* Система природы. СПб., 1864; Философия ботаники. СПб., 1805.

[2] *Гольбах П.* Система природы, Или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940, с. 7, 436.

внимание исследователей акцентировалось на вопросах разложения целого на части, а также классификации систем.

К. Маркс впервые с позиций диалектического материализма всесторонне разработал метод системного анализа сложной развивающейся социально-экономической системы — капиталистического общества, особо раскрыв значение целостности систем. И хотя «К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили нам специальных исследований проблемы системности в виде готовой методологической теории, но они оставили системную теорию общественного развития и множество примеров конкретного системного решения различных вопросов, возникающих при изучении общества как целого» [3],— пишет В. П. Кузьмин, исследовавший эту сторону работ К. Маркса.

В начале нашего века попытка создать общую теорию систем была предпринята А. А. Богдановым [4], но она не привлекла к себе внимания. В последнее же время идеи системного подхода и отдельные варианты теории систем находят применение в самых различных науках, в том числе и в психологии. Считается, что толчком для этого послужили труды австрийского биолога Л. фон Берталанфи [5]. Сейчас системным исследованиям посвящено немалое число работ. Начаты разработки новой науки — системотехники, изучающей сложные кибернетические системы управления и связи.

Но общепринятого определения понятия «система» до сих пор еще нет. «В различных науках,— отмечает А. И. Уемов,— термин «система» понимается по-разному» [6]. К тому же выводу приходит В. Н. Садовский [7]. Перед тем как изложить свое понимание этого понятия, П. К. Анохин привел следующую весьма интересную и еще не устаревшую сводку:

---

[3] *Кузьмин В. П.* Проблемы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 12.

[4] См.: *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (тектология). СПб., 1912. Ч. I.

[5] См.: *Садовский В. Н.* Логико-методологический анализ «общей теории систем» Л. фон Берталанфи.— В кн.: Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.

[6] *Уемов А. И.* Системы и системные исследования — Там же, Проблемы методологии системного исследования. М., 1970, с. 65.

[7] См.: *Садовский В. Н.* Основания общей теории системы. М., 1974.

«Система — это комплекс взаимодействующих компонентов» (Л. Берталанфи) [8];

«Система — это не просто совокупность единиц..., а совокупность отношений между этими единицами» (А. Рапопорт) [9];

«Система — это множество связанных, действующих элементов» (О. Ланге) [10];

«Система — это множество объектов вместе с отношениями между объектами и между атрибутами» (А. Холл, Р. Фейджин) [11];

«Любой комплекс, любая форма распределения активности в цепи, рассматриваемая каким-либо наблюдателем как закономерная, является системой» (Г. Паск) [12];

«Абстрактная система — это некоторое отношение, определенное на декартовском произведении некоторого семейства множеств объектов» (М. Д. Месарович) [13];

«Систему можно определить как любую совокупность переменных, которые наблюдатель машины выбирает из числа переменных, свойственных реальной машине» (У. Эшби) [14];

«Система — это множество связанных между собой элементов (любой природы), имеющее тот или иной вид упорядоченности по определенным свойствам и связям и обладающее относительно устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, выражающейся в относительной автономности поведения и (или) существования этого множества в окружающей среде... Элементы множества должны иметь *реальные связи* между собой, иначе это будет частично или вполне упорядоченное множество, но еще не система» (В. С. Тюхтин) [15];

[8] *Берталанфи Л.* Общая теория системы: Крит. обзор.— В кн.: Исследования по общей теории систем: Ежегодник. М., 1969, с. 29.

[9] *Рапопорт А.* Математические аспекты абстрактного анализа систем.— Там же, с. 88.

[10] *Ланге О.* Целое и развитие в свете кибернетики.— Там же, с. 196.

[11] *Холл А., Фейджин Р.* Определение понятия системы.— Там же, с. 252.

[12] *Паск Г.* Естественная теория цепей.— В кн.: Самоорганизующиеся системы. М., 1964, с. 319.

[13] *Mesarovic M. D.* Sistems theory and biology.— In: Systems theory and biology: Proceedings of the third systems symp. of Case Inst of Technology/Ed. Mesarovic M. D. N.— j. Spring-Verl., 1968, p. 61.

[14] *Эшби У. Р.* Конструкция мозга. М., 1962, с. 36.

[15] *Тюхтин В. С.* Системно-структурный подход и специфика философского знания.— Вопр. философии, 1968, № 11, с. 48.

«Можно, как нам представляется, выделить некоторый инвариант значения термина «система»: а) система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; б) она образует особое единство со средой; в) как правило, любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; г) элементы любой исследуемой системы в свою очередь обычно выступают как системы более высокого порядка» (В. Н. Садовский) [16];

«Система — это разнообразие отношений и связей элементов множества, составляющее целостное единство...», «Под системой имеет смысл понимать организованное множество, образующее целостное единство» (А. Д. Урсул) [17];

«Со структурно-функциональной точки зрения социалистическое общество представляет собой сложную дифференцированную целостную систему: иерархию подсистем различной степени сложности и организации. Каждая из этих подсистем, являясь компонентом, частью системы более высокого уровня, в свою очередь содержит в себе собственные подсистемы, которые снова подвержены членению» (В. Г. Афанасьев) [18];

«Мы можем определить систему как нечто целое, абстрактное или реальное, состоящее из взаимосвязанных, взаимодействующих или взаимозависимых частей» (Ф. Ханика) [19].

В заключение этой сводки П. К. Анохин писал: «Приведенные выше формулировки высказаны людьми самых различных специальностей. Здесь есть и биологи, и математики, и экономисты, и философы и др. Тем не менее бросается в глаза одно поразительное обстоятельство: все формулировки с некоторыми незначительными вариациями построены на одном и том же лейтмотиве — *на взаимодействии компонентов*. Именно «взаимодействие» компонентов системы является во всех приведенных формулировках решающим критерием системной организации».

Далее П. К. Анохин указывает на присущий, по его

---

[16] *Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Предисловие.— В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969.

[17] *Урсул А. Д.* Природа информации. М., 1968, с. 28.

[18] *Афанасьев В. Г.* Управление обществом как социологическая проблема.— В кн.: Научное управление обществом. М., 1968, вып. 2, с. 183—184.

[19] *Ханика Ф. де П.* Новые идеи в области управления. М., 1969, с. 23.

мнению, всем приведенным определениям недостаток: «Может ли взаимодействие компонентов, взятое само по себе, создать что-то системное, т. е. что-то упорядоченное? Неопределенность и неконструктивность всех приведенных выше формулировок делает понятным тот удивительный факт, что, несмотря на многолетнюю пропаганду, системный подход и в особенности Общая теория систем Берталанфи не сделались достаточно популярными среди реальных исследователей и не повели к революционному преобразованию самой исследовательской практики»[20]. П. К. Анохин так определил свою концепцию: «Широкое функциональное объединение (все-таки точнее было бы сказать: взаимодействие.— *К. П.*) различно локализованных структур и процессов на основе получения конечного (приспособительного) эффекта и было нами названо «функциональной системой»[21].

«Теория функциональной системы» Анохина справедливо оценена Б. Ф Ломовым: «Перспективным представляется подход, утверждающий принцип *системности* в анализе уже самих нейрофизиологических основ психики. Он развит в теории функциональной системы... в связи с исследованием *интеграции* элементарных нейрофизиологических процессов.. Таким образом, психическое в отношении к нейрофизиологическому выступает как системное качество: оно реализуется в динамике функционирования мозга как целостной системы, а не во множестве отдельных элементов»[22]. Однако при всех несомненных достоинствах теории функциональных систем решение Анохиным вопроса о возможности определять систему через взаимодействие компонентов нельзя не возразить — взаимодействие элементов между собой и с целым должно оставаться главным в понимании системы. Вместе с тем П. К. Анохин, безусловно, прав, говоря о применении теории систем к живым самоорганизующимся системам: здесь необходимо учитывать конечный итог как объективную цель этого взаимодействия.

Представляется необходимым различать *общую* теорию систем и частные ее модификации типа физиологической

---

[20] *Анохин П. К.* Теория функциональной системы.— Успехи физиол. наук., 1970, т. 1, № 1, с. 26—27.

[21] *Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968, с. 79.

[22] *Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии.— Вопр. психологии, 1975, № 2, с. 37.

функциональной системы, разработанной П. К. Анохиным, или же концепции динамической функциональной структуры личности, разрабатываемой мною. Последние, взаимодействуя с первой, ее уточняя и в свою очередь уточняясь ею, не могут механически переноситься из одной науки в другую, поскольку каждая наука изучает специфические системы взаимодействия.

В психологии (как и в физиологии, и в физике) «предварительно можно определить систему как комплекс некоторых объектов или элементов, находящихся в определенном отношении друг к другу» [23]. Это не противоречит тем определениям, которые были приведены в сводке, составленной П. К. Анохиным, но это определение требует дополнения: «в том, что взято за целое». Именно «взято за целое», а не «является целым», о чем речь пойдет в следующем параграфе, раскрывающем различия понятий «система» и «структура».

Пока же, говоря о системно-структурном анализе, мы будем эти понятия соединять дефисом, поскольку речь в данном случае идет о них обоих.

Приступая в психологии к системно-структурному анализу, прежде всего следует четко установить: какой познаваемый феномен, обладающий целостностью, берется как целое, которое в дальнейшем будет раскрываться через его компоненты и их связи.

Это может быть вся наука психология или только одна из психологических наук, определенная проблема или тема. Но это может быть и психологическая категория (им посвящена следующая часть этой книги) или только одно ее свойство или проявление. Например, личность в целом, или только направленность личности, деятельность в целом или только действие. И личность, и ее направленность, как и ее деятельность и отдельные действия, могут быть взяты в их всеобщем, особенном или единичном. Обязательным требованием является только ограниченность и определенность этой целостности.

Далее надо выяснить, что составляет элементы целостности, понимая под таковыми неразложимые в рамках данной системы и относительно автономные ее части. Этот этап, определяющий успех всего анализа, опирается на понимание целого и его части (вопрос, на который пы-

[23] *Овчинников Н. Ф.* Категория структуры в науках о природе.— В кн.: Структура и формы материи / Ред. М. Э. Омельяновский. М., 1967, с. 11.

тался ответить еще Аристотель). Целое есть то, «что объемлет объемлемые им вещи таким образом, что эти последние создают нечто единое»[24],— писал он. Диалектику целого и части раскрыл Гегель: «...*целое* есть рефлектированное единство, которое само по себе обладает самостоятельным устойчивым наличием... Целое равно частям, однако оно равно *им* не как частям; целое есть рефлектированное единство, части же составляют определенный момент или *инобытие* единства и суть разное многообразное. Целое равно им не как этому самостоятельному разному, а как им *вместе* взятым. Это их «вместе» есть, однако, не что иное, как их единство, целое как таковое»[25]. Гегель отмечал в связи с познанием: «Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного... Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого...»[26] Приведенная мысль имеет большое значение не только для правильного проведения системно-структурного анализа, но и для всей проблемы, разрабатываемой в этой книге.

На следующем важнейшем этапе системно-структурного анализа психических явлений необходимо вскрыть наиболее существенные и общие *связи* между элементами и между каждым из них и целостностью. Ими могут быть как односторонние причинные связи, так и взаимозависимости и взаимовлияния в процессах функционирования, поведения и развития целого явления.

Дальше следует выявить *необходимое* и *достаточное* число подсистем или подструктур, в которые или на пересечении которых уложатся все элементы анализируемой целостности. Подструктуры или подсистемы и элементы подвергаются *классификации* как необходимому способу их упорядоченности. Классификация частей и целого может быть выделена в самостоятельный этап системно-структурного анализа в психологии.

Далее следует задача определения понятий системы и структуры и их различия. В структурах число и обусловленность подструктур зависят от объективно существующих свойств целостного объекта и не зависят от познающего субъекта, который может правильно или ошибочно, полно или неполно их отразить. В системах число подсистем может зависеть от тех или иных критериев, взятых

[24] *Аристотель.* Метафизика. М.; Л., 1934, с. 102—103.
[25] *Гегель.* Соч. М., 1937, т. 5, с. 616—618.
[26] *Гегель.* Соч. М.; Л., 1929, т. I, с. 32.

за основу. В зависимости от избранных критериев, от «среза», который выступает предметом исследования, одни и те же элементы могут по-разному систематизироваться, т. е. группироваться в пределах единой целостности в различное число разных подсистем.

Следующей существенной задачей становится задача исследования генетической иерархии уровней компонентов и подсистем, сложившихся в процессе развития в функциональную субординацию и соподчиненность компонентов и целого.

Если системно-структурный анализ проводится только на одном из уровней форм движения или соответствующей формы отражения, то на этом системно-структурный анализ завершается. Но он может и переходить с одного уровня на более высокий, раскрывая *двойственную природу* изучаемого феномена как системного качества.

Эта особенность была выявлена Марксом при анализе товара как двойственная «чувственно-сверхчувственная» природа труда, позволившая ему раскрыть «тайну прибавочной стоимости». Маркс пояснял это следующим примером, позволяющим понять и «тайну субъективного», и «тайну сознания» с позиций учения о *системных качествах*: «Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь»[27]. Маркс рассматривал это открытие как отправной пункт, определяющий понимание политической экономии. «Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною»,— писал он[28].

Для разбираемой проблемы в психологии чрезвычайно важна следующая мысль К. Маркса: «Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз»[29].

Поэтому В. П. Кузьмин имел все основания утверждать, что если до Маркса наука знала материально-структурные и функциональные взаимосвязанные качества, то «открытию третьего рода качеств — *системных* — человечество обязано прежде всего К. Марксу... простому

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 81.
[28] Там же, с. 50.
[29] Там же, с. 82.

наблюдению они обычно недоступны, и потому их можно открыть лишь при помощи научного анализа, причем только такого анализа, который охватывает всю систему в целом...» И далее: «Открытие К. Марксом феномена двойственности качественной определенности социальных явлений — открытие системности»[30].

Б. Ф. Ломов, разрабатывая системный подход в психологии, пишет: «Психическое в отношении к нейрофизиологическому рассматривается как *системное качество*. Психические явления сопоставляются не с отдельными нейрофизиологическими процессами, а с организованными совокупностями таких процессов. При этом (что важно подчеркнуть) способ организации трактуется как детерминируемый не внутримозговыми отношениями, а взаимодействием организма со средой, прежде всего — поведением»[31].

Открытие Марксом системных качеств и значение их для психологии еще мало понято и еще меньше реализовано в психологии. Правда, сейчас обстановка в науке иная, чем во время творчества Маркса, когда «рождалось новое понимание действительности, в котором предметом научного изучения становились реальные макросистемы объективного мира и их закономерности. Одной из существенных граней этого понимания был системный подход. И, в свою очередь, одним из важных его представлений явилось понимание системных качеств»[32]. Потому есть основания рассчитывать на быструю и успешную разработку этой концепции в психологии. Действительно, как «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы» и как «до сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости»[33], так в переживании боли нет ни одного атома нервного вещества, и ни один нейрофизиолог не открыл в корковой нейродинамике творчества.

Системное качество — это качество, возникающее в системе более высокого уровня иерархии как продукт инте-

---

[30] *Кузьмин В. П.* Системные качества.— Вопр. философии, 1973, № 9, с. 83, 84; см. также: *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 67, 73.

[31] *Ломов Б. Ф.* Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии.— Вопр. философии, 1976, № 4, с. 89.

[32] *Кузьмин В. П.* Системные качества.— Вопр. философии, 1973, № 10, с. 106.

[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 56, 93.

грации функциональных качеств систем более низкого уровня[34]. Это может быть пояснено следующими схемами того целого, имя которому — мир (см. с. 39 и 231).

Продукт каждого уровня, являясь для него абстракцией в системе его понятий, становится конкретной реальностью следующего уровня, обусловливая систему новой науки со своими категориями. На системные качества, конечно, распространяется закон общего, особенного и единичного.

Необходимо обратить внимание на отличие понятия, введенного В. П. Кузьминым, «системное качество» от более широкого понятия «качество системы», которым может быть и ее материальное, и ее функциональное качество. Филологическая близость этих терминов нередко вносит путаницу. Потому представляется целесообразным термин «системное качество» заменить на термин «интегральное качество». Но этот вопрос, видимо, должны решить не психологи, а философы.

Но вернемся к системно-структурному анализу. Закончив перечисленные этапы, можно перейти к аналогичному анализу каждой из подсистем или подструктур, взяв ту или иную или каждую из них как целостность. Наряду с этим путем анализа существует и противоположный — путь структурного синтеза.

На первом его этапе собирается возможно большее число сведений о всех возможных свойствах и особенностях данной целостности. Собранные сведения систематизируются по подструктурам, а, если возможно, то и по элементам. При этом учитывается, что не только одно и то же сведение, но и один входящий в него сигнал может нести информацию как о нескольких элементах, находящихся в разных подструктурах, так и о самой целостности. Именно они объясняют взаимосвязь этих элементов, а через них и подструктур. Информация об этом элементе или подструктуре синтезируется в обобщенное о нем или о ней представление. Аналогично синтезируется информация о взаимосвязях. Так получается синтетическое представление об изучаемой целостности.

Оба описанных пути в гносеологии и психологии име-

---

[34] О различии понятий «качество системы» и «системное качество» см.: *Платонов К. К.* Что такое системный подход и системное качество.— Проф-техн. образование, 1978, 12, с. 52—54; *Он же*. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981, с. 138.

Схема

Уровни отражения п/п как взаимодействия	Системные качества как продукты более низких уровней	Высшее доступное проявление
7. Социальное	Общественное сознание	Общественные движения
6. Сознательное	Сознательность	Деятельность
5. Психическое	Субъективность	Научаемое поведение
4. Этологическое	Нервизм	Инстинктивное поведение
3. Физиологическое	Раздражимость	Наследственность
2. Химическое	Валентность	Изменение вещества
1. Физическое		Физическое движение

нуются процессами анализа и синтеза. Иногда они проходят неосознанно и неполно, иногда выступают как результат сознательно примененного метода. В последнем случае надо отличать уровень его применения от подробностей описания его результатов. Первое иногда требует специальных экспериментов, но чаще (как и в этой книге) анализируются уже хорошо известные сведения, но в иных системах понятий.

Сказанное о системных качествах относится ко всей процедуре системно-структурного анализа, который может проводиться не только в статическом плане, дающем «срез», но и в динамических планах: эволюционном и ретроспективном. Когда Энгельс писал о значении изучения психики животных, указывая, что «без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» [35], он подразумевал эволюционный анализ психики. Но для дальнейшего изложения нам нужен и *ретроспективный системно-структурный анализ.*

Этот важнейший методологический прием использован К. Марксом в «Капитале». Имея общее значение, он полностью применим и для нашего исследования. «Буржуазное общество,— писал К. Маркс,— есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производ-

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 512.

ственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»[36]. Метод поиска на низших ступенях иерархии *намеков* на уже имеющееся и хорошо изученное на более высоких ступенях может быть эффективно применен в сравнительной психологии для понимания развития форм психического отражения.

Итак, хотя в слово «система» вкладываются различные содержания понятий, системный подход даже в его стихийных формах всегда был плодотворен. В понимании природы он определил возможность дальнейшего развития не только систематики, но и эволюционной биологии и космологии. Материалистическая диалектика, соединенная с принципом системности, дала возможность К. Марксу раскрыть законы развития общества и системные качества.

Системное качество — это не любые качества системы (ведь есть еще и материальные, и функциональные), а только являющиеся продуктом менее организованной иерархической системы. Потому поняты они могут быть при рассмотрении двух иерархически связанных систем, взятых как целое.

Диалектическое понимание Марксом эволюции позволило ему обнаружить, идя от сложного, но известного, намеки на его становление на низших этапах эволюции. Этот метод, примененный Марксом при анализе развития общества, еще недостаточно используется как метод изучения развития сложных систем, в частности, психики.

Системно-структурный анализ может быть на современном уровне науки представлен в виде четкой поэтапной процедуры, осуществляемой не только в развернутом, но и в свернутом виде. Но его применение требует не менее четких дефиниций и единого понимания ряда терминов, прежде всего — общности и различия понятий «система» и «структура».

---

[36] Там же, т. 12, с. 731.

2. Соотношение понятий системы и структуры

Хотя эти два слова были связаны дефисом в термине «системно-структурный анализ», между понятиями, ими обозначаемыми, существуют определенные различия. На этих различиях, определяющих их взаимодействие, надо остановиться подробнее, так как они далеко не общепризнанны.

Две статьи «Философской энциклопедии», посвященные этим словам, раскрывают их различие в историческом аспекте достаточно четко, чего нельзя сказать о логическом. Довольно широко распространенное определение структуры как относительно устойчивого единства элементов, их отношений и целостности как инвариантного аспекта системы, подкрепленной известным примером броуновского движения как якобы не имеющего структурности, не вносят ясности. Во-первых, есть динамические, изменчивые, и, следовательно, не «инвариантные» структуры. Во-вторых, отношения броуновского движения к кристаллу выступают подобно отношению случайности к необходимости, т. е. не противопоставлением, а диалектическим переходом одного в другое, не существующих друг без друга.

В теории систем иногда структуру рассматривают в качестве свойства системы, а именно ее строения. В психологии структура нередко понимается с позиций гештальтпсихологии, называвшей себя «структурной психологией», но по сути только мистифицировавшей понятия структуры.

В советской психологии, невзирая на частое употребление понятий «структура личности», «структура навыка», «структура восприятия», четкого и одинакового понимания этого понятия пока нет [37].

Самостоятельное значение слова структура ранее всего сложилось во французском языке, уже примерно в 1500 г. Оно употреблялось в смысле сооружения (что соответствует латинскому пониманию слова structura — строение, сооружение), т. е. как свойство системы, ее организация.

В советской философской литературе наиболее верным представляется следующее определение Н. Ф. Овчинни-

---

[37] См.: *Платонов К. К.* Понятие «структуры» в теории личности.— В кн.: Проблемы личности, т. 1, с. 190—217; Личность, с. 31—32.

кова: «Структура представляет собой единство элементов, их связей и целостности»[38]. Но в этом определении недостаточно подчеркнута связь элементов с целым, что очень важно для психологии, в частности, с позиции личностного подхода, и слова «их связи» могут быть пониматься только как связи между элементами. Поэтому приведенное определение следует уточнить: Структура— это единство элементов, целостности и их всесторонних связей.

При таком понимании структура выступает как явление объективной диалектики. Структуры, как и их компоненты (подструктуры) существуют вне и независимо от воли человека[39]. Они не могут быть истинными или ложными, а только более или менее правильно и полно познанными. Различие содержания понятий «система» и «структура» было также показано Н. Ф. Овчинниковым: «*Структура* — это устойчивая картина взаимных отношений элементов *целостного объекта*... в зависимости от условий задачи и, опираясь на предварительные данные эмпирического знания, можно представить один и тот же объект в качестве самых различных *систем*. Число способов системного представления объекта не имеет ограничений, как не имеет ограничений само познание»[40] (курсив мой.— *К. П.*).

На наш взгляд, система — это понятие субъективной диалектики, более или менее адекватное отражение структуры. Она может быть как истинной, так и ошибочной. Так, существовали системы понимания строения Вселенной Птоломея, Коперника, Канта—Лапласа, система Джинса и Шмидта, но объективно всегда была одна и та же «солнечная структура» (здесь каждый может проверить себя — что у него сильнее: привычка к словам или логика).

---

[38] *Овчинников Н. Ф.* Структура и симметрия.— В кн.: Проблемы исследования систем и структур. М., 1965, с. 13.

[39] См.: *Зелькина О. С.* О понятии структуры.— В кн.: Некоторые философские вопросы современного естествознания. Саратов, 1959; *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры. Об объективном мире и познании. М., 1962; *Алексеев И. С.* О связи категории структуры с категорией целого и части.— Вестн. МГУ, Сер. 7. Философия, 1963, № 2; *Воскобойников А. Э.* Формирование понятия «Структура» в системно-структурных исследованиях. Автореф. канд. дис. М., 1967.

[40] *Овчинников Н. Ф.* Структура и симметрия.— В кн.: Системные исследования: Ежегодник. М., 1969, с. 112, 113.

Изложенное различие терминов «система» и «структура», при котором структура является самостоятельной философской категорией, на наш взгляд, может способствовать упорядочиванию употребления этих понятий. Имеется и иная трактовка, в которой структура выступает как существенная характеристика системы, как закон (вид) композиции ее элементов[41]. При таком понимании системы структура возвращается к ее исходному пониманию, т. е. к строению и рассматривается как одно из свойств системы, по сути являясь синонимом термина «организация». А синонимы лишают научный язык четкости. Высказывания различных специалистов, пытающихся раскрыть содержание понятий системы и структуры, еще не согласованы друг с другом. Однако, думаю, что это не дает права считать, что в «принципе такая задача, по-видимому, не разрешима»[42].

Из сказанного ясно, почему данная глава названа «Системный подход в психологии». Это — более краткая формулировка столь же правомочного системно-структурного подхода, тоже означающего построение систем понятий, которые отражают структуры явления. Через системный подход в мышлении мы стремимся познать реально существующие психологические структуры.

Корректное применение системно-структурного подхода связано с разграничением объективной и субъективной диалектики в познании психики. Четкое разграничение понятий объективной и субъективной диалектики, отражаемого и отраженного — необходимое условие научного анализа психических явлений. Представляется ненужным специально останавливаться на методологической несостоятельности смешения объективных отношений и отношений субъективных (как внутренних переживаний субъекта), как и на ошибочности понимания стимула как отражаемого и мотива как отраженного[43].

Подчеркнем, однако, что стимул как явление реального мира может иметь форму не только материального стимула, но и нравственного. Нравственное явление — это явление реального мира, выражающееся, в частности,

---

[41] См.: *Урманцев Ю. А.* Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974, с. 59.

[42] *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973, с. 11, 174.

[43] См.: *Платонов К. К.* Отношение и эмоции как формы отражения.— Тр. психоневрологического НИИ 1966, т. 37, с. 102—109.

Схема

Объективная диалектика	Субъективная диалектика
Диалектика вещей	Диалектика идей
Отражаемое	Отраженное
Объекты психологии	Предмет психологии
Психические явления	Психологические понятия
Объективные отношения	Личностные отношения
Объективная цель	Субъективная цель
Стимул	Мотив
Нужда	Потребность
Структура	Система
Значение	Смысл
Нравственные явления	Моральные явления

в определенных объективных отношениях между людьми. Психические явления точнее называть моральными явлениями. Личность имеет моральные свойства и переживает свои поступки как моральные или аморальные, тогда как для других людей эти же поступки объективно являются нравственными или безнравственными, изучаемые не только психологией, но и этикой.

В связи со сказанным добавим, что *потребность* — это психическое явление, отражающее объективное явление — *нужду* в чем-либо. Нужда организма, личности, коллектива, общества отражается индивидуальным, коллективным или общественным сознанием как потребность.

К сожалению, до сих пор достаточной четкости в различение психологических понятий *значения* и *смысла* в концепцию А. Н. Леонтьева[44] не внесено, хотя П. Я. Гальперин это различие четко сформулировал: «...значение — по роли объекта среди других вещей, а смысл — по отношению к потребности личности»[45].

При анализе этих терминов есть все основания опираться на концепцию Фреге (1848—1925), связывавшего их с понятиями «знак» и «имя». «Знак» он рассмат-

---

[44] См.: *Леонтьев А. Н.* Развитие психики. М., 1972, с. 291—293, 297, 305, 310—311, 325—327, 330—333, 515—517.

[45] *Гальперин П. Я.* Опыт систематического определения основных понятий психологии.— Вопр. психологии, 1973, № 2, с. 148.

ривал как обозначение, представляющее собой собственное имя, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле). Значение имени есть предмет, который обозначается (назван) этим именем. Смысл собственного имени в понимании Фреге можно описать как сведения, информацию, заключенные в понимании имени человеком — как усвоение этой информации [46].

При этой трактовке значение как отражаемое и смысл как отраженное выступают очень четко. К сожалению, позже эта четкость была утрачена. В логике и семантике указанные термины стали часто рассматриваться как синонимы [47], а в психологии потеряли определенность, будучи оторванными от теории отражения. Такое понимание значения и смысла включает эти понятия в единую систему, опирающуюся на теорию отражения.

Учения Ф. Энгельса об объективной и субъективной диалектике и В. И. Ленина о диалектике вещей и идей позволяют понять реальные взаимосвязи, существующие между изучаемыми определенной наукой предметами и явлениями как отражаемым и той системой понятий, в которой эти предметы или явления отражены. Тогда отражаемое называют объектом, а отраженное — предметом науки. Сказанное может быть условно обобщено схемой (см. стр. 44), ряды которой могут быть продолжены.

Говоря об объективной и субъективной диалектике, надо отметить два существенных обстоятельства. Во-первых, в обыденной жизни то, что люди отражают, и отраженный образ обозначаются одним и тем же словом. В этом проявляется единство объективного, отражаемого, денотата, и субъективного, знака-концепта. Двойственность обозначений проявляется только тогда, когда отраженное осознается как двойственное по своей природе системное качество. Указанное свойство определяется личностной обусловленностью и незеркальностью отражения.

Во-вторых, все субъективное может и должно рассматриваться в качестве реально существующих объектов познания. Более того, они таковыми являются для психоло-

---

[46] См.: *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung.— Ztschr. für Philosophie und philosophische Kritik, 1892, Bd. 100, S. 26—27, 31.
[47] См.: Философская энциклопедия. М., 1960, т. 5, с. 38.

гии. Поэтому каждый из них имеет подлежащую изучению структуру, к которой может быть применен системно-структурный анализ.

3. Системно-структурный анализ внутреннего и внешнего в человеке

Проблема соотношения внутреннего и внешнего, имеющая для психологической науки существенное методологическое и теоретическое значение, разрешима, как свидетельствует история психологии и философии, лишь на пути диалектико-системного подхода. Рассмотрим некоторые вехи этого пути.

Метафизическое разделение внутреннего и внешнего мы в довольно четкой форме находим у Дж. Локка (1639—1704). «Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашей души, воспринимаемые и рефлектируемые нами самими,— писал он,— доставляют нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь»[48].

Впервые диалектическое понимание внутреннего и внешнего было сформулировано Гегелем, который в «Науке логики» рассматривал внутреннее и внешнее в связи с категориями явления и сущности. При этом он возражал тем, кто «рассматривает сущность как нечто только внутреннее», противопоставляя этим взглядам идею взаимопереходов внутреннего и внешнего и о их взаимопроникновении[49].

Соотносительность этих парных категорий, определение внутреннего и внешнего зависит не столько от целей исследователя, сколько от объективно наличной устойчивости, степени целостности, относительной самостоятельности всего образования как системы. Так, если для неорганического тела окружающая среда выступает как внешнее, то в случае соотношения живого организма и среды дело обстоит сложнее. Из внешних условий несомненно внешними оказываются те, которые не существенны для его существования и поведения, представляя как

---

[48] *Локк Дж.* Избр. произведения. М., 1960, т. 1, с. 128.
[49] См.: *Гегель.* Соч., т. 1. М.; Л., 1929, с. 233, 237.

бы фон его бытия. Необходимые условия существования, без которых организм не может существовать (таковы, например, углерод, кислород, водород для метаболизма веществ и энергии, лежащего в основе жизни), усваиваются организмом, переходят во внутреннее, становясь его внутренней средой.

Еще сложнее анализ человека-индивида, обладающего сознанием. Человек является предметом исследования различных наук: как организм (анатомия и физиология человека) и как личность (философия, социология, психология). Для организма человека его нервная система выступает как внутреннее. Если головной мозг вместе с рецепторами воплощает в себе высшую целостность, выступает как своеобразный интегратор процессов, протекающих в организме, и связей организма и субъекта в природной и социальной среде, то внутренними будут морфологические, биохимические, физиологические, в том числе электро-физиологические явления.

Что касается сознания как отражения внешнего мира, то оно по-разному выступает в функции внутреннего и внешнего, поскольку ближайшим непосредственным субстратом сознания является корковая нейродинамика, интегрирующая все приходящие сигналы извне и изнутри организма. Но поскольку превращение системы сигналов в образы внешнего мира включает функцию соотнесения сигналов с внешними объектами, то для мозга как такового эта операция выступает как внешняя. Здесь вступает в силу целостность более широкая и высокая — субъект поведения в целом, для которого мозг суть его главное и имманентно присущее орудие, а образы — средства поведения, ориентации в окружающей среде природной и социальной. Иначе говоря, носителем сознания как отражения внешнего мира является субъект в целом; сознание суть его внутреннее состояние. В то же время по своему содержанию сознание есть преодоление, выход из сферы внутриорганических состояний организма (в том числе мозга) в мир вещей и процессов, есть отношение объекта к его отражению в субъекте и в то же время эффект активного отношения субъекта к внешнему миру.

Таким образом, при рассмотрении системной природы сознания в качестве высшей целостности, автономности выступает субъект отражения и преобразования внешнего мира. По-прежнему актуально звучит тезис Ф. Энгельса: «Мы, несомненно, „сведем“ когда-нибудь эк-

спериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»[50]. Физиологические, физические, химические процессы, к которым может быть «сведено» мышление, являются частью всей его сущности, но не частью внутреннего. В этом и есть то несовпадение категорий сущности и внутреннего, на которое указывал Гегель.

Человек как целостное образование имеет две взаимосвязанные, но относительно самостоятельные стороны и соответственно — системы и структуры — организм и личность. Когда речь идет о человеке как личности, ясность вносит положение С. Л. Рубинштейна: «Мы исходим из того, что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. С этим пониманием детерминизма связано истинное значение, которое приобретает личность как целостная совокупность внутренних условий для понимания закономерностей психических процессов»[51]. Такое понимание внутреннего в личности совпадает с определением «личность — это человек как носитель сознания».

Иное дело, когда речь идет о человеке в целом как единстве и организма и личности. При этом внешним для человека как целого является только окружающий его мир, «внешняя среда» как необходимое условие его существования. Что касается деятельности человека в среде, его поведения, то это одновременно и внутреннее, и внешнее; это — противоречивое диалектическое единство того и другого. Внешнее для человека «присваивается», становится его внутренним (опытом отражения и преобразования мира), а внутреннее (отражение и побуждение) через регуляцию действий превращается во внешнее — в изменения вещей и процессов.

Внутренняя среда организма, все физиологические процессы, включая корковую нейродинамику для человека в целом нельзя обозначить ни как внутреннее (каковыми они являются для человека как организма), ни как внешнее (каковыми они являются для человека как личности). Поэтому утверждение Е. В. Шороховой о том, что «под внутренними условиями понимаются: индивидуальные особенности высшей нервной деятельности, ее

[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 563.
[51] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957, с. 307.

внутренние законы, вскрываемые физиологическими исследованиями, потребности и установки человека, чувства и способности, вся система навыков, привычек и знаний, в которых отражен индивидуальный опыт человека и усвоенный опыт человечества»[52], относится к человеку в целом, а не как только к личности.

Итак философские категории внутреннего и внешнего имеют большое значение для всех наук о человеке, особенно для психологии. Но только системный подход к этой проблеме и конкретизация систем по аспектам и уровням и субординации смежных уровней выявляет то, что на одном уровне является внутренним, а при переходе системы на другой уровень — становится внешним. Одно и то же явление для человека как организма может быть внутренним, а для человека как личности — внешним. Это дало основание Гете сказать: «Нет ничего внутреннего, нет ничего и внешнего, ибо внутреннее есть в то же время внешнее». Не случайно и И. В. Давыдовский этими словами начинает в своей книге[53] главу, посвященную внутренним и внешним факторам в этиологии заболеваний.

4. Теория функциональных систем, теория отражения и психология

Одним из вариантов системного подхода, позволяющего объединить ряд исходных для современной психологии понятий, является теория функциональных систем П. К. Анохина. Эта теория, будучи дальнейшим творческим развитием рефлекторной теории Сеченова — Павлова, имеет все основания быть естественнонаучной базой современной психологии. Хотя рефлекторный принцип и принцип отражения, обобщаемые рефлекторной теорией психики, не тождественны рефлекторной физиологической теории[54], одна без другой не существует.

Теория функциональных систем подробно разработана и обоснована с позиций системного подхода к изучаемым явлениям. Построение целостной системы пси-

---

[52] *Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 30.

[53] См.: *Давыдовский И. В.* Проблемы причинности в медицине. М., 1962, с. 25.

[54] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 9—10.

хологии представляется дальнейшим творческим развитием теории функциональной системы. При этом некоторые понятия этой теории являются исходными и фундаментальными и для психологии.

Рассмотрение связи теории функциональной системы с теорией отражения[55] требует предварительного анализа биологического значения *повторяемости*. «...Основой развития жизни и ее отношения к внешнему неорганическому миру являются повторяющиеся его воздействия на организм. Именно эти воздействия как результат изначальных свойств пространственно-временной структуры неорганического мира обусловили собой всю анатомическую организацию и приспособительные функции первичных живых существ. В этом отношении организация живых существ представляет собой в подлинном смысле слова отражение пространственно-временных параметров, их конкретной среды обитания»[56],— писал П. К. Анохин. Отсюда следует дальнейшее положение: «непрерывность явлений внешнего мира отражается на «биологическом экране» как «прерывность» и жизненно важных событий для животных и человека, отставленных друг от друга во времени, но связанных континуумом малозначащих результатов целого поведенческого акта»[57].

Оба эти положения имеют большое значение и для психологии, так как они физиологически обосновывают значение повторяемости, регулярности в развитии психики.

Со значением повторяемости воздействий для развития животного мира в целом, нервной системы и психики в частности непосредственно связано положение о *полярности* биологически положительных и отрицательных воздействий среды на организм. Оно было положено П. К. Анохиным в основу его теории эмоций.

Эмоции сами по себе могут быть абсолютным сигналом «полезного или вредного воздействия» на организм, часто предшествуя определению локализации воздействия

---

[55] Подробней см.: *Платонов К. К.* Теория функциональных систем, теория отражения и психология.— В кн.: Теория функциональных систем в физиологии и психологии. М., 1978, с. 62—85.

[56] *Анохин П. К.* Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса.— В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963, с. 169.

[57] *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы.— В кн.: Философские проблемы биологии. М., 1973, с. 96.

и конкретному механизму в ответной реакции механизма[58],— писал П. К. Анохин, не касаясь специально последовательности возникновения эмоций и ощущений в фило- и онтогенезе. Но в беседах по этому вопросу он высказывается относительно более раннего времени возникновения эмоций. Это соответствует и их пониманию и применяемому им термину «болевая эмоция» и «эмоциональное ощущение»[59].

Боль не ощущение, а наиболее примитивная и ранняя эмоция, т. е. не образ, не элементарное познание, а лишь переживание. Понимание эмоций как простейших субъективных явлений уточняло их психологическое содержание, отражательную и регуляторную функции.

С положениями о повторяемости и о полярности стимулов связана идея *опережающего отражения.* Ее П. К. Анохин разрабатывал постепенно начиная с 1955 г. В 1962 г. он писал: «Настоящая работа является лишь скромной попыткой раскрыть исторические корни отражательной деятельности организма в отношении временной структуры мира. Целью этой работы было доказать, что опережающее отражение действительности как одна из форм отражения организмом объективного мира является историческим фундаментом для появления *всех высших форм* (курсив мой.— *К. П.*) предупреждения будущих событий, и прежде всего для появления условного рефлекса»[60].

Поставленная цель была достигнута. Идея опережающего отражения как простейшей допсихической формы отражения и ее генетической предпосылки получила всеобщее признание. На уровне человека опережающее отражение проявляется в форме ощущений, восприятий, эмоций, предвидения при мышлении и воли как специфической формы психического отражения. Но есть и иерархически более высокая связь опережающего отражения с психическим, существующая не на уровне отдельных процессов и состояний, а на уровне *направленности личности* как ее высшем уровне.

Без учета физиологических механизмов опережающе-

---

[58] См.: *Анохин П. К.* Предисловие.— В кн.: Гельгорн Э., Луфборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. М., 1966, с. 10—12.

[59] См.: Там же, с. 11, 14.

[60] *Анохин П. К.* Опережающее отражение действительности.— Вопр. философии, 1962, № 7, с. 111.

го отражения невозможно понять процесс *автоматизации* любого вида навыка; ведь этот процесс успешно проходит только тогда, когда цель автоматизируемого действия выходит за его рамки и опережает цель, ранее необходимую для выполнения этого автоматизированного действия. Проблема опережающего отражения остро стоит сейчас и в социальной психологии, поскольку стало общепризнанным, что группа людей только тогда становится коллективом, когда ее цели, также выходя за рамки группы и ее сиюминутной деятельности, опережают цели, замкнутые внутри группы, и подчиняют их перспективным целям общества.

Теория опережающего отражения неразрывно взаимосвязана с пониманием *цели*. «Еще совсем недавно употребление таких понятий, как «цель», «целесообразность», «целенаправленность» и другие, считалось среди физиологов и биологов по крайней мере одиозным»,— писал П. К. Анохин, включивший понимание цели в теорию функциональной системы через понятие *акцептора результатов действия*. И далее: «Совершенно очевидно... что объективным носителем цели как натурального явления в работе мозга является *аппарат акцептора результатов действия* как узловой механизм функциональной системы. Формируясь в самом начале поведенческого акта и будучи составлен из характерных нервных признаков *предстоящего* результата, он впоследствии производит идентификацию поставленной цели и реально полученного результата» [61]. Здесь четко показана связь цели, теории функциональной системы и акцептора действия. П. К. Анохин подробно сформулировал теорию акцептора действия в докладе на совещании по психологии в 1955 г., где дал и определение акцептора действия: «Этим термином мы обозначили вполне реальный физиологический аппарат, выполняющий *функцию оценки корой головного мозга результатов любого рефлекторного акта, любого приспособительного действия целого животного»* (курсив мой.— *К. П.*) [62]. В дальнейшем он значительно расширил это определение, связав его с понятием *модели будущих результатов*.

---

[61] *Анохин П. К.* Предисловие.— В кн.: Механизмы и процессы целенаправленного поведения. М., 1972, с. 4.

[62] *Анохин П. К.* Новые данные об особенностях афферентного аппарата условного рефлекса.— В кн.: Материалы совещания по психологии. М., 1957, с. 121.

С 50-х годов рассмотрение проблемы навыков стало немыслимым без опоры на концепцию акцептора действия. Отличие упражнения от механического, неосмысленного повторения, *муштры*, теперь понимается как формирование при каждом повторении за счет обратной связи все более тонкого и дифференцированного акцептора действия, вначале на осознаваемом уровне, затем переходящем в процессе автоматизации навыка на неосознаваемое.

Надо отметить, что П. К. Анохин неоднократно подчеркивал значение не только структуры функциональной системы, но и иерархии систем: «Иерархия систем» превращается в *иерархию результатов* каждой из субсистем предыдущего уровня» [63].

Итак теория функциональных систем, разработанная П. К. Анохиным в основном как теория физиологических систем, вышла за пределы физиологии, приобретя большое значение и для психологии. В настоящее время тенденция исследовать и объяснять свойства объектов, исходя из систем соответствующего иерархического уровня, опирающегося на подчиненные ему уровни и входящего в более высокие уровни организации, проявляется все чаще при изучении психических явлений и, очевидно, является перспективной.

*

Поиски системного подхода к природе и миру в целом, опиравшиеся на классификацию явлений, получили подлинно научное воплощение в системном подходе к общественным явлениям, осуществленном К. Марксом.

Системный подход как принцип современной психологии немыслим без понимания психических явлений как системных качеств, являющихся продуктами не только нейрофизиологических процессов, но и целостного взаимодействия субъекта и объекта. Однако метод системно-структурного анализа психических явлений в отрыве от диалектико-материалистической теории отражения легко может привести к ложным выводам. Только в соединении с ленинской теорией отражения он способствует раскрытию многих психических феноменов и, главное, помогает построению системы психологических понятий и системы функций психологической науки.

---

[63] *Анохин П. К.* Теория функциональной системы.— Успехи физиол. наук, 1970, т. 1, № 1, с. 40.

Философские и общенаучные понятия взаимодействия, объективной и субъективной диалектики, системы, структуры, системно-структурного анализа, системного подхода являются исходными понятиями. Опираясь на них, можно подойти к анализу значения для психологии философской категории отражения.

Системный подход к любым феноменам природы и общества приобретает во второй половине XX в. все большее значение. Открытые К. Марксом системные качества служат общей основой подхода к наукам о человеке. Естественнонаучной базой психологии выступает теория функциональных систем П. К. Анохина. Можно с уверенностью сказать, что сочетание этих основ определяет сейчас будущее психологии. Вместе с тем, большинство представителей самых различных наук, занимающихся общей теорией систем, отмечают, что она делает первые шаги и ее понятийный аппарат только создается.

Слабые места «общей теории систем» в целом объясняются ее оторванностью от теории отражения. Отсюда свойственное ей игнорирование различия систем, которые не только могут быть, но и, как правило, бывают подчинены условным критериям ее систематизации и объективно существующих структур. Если бы понятия зеркально отражали явления (феномены), то системы понятий совпадали бы со структурами феноменов. Но развитие систем понятий как относительных истин лишь бесконечно приближает нас к познанию объективно существующих структур и законов явлений.

Более того, нельзя забывать, что система психологии, как и любой науки, отражает не только сущность объективных феноменов, но и грани еще не полученных знаний, а иногда и наслоения ошибочных, но еще не преодоленных традиций. Последние часто принимают форму случайных дефиниций, не согласованных, а зачастую и противоречащих основным понятиям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Системный подход к отражению

1. Понятие отражения

Мы уже касались категории отражения и понятий «отражаемое» и «отраженное» как исходных понятий.

К истории понимания отражения не только философией, но и психологией относится учение об *эйдосах* Демокрита (около 460—370 до н. э.), названного К. Марксом «первым энциклопедическим умом среди греков» [1]. Считая его наиболее ярким выразителем материализма в Греции, В. И. Ленин писал о «линии Демокрита», противопоставляя ее идеалистической «линии Платона» [2]. Хотя до Демокрита эйдосы как образы понимались и другими философами, в частности, философом-врачом Эмпедоклом (около 490—430 до н. э.), Демокрит первый противопоставил эйдосам, существующим «во мнении», внешний мир, состоящий из «атомов и пустоты» [3].

Аристотель (384—322 до н. э.) в трактате «О душе», справедливо признанном первым трудом по психологии, утверждал еще более определенно: «Когда удалены чувственно-воспринимаемые объекты, в органах чувств остаются ощущения и (их) образы. Чувственно познаваемый объект и ощущение в их актуальном состоянии представляют собою то же самое, но по (способу) бытия они не тождественны» [4]. Эта идея имеет все основания считаться дальнейшим развитием предыстории теории отражения.

Однако подлинная история теории отражения начинается с Дени Дидро (1713—1784) и трактата «Разговор Даламбера и Дидро» (1769), фрагмент из которого уместно привести здесь достаточно полно, поскольку он же начинает и предысторию системного подхода к отражению.

«*Дидро*... Если вы признаете, что между этими животными и вами разница только в *организации* (курсив мой.— *К. П.*), то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность, вы будете правы; но отсюда будет вытекать заключение против вас, именно, что из материи инертной, ор-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 126.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.
[3] См.: Демокрит в его фрагментах. М., 1935.
[4] *Аристотель.* О душе. М., 1937, с. 83.

ганизованной известным образом под воздействием другой инертной материи, затем теплоты и движения, получается способность ощущения, жизни, памяти, сознания, эмоций, мышления. Остается только одно из двух: представить себе в инертной массе яйца какой-то «скрытый элемент», который обнаруживает свое присутствие в определенной стадии развития, или же предположить, что этот незаметный элемент неизвестным образом проникает в яйцо через скорлупу в определенный момент развития. Но что это за элемент? Занимает ли он пространство или нет? Как он проникает туда или ускользает, не двигаясь? Где он находится? Что он там делал в другом месте? Был ли он создан в тот момент, когда он понадобился? Существовал ли он? Ждал ли он своего жилища? Если он был однородным, то он был чем-то материальным. Если он был разнородным, то не понятна ни его пассивность до его развития, ни его энергия в развившемся животном. Выслушайте самих себя и вы себя пожалеете; вы поймете, что, не допуская простого предположения, которое объясняет все, именно, что способность ощущения есть всеобщее свойство материи или продукт ее *организованности* (курсив мой.— *К. П.*), вы изменяете здравому смыслу и ввергаете себя в пропасть, полную тайн, противоречий и абсурда.

Даламбер. Предположение! Легко сказать. Но что, если это качество по существу не совместимо с материей?

Дидро. А откуда вы знаете, что способность ощущения по существу не совместима с материей, раз вы не знаете сущности вещей вообще, ни сущности материи, ни сущности ощущения?...» [5]

Именно из этого фрагмента исходил В. И. Ленин, развивая, как он ее называл, «догадку Дидро»: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [6]. С позиций системного подхода в цитированном фрагменте Дидро заключено единственно правильное понимание отражения как продукта организованности материи. Материи присуща способность на каждом уровне ее организованности образовывать системное качество как продукт более низкого уровня. Один из этих продуктов

---

[5] *Дидро Д*. Избр. филос. произведения. М., 1941, с. 150.
[6] *Ленин В. И*. Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

на уровне ее организации, свойственной животным, выступает как ощущение, другой — на уровне человека — как сознание.

Такое понимание «догадки Дидро» подкрепляется его многочисленными высказываниями, близкими, выражаясь современным языком, системному подходу. Дидро рассматривал живой организм как систему, упрекая других за то, что они этого не понимают. «Если бы доктор Бауман ввел свою систему в надлежащее русло,— писал он,— ему бы вообще следовало определить животное как систему различных органических молекул, которые вступают в разнообразные соединения...» [7].

Понятие психического как продукта организации материи глубоко развил В. И. Ленин [8]. Именно он не только четко сформулировал задачу «...исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения» [9], но и указал, что путь выведения и объяснения ощущающей материи из неощущающей есть изучение изменения ее организации (способ связи и есть сущность организации).

Однако современные исследователи, работающие в области теории отражения, по-разному понимают системную проблематику. Так, В. И. Кремянский, исходя из системного подхода к информации, попытался создать типологию отражения. При этом предложенное им различие прямого (непосредственного и определенного) и косвенного отражения [10] бесспорно заслуживает внимания психологов.

В этой же плоскости проходит и наиболее оживленная дискуссия в вопросе соотношения феноменов (а следовательно и понятий) взаимодействия и отражения. Как уже отмечалось, С. Н. Смирнов рассматривает их в качестве двух самостоятельных феноменов [11]. Югославский философ Л. Живкович, напротив, считает, что «отражение есть тот всеобщий процесс природы, посредством которого

---

[7] *Дидро Д.* Указ. соч., с. 124.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 50, 239.
[9] Там же, с. 40.
[10] См.: *Кремянский В. И.* Типы отражения как свойства материи.— Вопр. философии, 1963, № 8, с. 131—142.
[11] См.: *Смирнов С. Н.* Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974.

осуществляется всеобщая связь и взаимодействие явлений в природе»[12], т. е. подчиняет взаимодействие отражению. Но большинство философов (Т. Павлов, В. С. Тюхтин, Б. С. Украинцев, Г. Х. Шингаров, В. И. Кремянский и мн. др.) выводят отражение из форм взаимодействия. Так оно понимается в этой книге.

Идея всеобщности феномена отражения в той или иной форме уже давно высказывалась многими исследователями сущности психических явлений. Но это была предыстория теории отражения, история же началась с «догадки Дидро», который экстраполировал некоторые черты психических явлений на всю материю. В этом он предвосхитил метод Маркса — поиск в низшем намеков на высшее, хорошо известное.

Итак, обобщая современное понимание различных видов отражения и опираясь на понимание В. И. Лениным отражения как всеобщего свойства материи, можно в первом приближении определить *отражение* как такую форму взаимодействия феноменов, при которой один из них — *отражаемый*,— сохраняя свою качественную определенность, создает во втором — *отражающем* специфический продукт: *отраженное*.

2. Развитие форм отражения

Принцип развития — всеобщий принцип диалектики, безусловно, распространяющийся и на отражение. Являясь всеобщим свойством материи и не оставаясь неизменным в процессе эволюции организации материи, развитие принимает новые, все более сложные и высокие по уровню организации формы. Развитие осуществляется на одних этапах и в одних направлениях постепенно, в других — диалектический перерыв постепенности приводит к скачкам, качественно новым формам отражения.

Формы отражения находятся в диалектической взаимосвязи с содержанием отражаемого. С одной стороны, «...всякий кризис, даже всякий перелом в развитии, неизбежно ведет к несоответствию старой формы с новым содержанием»[13], но, с другой стороны... «такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание... может *и должно* проявить себя в любой форме, и новой и старой...»[14],—

[12] *Живкович Л.* Теория социального отражения. М., 1969, с. 14.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 84.
[14] *Там же*, т. 41, с. 89.

писал Ленин. Поэтому каждая новая форма взаимодействия по-новому определяет отражение мира, но любая форма отражения адекватна отражаемому.

Тодору Павлову (1890—1978) принадлежит первая специальная монография, задачу которой он формулировал так: «Дать подробное *общетеоретическое* обоснование нашей характеристики диалектического материализма, причем вполне естественно предположить, что она имеет значение как для диалектического материализма в целом, так и для являющейся его *основой* теории отражения в частности»[15]. Современный уровень науки и, главное, системный подход позволяют, опираясь на эту, ставшую уже классической, работу, но и не повторяя ее, несколько иначе подойти к проблеме развития форм отражения, осветив в ней некоторые новые вопросы.

Для этой цели нами взят примененный Марксом в «Капитале» метод поисков в низшем намеков на высшее„ лучше изученное[16]. В качестве «высшего, лучше изученного» взята личность. Такой выбор становится более понятен, если привести известную формулу С. Л. Рубинштейна: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия»[17]. Это положение на иерархическом уровне форм отражения, свойственных человеку, снимает ту двучленную схему «внешнее раздражение — психический процесс», против которой возражал еще Д. Н. Узнадзе (1886—1950), называя ее «постулатом непосредственности»[18]. А. Н. Леонтьев также делал попытку преодолеть постулат непосредственности. Соглашаясь, что «конечно, формула эта (С. Л. Рубинштейна.— *К. П.*) является бесспорной»[19], он вместе с тем не считал, что средним звеном является личность. Противопоставляя ей свою формулу «стимул — деятельность — реакция», он писал: «Итак, в психологии сложилась следующая альтернатива: либо сохранить в качестве основной двучленную схему: воздействие объекта→изменение текущих состоя-

---

[15] *Павлов Т.* Теория отражения. М., 1936; *Он же.* Избр. филос. произведения. М., 1962, т. III, с. 18.

[16] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 731.

[17] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957, с. 308.

[18] См.: *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966, с. 158.

[19] *Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в психологии.— Вопр. философии, 1972, № 9, с. 96.

ний объекта (или, что принципиально то же самое, схему $S \to R$), либо исходить из трехчленной схемы, включающей среднее звено («средний термин») — деятельность субъекта и соответственно ее условия, цели и средства,— которое опосредствует связи между ними»[20]. В другом месте А. Н. Леонтьев формулирует идею: «Деятельность человека составляет субстанцию его сознания»[21].

К этой концепции, с которой трудно согласиться, придется вернуться при анализе деятельности как психологической категории. Здесь же, исходя из положения Ленина о том, что «в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове»[22], следует отметить, что оно преодолевает «постулат непосредственности». Ленинское положение можно конкретизировать, рассмотрев приведенное выше высказывание С. Л. Рубинштейна следующим образом: диада отражаемого и отраженного имеет на уровне человеческой психики в качестве третьего промежуточного звена — личность. Поэтому диада превращается в триаду:

отражаемое → личность → отраженное.

Изучение организации и свойств целостной отражающей системы — личности — позволяет, во-первых, более полно и глубоко раскрыть характеристики отраженного в ее сознании. Во-вторых, оно позволяет избежать неполноты и некоторой феноменологичности, которая неизбежно связана с ограничением исследования носителя отражения деятельностной стороной без учета многих характеристик носителя отражения — личности.

Такая односторонность в раскрытии системы отражения ярко проявляется в требовании моделирования естественного интеллекта: при помощи совершенствования программ переработки информации, но при сохранении организации моделирующей системы (ЭВМ). Однако совершенствование только информационных программ без совершенствования организации компьютера как отражающей системы не дает возможности моделировать многие функ-

---

20 *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 81.

21 *Леонтьев А. Н.* Деятельность и сознание.— Вопр. философии, 1972, № 2, с. 140; *Он же.* Деятельность. Сознание. Личность. с. 157.

22 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 5.

ции (особенно творческую сторону) естественного интеллекта[23].

В общем виде это не только относится к изучению психического отражения человека, но и имеет принципиальное значение для любых форм отражения как главного звена системы отражения. Этим звеном в эволюции форм отражения, начиная от простейших одноклеточных организмов до человека включительно, является активная самоорганизующаяся система. Но познание «тайны» природы самоорганизации не может быть сведено лишь к исследованию ее деятельности вне ее связи с организацией и характеристиками самого носителя — самоорганизующейся системы. На разных этапах эволюции отражающая система как подсистема целостной системы отражения различна. Именно она и определяет уровень той или иной формы отражения.

Иерархическая лестница классов отражающих систем и наук, их изучающих, может быть представлена в виде следующей схемы:

Схема

Объекты	Высшие уровни отражающих систем	Науки, их изучающие
общество	общение	социология
человек	личность	психология
позвоночные	психика	этология
беспозвоночные	нервная система	биология
растения и протисты	живая материя	биология
неживая природа	неживая материя	физика и химия

Эта схема требует некоторых пояснений. Есть все основания считать, что в поведении животных — предков человека внешние воздействия преломляются через их психику. Последняя определяется совокупностью более простых, чем у человека, субъективных явлений, опирающихся на еще более низшие уровни. Опосредующая функция отражения обнаруживается и на уровне растительных организмов. Здесь внутренним (отражающей системой) будут биохимические явления в клетках, тканях и

[23] Подробнее см.: *Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С.* Мышление человека и «искусственный интеллект». М., 1978, с. 37—44; 113—122.

растительных соках, определяющие раздражимость, изменения тургора, тропизмы и другие формы физиологического отражения. То же будет и у протистов — одноклеточных живых существ, у которых роль систем органов будут играть органеллы. Если спускаться еще ниже, в мир неживой природы, внутренним, преломляющим внешние воздействия выступят химические и физические свойства отражающего объекта. Отражение света, например, определяется физическими свойствами и состоянием поверхности отражения.

Поскольку класс физических форм отражения в этой книге является только «фоном», не останавливаясь на многих вопросах, касающихся физического и химического отражения, обратим внимание только на один общий вопрос отражения в неживой природе. Толчком к его обсуждению послужила книга Б. С. Украинцева «Отображение в неживой природе». Дело в том, что Б. С. Украинцев, как и другие авторы, например, Я. А. Пономарев и В. И. Кремянский, используют термин «отображение», а не «отражение», мотивируя это так: «...в физике термин «отражение» употребляется в несколько ином смысле... мы будем применять термин «отображение», обозначая им понятие отражения в гносеологическом смысле этого слова, чтобы избежать смешения различных понятий» [24]. Дальше он, как и Я. А. Пономарев в 1967 г., ссылается на то, что термином «отображение» В. И. Ленин пользовался как синонимом термина «отражение».

Действительно, у Ленина слово «отображение» встречается, но значительно реже, чем «отражение» (примерно в соотношении 1:7). При этом, видимо не случайно, слово «отображение» Ленин применяет говоря об образе или об изображении: «Наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего» [25]. В другом месте Ленин писал: «Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что́ „отображается“» [26], беря здесь слово «отображается» в кавычки. Критикуя теорию иероглифов Гельмгольца, Ленин отмечал, что о различии «теории

[24] *Украинцев Б. С.* Отображение в неживой природе. М., 1969, с. 7.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 66.
[26] Там же, с. 248.

отражения (или: отображения) и теории символов (или иероглифов), мы будем говорить особо»[27]. Несколько ниже он отмечал: «Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей», а еще раньше он, опять же, касаясь положения Энгельса, понятие «отображение» заменял понятием «изображение»: «...Энгельс говорит о вещах и об их изображениях в человеческой голове»[28].

Конкретный анализ применения классиками марксизма-ленинизма понятия «отображение» показывает, что Ф. Энгельс и В. И. Ленин использовали его как синоним *образа*, т. е. *результата* процесса отражения. При этом надо учитывать, что результатом процесса отражения человека бывает не только образ, но и переживание и отношение, о чем речь пойдет в главе VII. Кроме того, заметим, что отражение как феномен существует и как процесс, и как результат и, следовательно, понятие «отражение» включает в себя оба значения.

Но вернемся к схеме отражающих систем (см. схемы на с. 61 и 231). Уже на уровне неживой природы материя начала по-особому организовываться. С появлением жизни на земле процесс организации материи не только ускорился, но и стал более дифференцированным. Живая материя в виде органелл протистов и органов растений и животных представляет собой скачок в функции отражающей системы. Эта новая отражающая система приобрела на основе обмена веществ новое системное качество — раздражимость, которая в дальнейшем породила сигнальные связи со средой, генетическую память.

Эту форму отражения принято называть «биологическим отражением». Однако верно ли это? Ведь эта форма отражения свойственна не только растениям, не поднявшимся выше нее, но и животным, поднявшимся до психической формы отражения. У животных психическая форма отражения также биологична. Очевидно, необходимо устранить эту омонимию, не приемлемую в научном языке.

Если за рассматриваемой формой отражения оставить термин «биологическое отражение», то следующую его форму, приобретенную животными, надо назвать *биопсихической*, а еще следующую, свойственную только человеку, *социопсихической*. Но последний термин будет зву-

---

[27] Там же, с. 116.
[28] Там же, с. 244—245, 35.

чать как омоним «социальной психологии». Представляется более логичным закрепить за классом форм отражения, выше которого не поднялись растения, но свойственном и животным и человеку, термин *физиологическое отражение*. Такого же мнения придерживается и Я. А. Пономарев [29].

Обычно считается, что от физиологической формы отражения скачок был непосредственно к психической. При этом проводится как бы прямая линия: растение — беспозвоночные — позвоночные — человек. В плане такой «линейной эволюции» написаны главы «Развитие психики» во всех учебниках психологии. Монография А. Н. Леонтьева, специально посвященная развитию психики,— также представляет эволюцию «линейного» плана. Об этом говорят названия параграфов главы III «Развитие психики животных»: § 1. Стадии элементарной сенсорной психики (в него включены пауки, черви, медузы, морские звезды, муравьиный лев, рыбы); § 2. Стадии перцептивной психики (птицы, кролики, обезьяны); § 3. Стадии интеллекта (человекообразные обезьяны) [30]. Они обобщены фразой: «Предыстория человеческого сознания составляет, как мы видели, длительный и сложный процесс развития психики животных» [31].

Аналогично построены и привлекшая значительное внимание книга Я. Дембовского, в которой линейная эволюция также видна уже из оглавления: «Психология инфузорий», «Психология дождевого червя», «Психология пчелы», «Психология курицы», «Психология крысы» [32], и капитальное исследование Ф. Хайнда [33].

Психологи не одиноки в представлениях о «линейной эволюции», с ними солидарны и некоторые физиологи. Так, хотя в предисловии к «учебнику, написанному для биологов», А. Б. Когана указано, что он построен «в сравнительном и, когда это было возможно, эволюционном плане...» [34], фактически он содержит ту же концепцию эволюции: от пчел к личиночно-хордовым и рыбам. Так же

---

[29] См.: *Пономарев Я. А.* Психика и интуиция. М., 1967, с. 107, 110.
[30] См.: *Леонтьев А. Н.* Очерк развития психики. М., 1947, с. 23, 38, 45.
[31] Там же, с. 53; Проблемы развития психики. М., 1972, с. 252.
[32] См.: *Дембовский Я.* Психология животных. М., 1959.
[33] См.: *Хайнд Ф.* Поведение животных: Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975.
[34] *Коган А. Б.* Основы физиологии высшей нервной деятельности. М., 1959, с. 4.

построен и практикум А. Б. Когана и С. И. Щитова [35].

Во всех указанных работах и предисловиях к переводам нет упоминания о различии гомологии и аналогии в эволюции, о котором еще в начале века А. Н. Северцов (1866—1936) писал: «Как известно, двусторонне-симметричные животные распадаются на две главные группы, а именно на первичноротых (Protostomia), у которых ротовое отверстие развивается непосредственно из бластопора или первичного рта зародыша, и на вторичных (Deuterostomia), у которых ротовое отверстие взрослого животного является новообразованием, развивающимся независимо от бластопора» [36].

«Беспозвоночные» — понятие генетически неопределенное, т. к. «первичнохордовые» предки рыб — также «беспозвоночные». Первичноротые кардинально отличаются от вторичноротых не только эмбриональным и постэмбриональным развитием, но и строением нервной системы и анализаторов. Между яйцом и взрослой особью животные первой ветви имеют стадию личинки, а при так называемом «полном метаморфозе» еще и стадию куколки. «Происходящая в куколке перестройка организма слагается из двух процессов: из гистолиза и гистогенеза. При вскрытии куколки, находящейся в разгаре гистолиза, обнаруживается, что почти вся ее внутренность превращена в светлую сливкообразную массу... Гистогенез есть образование различных тканей из недифференцированного клеточного материала. Таковым служат продукты гистолиза»,— так пишет высококвалифицированный энтомолог, заключая: «Во время метаморфоза происходит одновременно разрушение и созидание тканей» [37]. «Под влиянием гистолиза в целом содержимое куколки как бы возвращается к недифференцированному состоянию яйца» [38],— дополняет другой специалист. Вопрос о степени гистолиза нервной системы у насекомых с полным метаморфозом до сих пор мало изучен. Но, видимо, и у них этот процесс весьма глубок.

Эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что никакой преемственности психической жизни индиви-

---

[35] См.: *Коган А. Б., Щитов С. И.* Практикум по сравнительной физиологии. М., 1954, с. 3.

[36] *Северцов А. Н.* Главное направление эволюционного процесса. М., 1925, с. 59.

[37] *Шванвич Б. Н.* Введение в энтомологию. Л., 1959, с. 126, 128.

[38] *Бей-Биенко Г. Я.* Общая энтомология. М., 1971, с. 136.

да у насекомых с полным метаморфозом в его трех формах жизни организация их нервной системы обеспечить не может. Трудно предположить, чтобы она имелась у насекомых с неполным превращением, поскольку гистолиз и гистогенез имеются и у них.

Строение нервной системы первичноротых как отражающей системы обеспечивает своеобразие их реагирования. Оно осуществляется по схеме генетически закрепленных рефлекторных цепей, обеспечивающих нейродинамические стереотипы, получившие название инстинктов.

«В настоящее время,— писал В. А. Вагнер в начале века,— мы имеем такую огромную литературу, посвященную определению инстинктов, что собрание ее в одно целое могло бы составить маленькую библиотеку»[39]. Но ясность в вопрос об инстинктах внес А. Н. Северцов, связав инстинкты с определенным направлением эволюции: «...в типе членистых преимущественное значение приобрела деятельность типа инстинкта, в типе хордат — психика „разумного типа"»[40]. С этим положением (заменив только слово «деятельность» на слово «поведение») согласны все специалисты (Н. Н. Ладыгина-Котс, Н. Ю. Войтонис, Э. Г. Вацура, Г. З. Рогинский, Н. А. Тих, К. Э. Фабри и др.). Классические наблюдения и эксперименты Ж. Фабра[41], многократно подтвержденные, обобщенно сформулировала Н. Н. Ладыгина-Котс: «...беспозвоночные животные, даже такие, как насекомые, имеющие весьма сложные инстинктивные формы поведения, обладают ограниченной способностью к их перестройке, в особенности при резком отклонении условий их жизни от нормальных. Попадая в необычные дли них жизненные ситуации, насекомые проявляют привычные, инстинктивные формы поведения, не адекватные ситуации, и погибают»[42]. Сказанное, конечно, относится не только к насекомым, но и ко всем ниже их находящимся животным этой ветви.

Закономерность, определяющую эти наблюдения в причинно-следственном плане, раскрыл Н. А. Ливанов: «Эво-

---

[39] *Вагнер В. А.* Биологические основания сравнительной психологии, СПб., М., 1913, т. 2, с. 15—16.

[40] *Северцов А. Н.* Эволюция и психика.— Собр. соч. М.; Л., 1945, т. III, с. 289—298.

[41] См.: *Фабр Ж.* Инстинкт и нравы насекомых. Пг., 1906. Т. 1; 1914. Т. 2.

[42] *Ладыгина-Котс Н. Н.* Развитие форм отражения в процессе эволюции организмов.— Вопр. философии, 1956, № 4, с. 96.

люция неограниченна...— писал он, выделяя эти фразы курсивом.— Но в каждом конкретном случае ее направление, ее формы определяются, с одной стороны, той организацией, той природой организма, которые выработались в длительном процессе эволюции и являются результатом всей филогенетической истории, а с другой — условиями биотической и абиотической среды и возможностью их освоения организмом... высшая нервная деятельность насекомого выливается в выработку сложнейших инстинктов, тогда как у позвоночных она идет в сторону сложнейших условных рефлексов» [43].

Как видим, так называемое монофилетическое (линейное) понимание развития психики не отвечает истинному положению вещей. Такое понимание приводит не только к подмене аналогий в поведении гомологиями, но и к наделению высших первичноротых (а иногда и не только высших), психикой, а следовательно, и субъективным. Вместе с тем одинаково неправомочно и то, что В. А. Вагнер называл «монизмом снизу» (сведéние высшего к низшему) — редукционизмом, и то, что он именовал «монизмом сверху» (антропоморфизмом).

Нет смысла обсуждать, есть ли у планарий субъективный образ мира и переживает ли она боль. Только признав наличие писихического отражения у насекомых, можно искать намеки на него у низших форм этой ветви. Для решения вопроса о том, «есть ли у насекомых психика», следует начать с вопроса «чем отличается высшая форма отражения, свойственная насекомым, от физиологической его формы, свойственной растениям?»

Обращение к старым работам не дает ответа на этот вопрос, поскольку «большинство энтомологов вплоть до последних лет оказалось столь полно занятым морфологией и систематикой этой колоссальной группы, что достигнутые в это переходное время успехи в физиологии насекомых обычно являются скорее лишь побочным продуктом морфологического анализа» [44]. В 50—60-е годы картина резко переменилась. «Исследования по физиологии нервной системы беспозвоночных животных и в частности насекомых как одной из наиболее высокоорганизованных групп,— пишет Г. Я. Бей-Биенко,— получили все

[43] *Ливанов Н. А.* Пути эволюции животного мира: Анализ организации главнейших типов многоклеточных животных. М., 1955, с. 396.

[44] *Уигглсдорс В. Б.* Физиология насекомых. М.; Л., 1937, с. 5.

более расширяющееся развитие в мировой физиологической науке в связи с переходом исследований на клеточный уровень при использовании микроэлектродной техники, электронно-микроскопических и гистохимических методов»[45].

Новым по сравнению с растениями, появившимися в ветви первичноротых и достигшим наибольшего развития у насекомых, которое должно рассматриваться в качестве их высшей отражающей системы, оказывается нервная система и связанные с ней рецепторы. «Обращаясь к исследованию нервной организации таких животных, как насекомые, физиолог прежде всего испытывает чувство изумления, открывая для себя необычайно четкие, отшлифованные эволюционным процессом механизмы, построенные на принципе экономии средств и связей и обеспечивающие высокий уровень специализации отдельных систем»[46]. Эти слова принадлежат перу А. К. Воскресенской — руководителю работ этого специального сборника. Они-то приближают нас к ответу. В этой ветви впервые в эволюции материи развилось то, что со времен И. М. Сеченова, С. П. Боткина и И. П. Павлова принято называть *нервизмом*. Появилась и все более специализировалась ткань, генерирующая и передающая возбуждение. Возникли нервные клетки, специально улавливающие самые разнообразные внешние и внутренние сигналы, чтобы высококоординированно передать их через промежуточные нейроны на двигательные и секреторные клетки.

Нервная система пчелы по сравнению с другими членистоногими организована сложнее и вместе с тем лучше изучена. Ее «головной мозг», а точнее надглоточный и подглоточный узлы комиссуральной нервной системы, окружает пищевод. Более развитый надглоточный узел сосостоит из трех ганглиев: переднего (протоцеребрум), среднего (дейтероцеребрум) и заднего (татоцеребрум). Наибольшее внимание для анализируемой проблемы имеют билатерально расположенные стебельчатые (или грибковые) тела протоцеребрума — скопления «ассоциативных» центров. Их одних можно рассматривать в качестве морфологического субстрата субъективного, тем более

---

[45] Современные проблемы структуры и функций нервной системы насекомых.— Предисловие к сб. Тр. Всесоюз. энтомол. о-ва, 1969, т. 53, с. 5.

[46] *Воскресенская А. К.* Регулирующая функция нервной системы насекомых.— Там же, с. 7.

что их выраженность коррелирует со сложностью поведения.

У только что вышедшей личинки пчелы их нет. У пчелы-матки они развиты очень мало, у трутней — чуть более, у рабочей пчелы достигают $^1/_5$ всего «мозга». У более простых ручейников и рогохвостов их тоже почти нет, у некоторых пауков они развиты даже больше, чем у пчел, а у муравьев достигают $^1/_2$ «мозга»[47]. Но именно это — уже хорошо изученное — заставляет брать слова «ассоциативные» и «мозг» в кавычки и рассматривать их как сложные коммутаторы, связывающие многочисленные рецепторы с двигательной и вегетативной субсистемами по генетическим программам. Элементарная научаемость, свойственная в той или иной мере всему живому, как известно, не требует наличия субъективного, так как моделируется даже на физическом уровне.

Вместе с тем возможности улавливания внешних сигналов у этой ветви животного мира в процессе эволюции на основе естественного отбора значительно увеличились по сравнению с ветвью вторичноротых. Эти нервные механизмы до сих пор изучены крайне недостаточно, но число их все более растет: сенсиллы, дистанционные и контактные хеморецепторы, стоматы ориентировки на свет, множество форм осцелл, нейросекреторные клетки и различные еще не до конца понятые рецепторы, называемые именами их открывателей,— вот огромный арсенал улавливания сигналов этой ветвью животного мира. Но никто из нейрогистологов еще не открыл (и надо думать не откроет) у них аналога многослойной коры головного мозга вторичноротых.

Нервная система первичноротых как отражающая система построена подобно даже не ЭВМ, а скорее — коммутаторной станции. Она способна принимать сигналы, перерабатывать их по генетически заложенной программе и передавать для осуществления реакций, имеющих регуляторную функцию. Неправомерно приписанное бихевиористами крысам, собакам и человеку, т. е. вторичноротым, имеющим трубчатую нервную систему и кору головного мозга, скорее всего относится к первичноротым, жизнедеятельность которых не имеет субъективного компонента. Возможности ее электронного моделирования в

---

[47] См.: *Таранов Г. Ф.* Анатомия и физиология медоносных пчел. М., 1968, с. 267—271.

части двигательного реагирования ничем не ограничены, а в вегетативных реакциях ограничены не более, чем у растений.

В 1975 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция по зоопсихологии, этологии и сравнительной психологии [48]. На ней обсуждались многие вопросы этологии беспозвоночных. И ни в докладах, ни в ответах на вопросы не было приведено ни одного факта, говорящего о наличии в жизненных стереотипах первичноротых чего-либо большего, чем отражение по схеме: «стимул — регуляторная нервная функция — реакция». Были факты, говорящие об опережающем отражении, памяти как следовом отражении, адаптации и привыкании. Но перечисленные формы отражения свойственны и растениям, включены в класс физиологического отражения и не выходят за рамки отлично сконструированного и хорошо запрограммированного робота.

Инстинкты — это генетически запрограммированное поведение, целесообразность которого обеспечена естественным отбором. Выполнение этой программы не нуждается в наличии субъективного как обязательного компонента психики. Для такого понимания высшей формы отражения, свойственной первичноротым, конечно, нет и быть не может прямых доказательств. Но косвенные доказательства есть.

Первый довод состоит в отсутствии эволюции любого предполагаемого у первичноротых субъективного явления в процессе их долгой видовой жизни. Из этого следует, что в этой ветви животных субъективное не было жизненно необходимым. Их видовая выживаемость и эволюция осуществлялись только за счет усложнения рецепторов, улавливающих внешние раздражения, и усложнения генетической памяти. И то и другое закреплялось естественным отбором, эффективность которого определялась обилием потомства и стабильностью условий существования.

Второй довод морфологический: комиссуральная нервная система приспособлена только для двигательного и секреторного ответа на получаемые стимулы. Причем, сложность указанных ответов генетически запрограммирована в виде нейродинамических стереотипов, построенных по схеме цепных реакций.

---

[48] См.: Вопросы зоопсихологии, этологии и сравнительной психологии / Под ред. К. Э. Фабри. М., 1975.

Третьим косвенным доводом является наличие у некоторых насекомых описанного выше полного превращения, в процессе которого на стадии куколки между личинкой и взрослым насекомым происходит гистолиз тканей. Трудно предположить, что создаваемые в процессе гистогенеза нервные клетки могут быть носителями и передатчиками субъективного, например, от гусеницы к бабочке. Такое допущение, с помощью методического приема поиска намеков на высшее у стоящих на низших ступенях иерархической лестницы, должно приводить к идее панпсихизма и утверждению наличия субъективного у амебы и даже у молекулы, что несовместимо с пониманием развития психики как системного качества.

Несравнимо логичнее понимать животных ветви первичноротых как живых роботов и считать, что наделение их психикой, а следовательно, субъективным — не что иное, как антропоморфизм. Сложные виды реакций, типа строительства гнезд легко объясняются не отсутствующей гомологией, а аналогией, в данном случае выходящей за рамки психики.

Здесь уместно напомнить поучительную историю с «фитопсихологией», или «психоботаникой», подвергнутой критике К. А. Тимирязевым[49]. Если считать, что система «стимул — реакция» говорит о наличии психики, то и у мимозы, и у подсолнечника, и уж подавно у росянки имеется психика. Если принять, что психика существует на уровне нейрона, она существует в ветви первичноротых. Но если основываться на положении о том, что психика — это продукт особым образом организованной материи головного мозга (его коры), критика К. А. Тимирязева полностью относится и к поискам психики у первичноротых.

Если понимание внутреннего звена между стимулом и реакцией у первичноротых как звена нервизма, не являющегося носителем субъективного, не встретит контрфактов, его опровергающих (а ожидать их пока оснований нет), то надо выделить еще один класс отражения, поместив его на иерархической лестнице между физиологическим, выше которого не поднялись растения, и психическим, до которого поднялись животные ветви вторичноротых, но не поднялись животные ветви первично-

---

[49] См.: *Тимирязев К. А.* Соч. М., 1938, т. IV, с. 23, 25; 293; т. V, с. 421.

ротых. О названии этого класса отражения речь пойдет ниже.

В эпиграф своей издававшейся выпусками незаконченной работы В. А. Вагнер поставил: «Раздражимость, как основа; рефлекс, как следствие; инстинкт, как наследственное знание; эмоция, как приспособление; разум, как руководитель поведения; прогресс, как неизбежное следствие»[50]. Этот эпиграф, как и названия выпусков, концептуальны: выпуск первый – «Вся нервная жизнь», выпуск второй – «Нервная допсихическая жизнь», выпуск третий – «От рефлекса до инстинктов», выпуск четвертый – «От рефлекса до эмоций». Донервной, или биоплазматической, жизнью живут одноклеточные. Нервной допсихической, рефлекторной,– животные с сетчатой нервной системой – общие предки и первично- и вторичноротых.

«Еще в 1896 г. я,– писал В. А. Вагнер в 1925 г.,– вопреки доныне господствующему мнению Спенсера, Дарвина, Роменса и их многочисленных сторонников, полагающих, что эволюция психических способностей шла в линейном порядке: рефлекс – инстинкт – разумные способности, равно и вопреки мнению их противников Льюса, Пуше и других, предполагающих ту же линейную эволюцию, но в ином порядке: рефлекс – разум – инстинкт; вопреки этим мнениям ученых, я утверждал, что эволюция психических способностей шла не в линейном порядке, а в форме фуркации, исходным моментом которой был рефлекс, а производным: в одну сторону – инстинкт, а в другую – разум»[51]. К сожалению, утверждения Вагнера о «ныне господствующем мнении» с большими основаниями могут быть отнесены не только к 1896 и 1925 годам, но и к 80-м годам нашего века.

В. А. Вагнер, будучи не только психологом, но и высокоэрудированным биологом, придавал большое значение двум ветвям развития животного мира. Он справедливо считал, что «высшие звенья животных с сегментарной психикой ни в какой преемственности и связи с низшими звеньями позвоночных животных стоять не могут»[52]. На большом фактическом материале он показал отсутствие эмоций у насекомых, рассматривая психическую

[50] *Вагнер В. А.* Возникновение и развитие психических способностей. Л., 1925, вып. 1.
[51] Там же, вып. III, с. 28.
[52] Там же, с. 68, 69.

жизнь насекомых как систему элементарных инстинктов[53]. Он не признавал эмоций и у класса пауков, которым были посвящены его магистерская диссертация и монография.

Отсутствие эмоций у высших членистоногих указывает, во-первых, на необоснованность поисков эмоций на более низких уровнях развития первичноротых и, во-вторых, на отсутствие в этой ветви ощущений, как более сложной формы субъективного. Не случайно у В. А. Вагнера нет ни слова о субъективном у этих форм живых существ, и он пишет о них не как психолог, а как этолог.

В связи с изложенным на вопрос — как должна называться рассматриваемая здесь форма отражения? — логично предложить называть эту форму (по названию науки — этологии) этологическим отражением.

Этологическое отражение — это системное качество, выступающее как продукт отражений физиологического класса, отражающей системой которого является особая форма организации материи — нервная система, не обладающая способностью порождать субъективное, но включающаяся в регуляцию вегетативных и двигательных функций целостного организма. Можно принять и другое название этого класса отражения (например, безусловно рефлекторное, инстинктивное и т. д.). Главное, чтобы этот класс отражения был выделен.

Намеки на эту форму отражения свойственны животным с сетчатой нервной системой, а также растениям и протистам. Оно присуще и низшим вторичноротым, сохраняется и у высших млекопитающих, в том числе у человека — не только в виде спинномозговых и подкорковых рефлексов, но и как инстинктивные формы реагирования в постнатальном периоде. К подобным реакциям можно отнести и импульсивные действия, «прорывающиеся» у взрослого человека, минуя контроль — осознанные формы отражения.

Итак, анализ эволюции отражения как всеобщего свойства материи приводит к необходимости заменить общепринятую диаду «отражаемое→отраженное» триадой «*отражаемое→отражающая система→отраженное*», поскольку отраженное определяется не только тем, что отражается, но и тем, что̀ его отражает. Эволюция форм отражения осуществлялась рядом скачков, а последние

---

[53] См.: Там же, вып. IV, с. 12.

определялись усложнением организации отражающих систем.

Широко принятый термин «биологическое отражение» (как допсихическое) неточен, так как психическая форма отражения у животных одновременно и биологична.

Высшая форма отражения у растений — физиологическая. Ни морфология комиссуральной нервной системы, ни наличие гистолиза при метаморфозе насекомых как высших первичноротых, ни сложные системы их генетически запрограммированного поведения не дают основания для наделения животных этой ветви психикой, хотя бы в ее простейшей форме — «сенсорной психики». Есть больше оснований считать, что им свойственна особая форма отражения, промежуточная, между физиологической и психической его формами. В этом виде отражения между стимулом и реакцией находится нервная система, которой не свойственны даже намеки на субъективное, хотя бы в форме боли. Этим и характеризуется этологическая форма отражения.

3. Возникновение психического отражения

Точного и общепринятого определения психики в современной науке нет. Очевидно, что без последовательной опоры на ленинскую теорию отражения дать такое определение просто невозможно. При этом значительную роль должно сыграть использование системного подхода. Ни сигнальная функция раздражителя, ни особо выделенная из нее П. Я. Гальпериным ориентировочная[54] не определяют качественного скачка психического, поскольку они свойственны и физиологическому классу отражения у растений. Условный рефлекс, долгое время считавшийся определяющим в появлении психики, все больше сближается с привыканием, адаптацией и научением как функциями также физиологического класса формы отражения.

Исследования известного специалиста по условным рефлексам у животных Л. Г. Воронина свидетельствуют о бóльшем значении их аналогий, чем гомологии, и подрывают идею о прямой связи психики и условно-рефлекторной деятельности. Так, принимая предметом исследования высшую нервную деятельность животных различного

[54] См.: *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976.

уровня филогенеза, Воронин писал: «Мы не можем отождествлять временну́ю связь, условный рефлекс низших и высших животных по механизму их осуществления, однако и нельзя их резко отличать, потому что несомненно есть общее в их происхождении и биологическом значении» [55]. Общее происхождение здесь — нервизм; биологическое значение — реагирование на стимул, моделируемое и у робота.

Развитие психики нельзя понимать как непрерывный спокойный поток эволюции с постепенными переходами от менее к более сложному. Это развитие шло по законам диалектики, претерпевая ряд скачков. «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности» [56],— отмечал Ленин.

Значит, исследователь, признающий, что психология человека является ключом к психологии животных, которая выступает «предысторией сознания», должен искать не один-единственный скачок от неживой материи к сознанию, а целый ряд их. Каждый из этих скачков начиная с возникновения жизни должен определяться новой усложненной отражающей системой, опирающейся на ряд существовавших более простых. Новое, рождающееся из возникающих противоречий, должно быть системным качеством. И чтобы изучить это качество, надо обнаружить минимум его проявления. Именно минимум, потому что его увеличение будет сопровождаться усложнением, вызывая новые противоречия, которые обеспечат новый скачок в еще более сложное системное качество.

Это элементарное диалектическое правило выполняется, если «минимум живого» видеть в раздражимости материи, возникшей в результате противоречия между внутренними возможностями усложнившейся организации молекулярной структуры и воздействиями среды.

Однако это правило нарушается, если следующий скачок развития материи усматривать в постепенном переходе от раздражимости к «сенсорной психике», определяемой появлением биологического смысла. Его А. Н. Леонтьев определяет так: «Мы будем называть такое отношение (в сенсорной психике.— *К. П.*) воздействующего свойства

---

[55] *Воронин Л. Г.* Лекции по сравнительной физиологии высшей нервной деятельности. М., 1957, с. 23, 29.
[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 256.

к удовлетворению одной из его биологических потребностей биологическим смыслом данного воздействия» [57].

Однако многие, явно непсихические явления (например, определяемый земным притяжением геотропизм корешка зерна или определяемый гелиотропизмом поворот подсолнечника за солнцем, как и другие таксисы и тропизмы) полностью подходят под это определение. Замена в определении слова «потребность» на более соответствующее мысли А. Н. Леонтьева слово «нужда» уточнила бы смысл этого определения.

Через понятие *биологический смысл* нельзя также понять различия реагирования растения и паука, о котором пишет А. Н. Леонтьев. Критерий «смысл пищи» у паука, явно не имеющего понятий и, по мнению В. А. Вагнера, не имеющего и эмоций, объективно тождествен критерию «значение выживания», свойственному и растениям, т. е. тому критерию, которому П. К. Анохин придавал большое физиологическое значение. Следовательно, по этим критериям растение и паук не различаются по их отражательным системам. Тем не менее их различие бесспорно. На вопрос, в чем состоит это различие, концепция А. Н. Леонтьева ответа не дает. Не внося ясности в различие психического и физиологического явлений, его определение не вносит ясности и в вопрос, что такое психическое отражение.

Скачок от этологической к психической форме отражения описан П. С. Купаловым и Л. А. Орбели. «На определенном этапе филогенетического и онтогенетического развития присущее живым тканям общее свойство раздражимости обогащается свойством переживаемости. Это — величайший скачок, величайшее событие в ходе эволюции жизни,— отмечал П. Купалов.— Возникает то, что мы называем *субъективным* (курсив мой.— *К. П.*) или в другом, более полном смысле,— психическим. Для живых существ весь смысл возникновения и развития этого нового качества состоит в том, чтобы служить внешней деятельности организма, его сложному соотношению с окружающей средой» [58]. Еще раньше Л. Орбели писал:

---

[57] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972, с. 211.

[58] *Купалов П. С.* Учение о рефлексе и рефлекторной деятельности и перспективы его развития.— В кн.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963, с. 146.

«...Я буду стараться пользоваться понятием «чувствительность...» только в тех случаях, когда мы можем с уверенностью сказать, что раздражение данного рецептора и соответствующих ему высших образований сопровождается возникновением определенного субъективного ощущения... Во всех случаях, где нет уверенности или не может быть уверенности в том, что данное раздражение сопровождается каким-либо субъективным ощущением, мы будем говорить о явлениях раздражительности и возбудимости» [59]. Высказывание Л. А. Орбели можно уточнить лишь в том плане, что субъективное связано не только с ощущением, но об этом позже.

Эти крупнейшие физиологи — ученики и последователи И. П. Павлова правильно увидели скачок от физиологического к психическому в появлении простейшего *субъективного*, которое и есть «минимум психического», объективизируемый в жизненно важном реагировании. Появление субъективного как системного качества привело ко все усложняющемуся взаимодействию двух подсистем любого психического явления: процессуального и содержательного.

Процессуальное в психике — это то, что обеспечивает появление субъективного; это ответ на вопрос «Как отражается?», иногда обозначаемый неудачным термином «психологические механизмы». Механизмы — это объекты механики, отдела физики, учения о движении тел в пространстве и сил, его вызывающих. Поэтому есть физиологические механизмы, но психологических нет.

Содержательное в психике — это результат процессуального, взятый как единство в отражаемых переживаниях, образах и отношениях их с объективными отражаемыми феноменами; это ответ на вопрос «Что отражено?»

Взаимодействие процессуального с содержательным в психике определяется тем, что без процессуального нет содержательного, как его следствия; но уже сформированное содержательное может становиться причиной изменения процессуального (например, апперцепцией восприятия, целью и мотивом действия и деятельности и т. д.) [60].

---

[59] *Орбели Л. А.* Лекции по физиологии нервной системы. М.; Л., 1938, с. 32.

[60] Подробнее см.: *Платонов К. К.* О понятии взаимодействия в психологии личности.— В кн.: Личности в системе коллективных отношений. М., 1980, с. 190—191.

Исследуя ранний филогенез психики, следует выяснить, какую из форм психического отражения надо считать первичной по времени возникновения, или иначе: в какой форме осуществляется в филогенезе ранее всего скачок от физиологического к психическому отражению? [61]

Эта форма была бесспорно простейшей из известных нам, и наименее отличающейся от форм физиологического отражения. Нет оснований считать, что это было пусть самое простейшее ощущение, если под таковым понимать «субъективный образ объективного мира» [62]. Конечно, уже в момент появления новой формы отражения она тем и отличалась от ранее существовавших форм, что включала в себя тот продукт работы более сложно организованной под влиянием усложненного поведения нервной системы, который стал новым системным качеством — субъективным. Это и определило скачок к психическому отражению. Но и у животных, вышедших на сушу (в условиях водного обитания рыб жизнь, возможно, еще могла обойтись без субъективного), и у человека психическое — это не только субъективное. Все психические формы отражения содержат и физиологическую, безусловно рефлекторную, и физическую его формы.

Ту, пользуясь математическим языком, «дельту», т. е. добавление к физиологическому отражению, давшее скачок перехода в психическое отражение, надо обозначать термином «субъективное». При этом следует помнить, что у лягушек «свое» субъективное, у собаки — «свое», у человека — также «свое» (ставшее идеальным, но и сохранившим примитивную форму, например, в виде боли).

Более простым и более интимно связанным с физиологическими формами отражения психическим феноменом является не ощущение, а *эмоция*. Это подтверждается ее полярностью, ее сигнальным дихотомическим жизненно важным субъективным звучанием. Можно думать, что на ранних этапах эволюции субъективное осуществлялось по двоичной («да — нет») схеме, а уж позже принимало более сложные формы. Элементарные анализаторы вначале, видимо, давали только два субъективно улавливаемых сигнала: «*жизнеполезно*» — «*жизнеопасно*». Результатом

---

[61] О нем подробнее см.: *Платонов К. К., Шингаров Г. Л.* Специфика психических форм отражения.— В кн.: Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, 1981, т. 1, с. 98—110.

[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 120.

были два элементарных, но количественно в разной степени выраженных переживания, в дальнейшем принявших формы *удовольствия и неудовольствия*.

Такое мнение подтверждается данными биогенетического закона при наблюдении за новорожденными детьми. К. Д. Ушинский отмечал, что первое произвольное движение возникает не из ощущений, а из чувствований, и не раз возвращался к мысли о том, что эмоции у новорожденных возникают раньше, чем ощущения [63]. О том же писали и Ж. Ж. Руссо: «Чувствовать я начал прежде, чем мыслить; это общий удел человечества» [64], и А. Валлон: «Жизнь человеческого существа начинается аффективной, или эмоциональной, стадией» [65].

В своем простейшем виде эмоции в филогенезе ничем не отличались и не отличаются в начале онтогенеза человека от простейших потребностей: переживания нужды в чем-либо, нарушения равновесия между организмом и средой. Субъективное переживание эмоций как потребности явилось биологически эффективным компонентом пускового механизма защитной моторной реакции, ставшей психомоторной. Переживание полярных эмоций — как потребности в чем-либо или удовлетворения этой потребности — стало по условнорефлекторному механизму эффективным сигналом о возможности пагубного для организма нарушения равновесия между организмом и средой и тем самым — одной из форм опережающего отражения.

Этот процесс нарастал по спирали, усложнялся и дифференцировался по мере морфологического развития интерецепторов в качестве анализаторов, сигнализирующих о состоянии внутренней среды организма, и использования экстерецепторов, оставшихся от допсихической формы отражения. Он в свою очередь способствовал и развитию рецепторов, так как единство формы и функции есть целесообразный для вида биологический закон, открытый еще Ламарком. «Более частое и неослабевающее употребление какого-нибудь органа укрепляет мало-помалу этот орган, развивает его, увеличивает и сообщает ему силу» [66],— писал он.

---

[63] См.: *Ушинский К. Д.* Соч. М., 1950, т. 9, с. 48—49, 310—311 и др.
[64] *Руссо Ж.* Исповедь.— Избр. соч. М., 1961, т. III, с. 12.
[65] *Валлон А.* От действия к мысли. М., 1956, с. 131.
[66] *Ламарк.* Философия зоологии. М.; Л., 1935, т. 1, с. 186.

Простейшим субъективным явлением, вероятно, была эмоция, недифференцированно обобщавшая то, что у человека является болью, голодом, жаждой, удушьем и потребностью избавиться от них. Но не меньшее биологическое значение имела и полярная простейшая эмоция, отражавшая избавление от перечисленного. Уже с этого периода самое элементарное и «смутное» субъективное, как опережающее психическое отражение начало играть все усиливающуюся, регуляторную роль, содействуя выживаемости и поэтому закрепляясь естественным отбором. Потом возникали более сложные (даже в самом простейшем виде) эмоции: страх, гнев и т. д. Появились разные виды потребностей как психических явлений, представлявших собой субъективные пусковые толчки поведения. Взаимодействуя по мере усложнения не только с эмоциями, но и с другими формами отражения, каждая из которых получала свои нейродинамические механизмы, потребности, превратились у человека в *мотивы* его сознательной деятельности, не став особой формой отражения, отличной от эмоций.

Высшее всегда включает низшее, хотя и не сводится к нему. Психическое отражение, возникшее на основе физиологического отражения, включает в себя регуляторную функцию такового и усиливает ее. Ведь без этого оно просто не было бы нужно и, даже случайно возникнув, исчезло бы, а не развивалось в процессе естественного отбора.

Эмоции, установив психическую связь организма животного со средой, но не обеспечивая даже самого элементарного ее познания, способствовали быстрому развитию условнорефлекторной деятельности, на основе которой стало возможным возникновение ощущений и их комплексов как сигнальных *образов*. Если с появлением эмоций начинается филогенез (и онтогенез) *переживаний*, то с появлением (в более поздний период) ощущений начинается филогенез и онтогенез *познания*, приобретение элементарных знаний о свойствах предметов и явлений мира.

Понять развитие ощущения на основе эмоций не так уж трудно. Ведь уже существовали рецепторы, улавливающие раздражители, которые отражались вначале на инстинктивном уровне в форме реагирования, доступного и роботу. Далее раздражения субъективизировались в форме полярных эмоций, а потом под влиянием эмоций реагирование стало сопровождаться возникновением субъектив-

ного образа сначала как *эмоционального ощущения* (по терминологии П. К. Анохина), а потом и как самостоятельного субъективного образа объективного мира.

Эмоции и ощущения усложнялись по мере появления двух видов проводящих путей в нервной системе. Одни — лемнисковая система, доходящая только до подкорковых узлов и обеспечивающая возникновение эмоций; другие — специфические для каждого анализатора проводящие пути, заканчивающиеся в соответствующих участках коры головного мозга. Последние, в совокупности с этим участком коры и с рецептором, и составляют то, что И. П. Павлов называл анализатором.

Элементарные ощущения, как и эмоции, оказались сразу же включенными через уже имеющиеся нервные механизмы в психомоторику, приобретшую форму *сенсомоторных реакций.* Если бы субъективное внешне не проявилось в форме движений, оно было бы лишено биологической целесообразности и, случайно возникнув, не закрепилось бы и не эволюционировало бы. Элементарные ощущения становились сложными и комплексными (последние часто, но не точно называют восприятиями животных). Первоначальные ощущения и сенсомоторные акты заложили основу простейших, в дальнейшем все более усложнявшихся форм поведения. Другие формы психического отражения будут раскрыты в следующей главе.

Итак, у вторичноротых класс психических форм отражения возник на основе физиологических и этологических форм. Скачок от этологической формы отражения к психической определился усложнением отражающей системы (коры головного мозга) и появлением простейших субъективных явлений (переживания эмоций), еще не дающих субъективных образов и не имеющих функции познания. Простейшая форма познания — ощущения — возникает уже на основе установления связи рецепторов с нервными механизмами, определяющими переживания эмоций.

4. Гомология и аналогия

Два понятия биологической науки, поставленные в заголовке этого параграфа, также должны быть включены в систему исходных понятий психологии как системы. Основой для этого является материальное единство мира, обнаруживающееся в разных видах сходства гетерогенных классов явлений в их «поразительной аналогично-

сти»[67]. Для живой материи единство мира выражается прежде всего через взаимодействие организма и среды, о чем прекрасно сказал И. М. Сеченов: «Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, не возможен; поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него»[68]. Взаимодействие индивида со средой осуществляется путем отражения организмом условий среды на основе реагирования организма с обратной связью.

Все многообразие конкретных видов реагирования классифицируется по дихотомическому принципу: на одноразовые и закрепленные. Последние представлены двумя основными типами: реагированием на основе генетически закрепленных программ и реагированием на основе индивидуального опыта.

Главная линия развития жизни на Земле много миллионов лет осуществлялась при помощи генетически закрепленных программ, не нуждавшихся в выделении особой подсистемы организма — нервной системы. Взаимодействие со средой происходило по принципу: если закрепленный генетический код соответствовал условиям среды, то организм выживал и давал потомство, если не соответствовал, то организм не выживал и не давал потомства. Такая форма взаимодействия организма и среды как форма отражения свойственна как растениям, так и животным с сетчатой нервной системой. При этом выживание вида обеспечивается огромным числом особей каждого индивида нового поколения этого вида. Генетическая программа, случайно оказавшаяся соответствующей мало изменяющимся условиям среды обитания данного вида, обеспечивает подчас очень длительное его существование. И наоборот — не соответствующая приводит к вымиранию вида. За счет мутаций обильного потомства, отсеивающихся при неизменной среде, но оказывающихся жизнеспособными при измененной, происходило видообразование. Весь этот процесс сейчас достаточно хорошо изучен.

Известна и обратная зависимость приобретаемого в индивидуальном опыте поведения и числа потомков. Но до сих пор биологи-эволюционисты и этологи не знают, что чему предшествует, что является причиной и что

---

[67] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 306.

[68] *Сеченов И. М.* Избр. произведения. М., 1952, т. 1, с. 533.

следствием? Ясно, что комиссуральная нервная система первичноротых морфологически не обеспечивает возможности развития индивидуально приобретенного поведения. Ограничение числа потомства она могла компенсировать только сложнейшими генетическими программами, открытыми Ж. Фабром у ос, откладывающих только одно яичко в парализованное насекомое строго определенного вида, используемое как запас пищи для личинки. Но его же наблюдения показали, что, чем сложнее инстинкт (говоря современным языком — обеспеченней программой), тем более он стабилен и «слеп».

Гибкость индивидуального развития вторичноротым дает трубчатая нервная система, но ведь и вторичноротые вначале (даже на уровне амфибий) компенсировали «слепоту» генетических программ большим объемом потомства. Только на уровне рептилий потомство резко сокращается, зато значительно увеличивается роль индивидуально приобретаемых форм научаемого поведения.

Перед биологом-эволюционистом стоит вопрос, какие черты эволюции организмов образовались за счет наследственности и какие за счет изменений условий среды. Иначе говоря, чтó гомологично и чтó аналогично. К сожалению, сравнительная психология эти два понятия редко упоминает и еще реже использует.

«В *аналогии* и *гомологии* мы имеем перед собой две равноценные, хотя и разнородные категории явлений. Гомологии выражают собой способность организмов, исходя из одного и того же материала (идентичные органы), в процессе эволюции, под влиянием естественного отбора, применяться к различным условиям и достигать различного эффекта: из плавников рыб вырабатываются органы плавания, хождения, летания, копуляции и т. д. В аналогиях оказывается способность организмов, исходя из различного основного материала, приходить к одному и тому же результату и создавать образования, сходные как по функции, так и по строению, хотя и не имеющие между собой в филогенетическом отношении ничего общего» [69],— писал В. А. Догель.

Мозг человека и мозг рыбы так же гомологичны, как гомологичны плавник, крыло, ласт, копыто и рука. Но нервные системы человека и насекомых, подобно глазу

---

[69] *Догель В. А.* Сравнительная анатомия беспозвоночных, Л., 1938, т. 1, с. 9.

человека и глазу осьминога, крылу птицы и крылу пчелы, только аналогичны. Поражают законы наследственности, но законы аналогии не менее удивительны, хотя и изучены значительно меньше.

Аналогия существует не только в морфологии органов, но и в функциях, в поведении животного. Иногда она бывает, впрочем, весьма отдаленно связана с гомологией, хотя чаще не связана совсем. Так, отдаленно гомологичный инстинкт гнездования имеется у птиц и орангутана, общий предок которых — рыбы, также строившие гнезда. Гнезда сооружают и оса, и осьминог, но здесь проявляется только аналогия. Брачные танцы и ритуальные игры как рудименты боевых схваток встречаются и у вторичноротых — птиц и млекопитающих, и у первичноротых — жуков, хотя подобное не было, очевидно, свойственно их общему предку. И те, и другие ритуальные танцы понятны как аналогичные осколки нейродинамических стереотипов, в целом виде определяющих жизненно важное поведение.

Религиозные обычаи, в частности ритуалы, бывают контактно или исторически преемственными, но есть и очень схожие, но только аналогичные. Так, шаманство в Северной Сибири и в Африке, фетиши Африки и Северной Америки, инициации в Австралии и Африке имеют не больше исторической гомологии, чем гнездование аиста и орангутана [70]. К сожалению, и этнографы, и религиоведы не уделяют особого внимания проблеме аналогии. Больше сделали в этом отношении искусствоведы. Отметим интереснейшую монографию Б. Роуленда, в которой собрано большое количество совпадений в живописи и скульптурах Запада и Востока [71] Надо упомянуть и о сравнительно хорошо изученных языковых аналогиях [72]. Уместно вспомнить в этой связи мысль Ю. А. Урманцева: «С точки зрения общей теории систем... аналогия

---

[70] См.: *Платонов К. К.* Психология религии. М., 1967, с. 25—27.

[71] См.: *Роуленд Б.* Искусство Запада и Востока. М., 1958.

[72] См.: *Покровский М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков (1895); О методах семасиологии (1896); Соображения по поводу изменения значения слов (1936).— В кн.: Избр. работы по языкознанию. М., 1959; *Старинин В. П.* К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды Майзеля).— Сов. востоковедение, 1955, № 4, с. 99—111; *Strunk E.* Die Bedeutungslehre als Hiefsmittei bei der altsprachischen Bektüre. B., 1959.

закономерности должна наблюдаться у любых объектов — живых и неживых»[73].

Для сравнительной психологии разбираемая проблема специфически важна как еще один из путей решения вопроса: имеют ли хотя бы высшие насекомые субъективные явления? Об этом можно сказать и образно: больно ли муравью, когда ему оторвут ногу? Здесь уместно напомнить слова Энгельса: «Разумеется, мы никогда не узнаем того, *в каком виде* воспринимаются муравьями химические лучи. Кого это огорчает, тому уже ничем нельзя помочь»[74].

Действительно, хотя наука, как правило, говорит «не знаем» и воздерживается от формулировки «не узнаем», в данном случае есть все основания говорить, что непосредственно в субъективный мир первичноротых мы никогда не проникнем. Но для этого есть опосредованные пути, которым служит сравнительная психология, опирающаяся на возрастную психологию человека, зоопсихологию и этологию[75].

Надо отметить, что изучение аналогии в формах отражения и поведении сейчас приобретает особый смысл, поскольку возможность встречи с иными формами жизни в космосе уже приобрела научную реальность[76]. Космическая психология (не в смысле психологии труда космонавтов, а сравнительная психология обитателей различных планет) потребует пристального и быстрого изучения этой проблемы: например, сравнительного изучения поведения высших форм первичноротых и психики птиц не с устаревших позиций «эволюционно более ранние или более поздние», а с позиций «филогенетически иные». Психологи-марксисты вслед за Энгельсом ищут факты предыстории сознания. Не менее важна и задача поиска аналогии в этой предыстории. Общности психики, являющиеся аналогией, не только могут, но и должны рассматриваться в качестве моделей, приближающих к пониманию возможности психики и сознания на других планетах.

---

[73] *Урманцев Ю. А.* Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974, с. 89.

[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 555.

[75] Того, кто хочет разобраться в этом вопросе несколько подробнее, можно отослать к переписке автора с писателем М. Арменом (Вопр. психологии, 1962, № 5, с. 123; 1963, № 2, с. 171—172).

[76] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Значение аналогии в эволюции функциональных структур психики.— В кн.: Философские проблемы биологии, М., 1973, с. 225—230.

Итак, проблема аналогий, которой эволюционная морфология уделяет большое внимание, оказалась вне поля зрения психологов. Принятое рядом монографий и учебников понимание развития психики и эволюции высшей нервной деятельности и трактовка их филогенеза не удовлетворяют современным требованиям, так как не учитывают наличия двух независимых ветвей животного мира — первичноротых и вторичноротых. Общность некоторых форм отражения действительности и поведения неправильно рассматривается как гомология, при этом аналогия игнорируется. Указанный недостаток, разумеется, не способствует верному пониманию некоторых форм отражения.

5. Субъект отражения и субъективное как продукт отражения

Как видно из сказанного, скачок от физических форм отражения к физиологическим определялся появлением ранее отсутствовавшего системного качества материи — раздражимости. Скачок от физиологических форм к этологической форме был обусловлен усложнением живого вещества, выделением нервной ткани и возникновением нового системного качества — *нервизма*. Скачок к психической форме отражения произошел только тогда, когда в материальной системе, обеспечивающей функцию нервизма, выделилась подсистема — кора головного мозга, определившая появление нового ее системного качества — субъективного: сначала переживаний, а затем образов. Завершая этот иерархический ряд, надо подчеркнуть, что следующий скачок от психики животных к сознанию человека определялся дальнейшим развитием субъективного до идеального как продукта усложнившейся коры головного мозга за счет второй сигнальной системы действительности и превращения индивидуально-психологических свойств в личность.

Поэтому в конце части, дающей систему исходных для психологии понятий, включено более подробное рассмотрение понятия «субъективное» в его взаимодействии с рядом связанных с ним феноменов.

Понятие субъективного, хотя в разном словесном выражении, претерпевало в историческом плане ряд взлетов и падений. Будучи абсолютизированным идеалистической философией и психологией, этот феномен, доступ-

ный самонаблюдению каждого, получил название *души*. Вульгарные материалисты типа Фогта, Бюхнера и Молешотта признавали его выделением мозга, подобным желчи, выделяемой печенью. Отсюда и пошла формулировка «психологический механизм». Усугубляя это вульгарно-материалистическое понимание субъективного, А. Г. Иванов-Смоленский на сессии Академии наук и Академии медицинских наук СССР, исходя из бесспорного единства субъективного и объективного, выдвинул тезис о «наложении явлений психической действительности на физиологические факты» как установлении «совпадений между тем, что было ранее описано субъективно-психологическим путем, и тем, что получено путем объективно-физиологического исследования» [77]. Это, по его мнению, и было единством субъективного и объективного. С. Л. Рубинштейн показал ошибочность такой позиции [78], но она окончательно не ушла в прошлое.

«Отец рефлексологии» В. М. Бехтерев предостерегал: «Было бы... большой ошибкой признавать, что субъективные процессы совершенно лишние или побочные явления в природе, ибо мы знаем, что все лишнее в природе атрофируется и уничтожается, тогда как наш собственный опыт говорит нам, что субъективные явления достигают наивысшего развития в наиболее сложных процессах соотносительной деятельности» [79].

Л. Фейербах так сформулировал понимание единства объективного и субъективного: «Что для меня, или *субъективно*, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то *само по себе*, или объективно, есть материальный чувственный акт» [80]. Но в этом правильном положении показана только одна сторона единства, полностью раскрываемого ленинской теорией отражения.

С. Л. Рубинштейн в середине 30-х годов на основе анализа работ К. Маркса [81] дал научное обоснование от-

---

[77] *Иванов-Смоленский А. Г.* Пути развития идей И. П. Павлова в области патофизиологии высшей нервной деятельности.— В кн.: Научн. сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова: Стеногр. отчет. М., 1950, с. 70.

[78] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 55.

[79] *Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. М.; Пг., 1923, гл. IV, с. 78.

[80] *Фейербах Л.* Избр. филос. произведения. М., 1955, т. 1, с. 213—214.

[81] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах К. Маркса.— Сов. психотехника, 1934, № 1; *Он же.* Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 24 и далее.

ношения к субъективному, которое проходит через все его работы. В конце 50-х годов он писал: «Речь идет не о том, чтобы отрицать субъективный характер психического, а о том, чтобы неверному, идеалистическому пониманию субъективности психического противопоставить научное понимание субъективности и объективности и таким образом преодолеть субъективизм в понимании психического» [82].

Понятие «субъективное» для полного раскрытия требует уточнения его связей с понятием *субъект*. Это тем более необходимо, что его понимание до сих пор нередко переносится в психологию из гносеологии, в которой субъект как субъект познания, т. е. «познающий», четко противопоставляется объекту познания — «познаваемого». Но гносеология как наука о человеческом познании естественно отвлекается от ряда свойств субъекта, необходимых для психологии, и для других наук. Субъект может не только познавать, но и действовать, быть субъектом практики, находиться во взаимодействии, переживать и выражать свои отношения. Это те проявления субъекта, о которых писал С. Л. Рубинштейн: «субъект изменений определенного рода», «субъекты определенного способа существования» [83].

Далее. Для социальной психологии субъектом может выступать не только человек, но и группа, коллектив, а для юридических наук — целые учреждения. Поэтому понятие «субъект» нельзя сводить ни к содержанию в гносеологии, ни к его содержанию в психологии. Это понятие должно быть поднято до теории взаимодействия и теории отражения.

Субъект — это понятие, входящее в категорию «психическое отражение»; это носитель субъективного как компонента психического отражения.

Субъективное — это системное качество животных ветви вторичноротых, продукт особым образом организованной материи коры головного мозга, обязательный компонент психики, объективизирующийся у животных в поведении, а у человека, кроме того, и в деятельности. Высшая форма субъективного, свойственная только человеку,— идеальное; простейшая и филогенетически, и онтогенетически — боль. Субъективное определяет со-

---

[82] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 54.

[83] *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 330—385.

держательное всех форм психического отражения у животных в формах переживаний и образов, а у человека и отношений.

Имеются еще два понятия, которые обычно также обозначают словом «субъективное», но которые было бы точнее называть терминами «субъектное» и «субъективистское».

Субъектное — это все, свойственное субъекту, причем не только субъективное, так как поведение животных и деятельность человека не субъективны, но субъектны. Но терморегуляцию или кровяное давление назвать субъектными нельзя — они индивидуальны (последний термин будет рассмотрен в главе VIII).

Субъективистское — это недостаточно объективное мнение субъекта о чем-либо или оценка им чего-либо.

Характеристика, даваемая учителем ученику, как правило (если она не списана у другого или не составлена им по методу обобщения независимых характеристик), выражает его собственное мнение, представление и понимание особенностей этого ученика. Следовательно, она субъективна в точном значении этого слова, что не мешает ей одновременно быть и объективной, если она точно отражает объективную реальность. Но если она не отражает объективной реальности, то надо назвать ее не субъективной, а субъективистской, т. е. предвзято-односторонней. Проявление *субъективизма* в свою очередь есть проявление не субъективного, а субъективистского подхода. Соответственно этому существует и термин «объективистское».

Объективистское — это псевдообъективное, в котором потеряна субъективная оценка, но не индивидуально-субъективная, а субъективно-групповая. Таковой может быть потеря основы современного уровня науки или утрата классовой, марксистской позиции, потеря партийности как классовой субъективности.

Нельзя согласиться с А. Киселинчевым, отождествляющим субъективное только с сознанием. Субъективное шире, так как есть и у животных. Вместе с тем, А. Киселинчев правильно связывал возможность идеального отражения объективной действительности с появлением второй сигнальной системы [84].

---

[84] См.: *Киселинчев А.* Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. София, 1954; М.; Л., 1956, с. 318—319.

Имеется больше оснований считать, что хотя все идеальное бесспорно субъективно, не все субъективное, даже у человека, достигло уровня идеального, т. е. уровня образов, мышления, чувств и воли. Эмоции и боль, например, будучи субъективными, не стали у человека идеальными. Критерии идеального заключаются в способности «прежде чем строить» любую материальную конструкцию, построить ее в своей голове, т. е. идеально, в способности, которую К. Маркс полагал одной из особенно важных черт, отличающих человека от любого другого животного[85]. В психике животных логичнее искать только намеки на идеальное, не отождествляя их с идеальным. Идеальное это высшая форма субъективного, продуцируемого тем уровнем организации нервной системы, которую принято называть второй сигнальной системой и которая свойственна только человеку.

Итак, основной вопрос развития психики требует выяснения, что определило скачок от физиологической к психической форме отражения. Изложенное позволяет сделать вывод: скачок был обусловлен появлением системного качества — субъективного переживания потребности в единстве с простейшей эмоцией. Для этого не нужны были сложные анализаторы, способствовавшие в дальнейшем возникновению ощущений как простейших субъективных образов мира, сопровождавшихся ранее появившимися переживаниями биологического дискомфорта. Субъективное не только закреплялось, но и быстро эволюционировало благодаря развитию рецепторов, ранее замыкавших стимул на реакцию в промежуточном звене нервизма без наличия субъективного.

Ошибка интроспективной психологии состояла не в том, что она исходила из психического как субъективного, а в том, что она пыталась проникнуть в его сущность, не выходя за его пределы.

Субъектом является только носитель психического отражения, так как субъективное в его различных формах — результат психического отражения. Элементарной формой субъективного выступают простейшие эмоции, еще не дифференцировавшиеся от боли и простейших потребностей, а его высшей формой — идеальное, присущее только человеку.

*

[85] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

Ленинская теория отражения должна не только лежать в основе марксистской психологии, но и пронизывать всю ее структуру. Отражение есть всеобщее свойство материи, поэтому целесообразно искать на более низких ее иерархических ступенях «намеки» на сравнительно более известное проявление психической формы отражения — сознания человека.

Приведенный анализ показывает, что кроме отражаемого и отраженного при системном подходе к этой проблеме необходимо учитывать отражающую систему. Указанным требованиям удовлетворяет такое определение: *отражение* — это такое взаимодействие феноменов, при котором отражаемый феномен, оставаясь существенно неизменным, создает в отражающей системе феномен отраженного как продукт процесса отражения.

Отражение, будучи процессуальным и содержательным компонентом процесса эволюции материи, выступает как следствие усложнения ее организации, скачками реализуя и системные качества, и ряд других ее свойств. Из всех скачков форм отражения психология изучает три: от физиологического — к этологическому отражению; от этологического — к психическому отражению; от психического — к сознательному отражению человека.

Первый из них задан психологии в плане борьбы с антропоморфизацией беспозвоночных, которая приобрела форму, подобную подвергнутой критике психоботанике.

Второй скачок часто трактуется неверно, так как до сих пор иногда считают, что его определяет появление ощущений. Более логично этот скачок видеть в возникновении элементарного субъективного, в форме смутных переживаний биологического дискомфорта и восстановления комфорта. Необходимо более четкое разграничение *сравнительной психологии* как психологической науки, предметом которой является развитие психики в филогенезе и раннем антропогенезе, от *этологии*, предмет которой составляет поведение. Психолог должен учитывать данные этологии, без чего он не может отличить гомологию в преемственной линии животных от аналогии, наблюдаемой в случаях с исключенной преемственностью.

Третий скачок определил психику человека. О нем пойдет речь в следующей части книги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Система категорий психологии и теория отражения

ГЛАВА ПЯТАЯ

Категория форм психического отражения

1. Память, эмоции и ощущения

Форма психического отражения является общепсихологической категорией, наиболее близкой к философской категории «отражение».

Рассмотрение психических феноменов в свете ленинской теории отражения следует начать с определяющего развитие психики феномена *память*. «Память считают совершенно справедливо краеугольным камнем психического развития, и все знают коренное условие ее проявлений — повторение впечатлений» [1],— писал И. М. Сеченов. Роль памяти, благодаря наличию которой ребенок может ответить на вопрос: «Как тебя зовут?», а больной ретроградной амнезией из-за ее отсутствия не может, ни у кого не вызывает сомнения. Не вызывает сомнения также и то, что в основе *психической памяти* лежит физиологическая, благодаря которой парамеция может «научиться» ходить по квадрату или по кругу, а мимоза — «запоминать» ритм снижения листьев.

Логично предположить, что физиологическая память обеспечила скачок от раздражимости к переживаемости путем опережающего отражения повторяющихся воздействий, определяющих выживаемость или гибель индивида. Малейший «намек» на появление переживаемости как субъективного сигнала о появлении (или исчезновении) воздействия, вызывающего жизнеопасную нужду, давая больше шансов выжить, оставить потомство, закреплял это свойство. Так естественный отбор удерживал через

---

[1] *Сеченов И. М.* Избр. произведения. М., 1952, т. 1, с. 312.

физиологическую память субъективное, вначале самое смутное переживание потребности, а следовательно, подготавливал скачок к психическому.

Вместе с тем, поскольку субъективное отражение биологического дискомфорта было филогенетически ценно и помогало сохранению вида, нервные системы, обеспечивавшие его, совершенствуясь и усложняясь, формировались не только как подкорковые, но и как корковые центры эмоций (термин Л. А. Орбели) [2]. Процесс формирования последующих физиологических структур вплоть до второй сигнальной системы также обеспечивал формирование и соответствующих форм психического отражения, и их следовую — мнестическую форму. Иными словами, виды памяти формировались вместе с соответствующими формами отражения как их следовая форма.

Этот этап филогенеза психики в значительной мере повторяется в онтогенезе, в котором роль естественного отбора выполняет индивидуальный опыт. Психическая память в процессе филогенеза развивалась и усложнялась, но ее простейшая форма сохранилась и у взрослого человека в виде феномена механической памяти.

Изучение эмоций и эмоциогенных заболеваний летчиков в конце 30-х годов привело к выводу о том, что эмоциональную память следует рассматривать как особый вид мнемической функции человека. Одновременно была выделена и особая форма эмоционального переутомления. Раньше психологов на специфику эмоциональной памяти обратил внимание К. С. Станиславский, который писал: «Подобно тому, как в зрительной памяти перед нашим внутренним взором воскресает давно забытая вещь, пейзаж или образ человека, так точно в эмоциональной памяти оживают пережитые ранее чувства. Казалось, что они совсем забыты, вдруг какой-то намек, мысль, знакомый образ — и снова нас охватывает пережитое... Раз вы способны бледнеть, краснеть при одном воспоминании об испытанном, раз вы боитесь думать о давно пережитом несчастье,— у вас есть память на чувствования, или эмоциональная память» [3]. При исследованиях психологии летчиков удалось выявить, что эмоциональная память иногда закрепляет переживания первого полета на

---

[2] См.: *Орбели Л. А.* Лекции по вопросам высшей нервной деятельности. М.; Л., 1945.

[3] *Станиславский К. С.* Собр. соч. М., 1954, т. 2, с. 217.

долгие годы[4]. Интеллектуальное и эмоциональное «переутомления» были зафиксированы и некоторыми физиологами. При этом подчеркивалось, что эмоциональное утомление тесно связано с утомлением вегетативным[5]. Теперь понятия «эмоциональная память» и «эмоциональное утомление» стали общепризнанными[6].

Физиологическая память сыграла определяющую роль в возникновении психики не только в форме эмоций, получив субъективный компонент и приняв форму эмоциональной памяти. Аналогичную роль она сыграла и в образовании ощущений. Сложнейшие рецепторы насекомых, моллюсков и низших позвоночных являются биокибернетическими органами, улавливающими жизненно важные сигналы среды, которые, отразившись в нервной системе индивида, становятся реакциями, ответами на эти сигналы как на стимулы.

Вначале и у вторичноротых в этой форме реагирования отсутствовало субъективное. Но в дальнейшем (были это рыбы, амфибии или рептилии — этот вопрос пока не изучен) раздражимость по описанной схеме начала дополняться субъективным — переживаемостью. Так называемые «инструментальные рефлексы», о которых речь пойдет в следующей главе, построенные на самораздражении, являются лабораторной моделью этого процесса.

Повторяемость в физиологическом процессе перера ботки стимула в реакцию превращала физиологическую отражающую систему в психическую. Субъективный смысл раздражителя как сигнала выживаемости индивида приобретал форму «намека» на субъективный его образ. Память закрепляла и превращала их в необходимые для выживаемости сигналы, а естественный отбор определял не только их закрепление, но и формирование на их основе все более отчетливого субъективного образа объективного мира.

Таков был второй этап развития психики в филогенезе. По этой же схеме, но с заменой естественного отбора

---

[4] *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948, с. 49—97.

[5] См.: *Иванов-Смоленский А. Г.* О психогенных вегетативных нарушениях в свете учения о высшей нервной деятельности.— Врачеб. дело, 1949, № 10, с. 890.

[6] См.: Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 266.

на индивидуальный опыт этот процесс осуществляется и в онтогенезе, в котором формирование образов отражаемой реальности происходит на основе памяти, закрепляющей значимое для индивида переживание. Для человека эта значимость может определяться не только сопутствующими физиологическими реакциями, но и словом. Действие первых хорошо видно на формировании в раннем онтогенезе у новорожденных ощущений от мокрой и сначала только холодной, а потом теплой, но мокрой подстилки. Действие второго еще более отчетливо проявляется при анализе формирования зрительных ощущений у прозревающего слепорожденного.

Здесь надо остановиться на отрицательной стороне эмоций, хорошо иллюстрируемой следующим самонаблюдением физиолога А. А. Герцена, страдавшего своеобразными припадками с потерей сознания. «Во время обморока наступает полное психическое небытие, полное отсутствие сознания,— писал он.— Потом является смутное, неопределенное ощущение — ощущение (правильнее было бы сказать переживание.— *К. П.*) бытия вообще, без выделения собственной индивидуальности, без малейшего следа разграничения я от не-я; человек составляет тогда «органическую часть природы», сознающую свое бытие, но не сознающую своего существования в качестве органической единицы; другими словами — сознание его безлично. Это ощущение может быть приятно, если обморок не был вызван жестокой болью, и крайне неприятно — в противном случае. Вот и все, что можно различать: человек чувствует, что он живет и наслаждается или живет и страдает, не зная, почему он наслаждается или страдает, не зная, кто и что ощущает это чувство» [7]. Это поразительно тонкое наблюдение каждый может проверить на себе после обморока, наркоза и даже после обычного сна.

Многие советские психологи до сих пор пользуются определением эмоций, данным Л. М. Шварцем и мною: «Психические состояния, представляющие собой отражение положительного или отрицательного отношения человека к фактам реальной действительности, называют эмоциями или чувствами» [8]. Эта устаревшая дефиниция

---

[7] *Герцен А. А.* Общая физиология души. СПб., 1890, с. 170.
[8] *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948, с. 123.

требует анализа понятия «отражение отражения», введенного В. И. Кремянским. «Необходимо,— писал он,— привлечь внимание исследователей мозга к той особой внутренней самоотнесенности процесса отражения, без которой не может возникать качественная специфика собственно психического. Всякое осознаваемое ощущение (а без него остается только «машинообразная» деятельность), как признают психологи, обязательно включает какое-то «отражение отражения», «обчувствование», восприятие состояний своего «я»...»[9] Здесь одновременно поставлено две проблемы: проблема «отражение отражения» и проблема «внутреннего соотнесения процесса отражения». Первую вряд ли можно считать обоснованной, так как психическое отражение — это отражение внешнего мира, поскольку оно вид взаимодействия, а взаимодействуют только внешние друг для друга феномены. Вторая — заслуживает обсуждения в применении к сознанию, что будет сделано в главе VII этой книги.

Дискуссия вокруг формулировки «отражение отражения» часто усложняется неточным пониманием тезиса: «отражение отражения не возможно». Если в него вкладывать широкий смысл, тезис становится неверен, ибо в таком случае физики не могли бы создать учение о свете и радиолокации, основывающееся на психическом отражении явлений физического отражения. Формулировка эта тем более ошибочна при ее распространении на опосредствованное отражение — абстрактное мышление. Ведь тогда ни философы, ни психологи не могли бы познавать психику, т. е. отражать ее и анализировать. Нельзя понимать этот тезис как отрицание взаимодействия различных классов отражений, в процессе которого каждый высший уровень отражает низший и через низшие уровни отражает внешний мир.

Указанный тезис следует уточнить такой формулировкой: «Непосредственное психическое самоотражение своего психического отражения не возможно». Иногда применяемый довод, что и это положение опровергается наличием памяти, несостоятелен, поскольку память является следовой формой отражения объективной реальности, а не отражения ранее бывших психических субъективных явлений, что, конечно, не одно и то же.

---

[9] *Кремянский В. И.* Типы отражения как свойства материи.— Вопр. философии, 1963, № 8, с. 142.

Положительное или отрицательное отношение человека к фактам реальной жизни — это психическое явление и в качестве такового не может самоотражаться. Поэтому дефиниции эмоций как самоотражения в любых их вариантах, не правильны. Не верна также и приведенная выше наша с Л. М. Шварцем формулировка, и формулировка, предложенная П. В. Симоновым, рассматривающим эмоции как отражение потребностей [10]. Потребности, будучи отражением нужд организма, личности, группы или общества в целом — индивидуальным, групповым или общественным сознанием, как и отношения, непосредственно самоотражаться не могут. Следующая дефиниция эмоции свободна от указанных недостатков.

Эмоция — простейшая форма психического отражения, стоящая на грани с физиологическим отражением и осуществляющая саморегуляцию организма. Эмоции отражают не предметы и явления реального мира, а объективные отношения, в которых эти предметы или явления находятся к нуждам организма. Эмоции, не являясь еще формой познания, вызывают не образ предмета или явления, а переживание. Такое понимание отражательной сущности эмоций было развито Г. Х. Шингаровым [11] и неоднократно раскрывалось [12] более подробно, чем здесь.

Итак, память в ее простейшей форме, эмоции и ощущения — это формы психического отражения, свойственные животным ветви вторичноротых и человеку (хотя, конечно, и не тождественные не только у них, но и у животных, стоящих на различных ступенях эволюции). Понятия, отражающие эти психические явления, представляют собой частнопсихологические категории, входящие в общепсихологическую категорию — формы «психического отражения».

---

[10] См.: *Симонов П. В.* Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970, с. 15.

[11] См.: *Шингаров Г. Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. ...Дис. канд. филос. наук. М., 1965; *Он же.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М., 1971.

[12] *Платонов К. К., Шингаров Г. Х., Шмаков А. В.* Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности.— В кн.: Материалы III съезда О-ва психологов СССР, Киев, 1968, вып. I; Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности.— В кн.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969, с. 172—188; *Они же.* Эмоции, чувства и воля как фор-

2. Мышление как понятийное отражение

Дарвин, который понимал эволюцию как плавно текущий процесс, включил в этот процесс и человека. Он считал, что «в умственных способностях между человеком и высшими млекопитающими не существует коренного различия... Как бы ни было велико умственное различение между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное»[13]. Понимание перехода количества в качество Дарвину, как и большинству его современников, было чуждо. Об отличии этого метафизического подхода Ленин писал: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? — Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности». И далее: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли etc»[14]. Указанный скачок И. П. Павлов увидел в появлении у человека второй сигнальной системы действительности, определяющей возможность обобщения и мышления.

В советской психологии проблема мышления наиболее глубоко разработана С. Л. Рубинштейном. Ему принадлежит образное определение процесса мышления, как *вычерпывания* новых и новых содержаний из познаваемого явления. «Основная форма анализа,— писал он,— основной нерв процесса мышления заключается в следующем: объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства»[15]. С. Л. Рубинштейн не раз обращался если не к этому образу, то к этой мысли[16]. Направление понимания мышления как процесса вычерпывания сейчас развивают ближайшие ученики С. Л. Рубинштейна

мы отражения действительности.— В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука, т. 2. Теория отражения и естествознания. София, 1973, с. 280—292.

[13] *Дарвин Ч.* Соч. М., 1953, т. 5, с. 187, 239.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 256.

[15] *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958, с. 98—99.

[16] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 255, 261—264,

К. А. Абульханова-Славская[17] и А. В. Брушлинский[18]. В последние годы интересная попытка понять мышление с позиций системного анализа сделана еще одним учеником С. Л. Рубинштейна — А. А. Салиевым[19].

Однако и те психологи, которые разрабатывали проблемы мышления, и те, которые специально занимались проблемами антропогенеза и развития психики, не обратили внимания на слова и наблюдение И. П. Павлова, имеющие огромное значение для понимания сущности мышления. Честь напоминания принадлежит Э. А. Асратяну[20] и Ф. В. Бассину[21], вызвавшим дискуссию по этому вопросу[22], в которую включился и автор этой книги[23]. Суть этой дискуссии состоит в следующем.

И. П. Павлов — основоположник учения об условных рефлексах — не раз указывал на явления высшей нервной деятельности, не укладывавшиеся в понятие *условный рефлекс*. К ним принадлежат прежде всего высказывания, получившие в дальнейшем наименование «основ учения о второй сигнальной системе действительности», а также идеи о сущности мышления, высказанные, в частности, на «среде» 5 декабря 1934 г. И. П. Павлов сказал: «Мы начинаем понимать, каким образом происходит мышление человека, о котором столько разговоров и столько всякой пустой болтовни»[24]. На «среде» 13 ноября 1935 г., после основного тезиса, он особо отметил: «Я на это хотел обратить внимание. Я об этом говорил, но из разговора было видно, что это не особенно было

---

[17] См.: *Славская К. А.* Мысль в действии. М., 1968. с. 152—153; *Абульханова К. А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973, с. 233—234.

[18] См.: *Брушлинский А. В.* Психология мышления и кибернетика. М., 1970, с. 31—59, 67—139, 153—154, 167—169, 173.

[19] См.: *Салиев А. А.* Мышление как система. Фрунзе, 1974.

[20] См.: *Асратян Э. А.* Каузальный условный рефлекс.— Вопр. философии, 1970, № 10, с. 112—126.

[21] См.: *Бассин Ф. В.* Открытое письмо Э. А. Асратяну.— Вопр. философии, 1971, № 4, с. 159—163.

[22] См.: *Асратян Э. А.* Условнорефлекторная теория, принцип ассоциации и новые их критики.— Журн. высш. нерв. деятельности, 1972, № 3, с. 631.

[23] См.: *Платонов К. К.* Рефлекторная теория, теория отражения и мышление.— Журн. высш. нервн. деятельности, 1973, № 2, с. 448—453; *Он же.* Место мышления в системе понятий рефлекторной теории и теории отражения.— В кн.: Философские проблемы психологии общения / Под ред. А. А. Брудного. Фрунзе, 1976, с. 13—25.

[24] Павловские среды. М.; Л., 1949, т. 3, с. 586.

принято к сведению. Теперь я пользуюсь новым случаем»[25].

Основной тезис, сформулированный И. П. Павловым 13 ноября 1935 г., для него не был нов и явился результатом длительных размышлений. Вот он: «...Когда обезьяна строит свою вышку, чтобы достать плод, то это «условным рефлексом» назвать нельзя. Это есть случай образования знания, улавливания нормальной связи вещей. Это — другой случай. Тут нужно сказать, что это есть начало образования знания, улавливание постоянной связи между вещами — то, что лежит в основе всей научной деятельности, законов причинности и т. д.»[26].

С напоминания и развития этих мыслей И. П. Павлова его ближайшим учеником Э. А. Асратяном, непосредственно слышавшим их, и началась дискуссия. Однако оценить их как «всего лишь смелый набросок, очерченный гениальным взлетом павловской мысли»[27], как сказал Э. А. Асратян, представляется нам упрощением. Ведь и сам И. П. Павлов «сетовал по поводу того, что его новая идея не встречает должного понимания и откликов» у его учеников, как пишет он в следующем абзаце, противоречащем образу случайного «взлета мыслей». А что эта идея Павлова действительно не нашла должной оценки и развития, подтверждается тем, что с 1935 по 1970 годы она была, насколько мне известно, упомянута только в моей работе[28].

Против предложенного Э. А. Асратяном для названия выделенного Павловым в особую группу явления термина «каузальный условный рефлекс» говорит сам тезис Павлова, в частности утверждение, что явление это «условным рефлексом» назвать нельзя, что «это — другой случай». Признание каузального рефлекса условным снимает всю остроту и новизну находки И. П. Павлова. В соответствии с рефлекторной теорией указанное явление, видимо, более точно обозначить термином каузальный рефлекс, понимая его как высшее (из пока известных) видов рефлексов в иерархическом ряду. С неменьшими

---

[25] Там же, с. 263.
[26] Там же, с. 262.
[27] *Асратян Э. А.* Каузальный условный рефлекс.— Вопр. философии, 1970, № 10.
[28] См.: *Платонов К. К.* Занимательная психология. М., 1962, с. 76—77.

основаниями это явление может быть названо и каузальной формой психического отражения [29].

Между ощущением и понятием в филогенезе и антропогенезе стоял каузальный рефлекс, наблюдаемый у приматов и сейчас. Проходит ли скачок от ощущений к понятию через этот этап в онтогенезе человека, еще не известно. Наблюдение за игровым поведением ребенка позволяет предполагать, что и поведение по механизму каузального рефлекса предшествует образованию понятий и речи. Но даже если отмеченное предположение и не подтвердится, то все равно скачок от психического отражения животных к сознанию человека определяет не отражение связей между явлениями, а появление понятий и оперирование ими в процессе мышления.

В учебниках психологии [30], написанных до опубликования «Диалектики природы» (на русском языке) и «Философских тетрадей», глава «Мышление» просто отсутствовала. В вышедшем вскоре после появления в свет этих опорных для психологии работ классиков марксизма-ленинизма в Психологическом словаре дано такое определение: «Мышление — сложнейший вид интеллектуальной деятельности человека, выражающийся в приспособлении к новым условиям, в разрешении новых задач» [31], т. е. вне связи с теорией отражения. Отсутствует эта связь и в первом учебнике С. Л. Рубинштейна: «Мышление и есть это опосредование, установление отношений и зависимостей, раскрытие внутренних связей и закономерностей. Мышление извлекает содержание предмета из той изолированности и единичности, в которой оно дано в созерцании, и включает его в сложную систему опосредствующих его связей и отношений со всей объективной действительностью» [32],— так писал он, пользуясь словом «извлекает», в дальнейшем замененное им словом «вычерпывает».

В последующие годы мышление стали определять как «опосредованное отражение в сознании предмета, основанное на раскрытии его внутренних связей и отноше-

---

[29] См.: *Платонов К. К.* О системе психологии. М., 1972, с. 52.
[30] См.: *Корнилов К. Н.* Учебник психологии. Л., 1926; 2-е изд., М.; Л., 1928.
[31] *Варшава Б. Е., Выготский Л. С.* Психологический словарь. М., 1931, с. 112.
[32] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935, с. 305—306.

ний»[33]. Такое понимание мышления затем вошло в основной для тех лет учебник психологии[34].

Теория отражения разрабатывалась классиками марксизма-ленинизма в гносеологическом, а не психологическом плане. Поэтому большая часть их высказываний относится к раскрытию с ее позиций ощущений и мышления и обоснованию положения о скачке от ощущения к мысли. Основу психологии мышления составили положения, сформулированные Лениным в «Философских тетрадях». Особо важное для психологии значение имеет положение: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*»[35]. Этот путь, проделанный человечеством в процессе антропогенеза, повторяется в каждом процессе онтогенеза.

Скачок от комплексов ощущений к понятиям (говоря на языке психологии); от первой сигнальной системы действительности ко второй (говоря на языке физиологии); от живого созерцания к абстрактному мышлению (на языке гносеологии) и от непосредственного отражения к опосредованному (в контексте теории отражения) означает не что иное, как скачок от животных к человеку. Этому выводу сопутствует вопрос: поскольку человек родится, еще не проделав этого скачка, не значит ли это, что он рождается животным и только потом «гоминизируется»? Такое мнение выразил на симпозиуме по проблемам личности (1970 г.) А. Н. Леонтьев: «Только присваивая человеческую действительность, человек становится человеком... Осуществляется тот совершенно особый процесс, который часто называется теперь процессом «гоминизации»[36]. На симпозиуме по соотношению биологического и социального в человеке, говоря о новорожденном слепоглухом, А. Н. Леонтьев определил его как «нервно-мышечный препарат», т. е. продолжал оставаться на позиции, которая чрезмерно упрощает проблему. Ведь любой человек рождается человеком, а слепоглухой — больным, но все же человеком. Человек — пренатально социальное существо, хотя постнатально будет продолжаться (не у всех в одинаковой мере) про-

---

[33] *Платонов К. К.* Конспект курса психологии. Кача, 1936, с. 17.
[34] См.: Психология/Под ред. К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова, Л. М. Шварца. М., 1938, с. 229.
[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.
[36] Личность: Материалы симпозиума. М., 1971, с. 197, 198.

цесс его дальнейшей социализации — понимания под таковой степени полноты отражения им социальной среды, ее воздействий и норм. Новорожденный уже имеет необходимые для этой социализации задатки — как анатомо-физиологические, так и психические. Более отчетливо указанные задатки проявляются в его потенциальных способностях к обучению понятиям, речи и мышлению. При условии включения новорожденного в социальную среду они проявляются не только процессуально — в форме обучаемости процессу образования понятий и оперирования ими в процессе мышления, но и обогащаются содержательно — на основе приобретенных образов, представлений и понятий и их связей по смысловым ассоциациям.

Процесс накопления опосредованно отраженного в психологии принято называть *усвоением знаний*. Но в свете теории отражения здесь более применимо понятие «формирования индивидуального тезауруса», о котором уже была речь выше. Тезаурусы важны для психологии тем, что в них наиболее отчетливо выявляются связи между понятиями, а в связях заключена основная отражательная сущность и самих понятий, и обобщения их в мышлении. Не случайно Ленин писал о пути перехода к мышлению не от восприятий, а от ощущений — «от живого созерцания к абстрактному мышлению». Многим современным психологам ясно (хотя еще и не совсем), что восприятия сами являются производными от мышления, включая его компонент в свою структуру. Не всегда будучи причинами мышления, они всегда бывают причинами ощущения.

Здесь уместно напомнить о роли памяти в образовании понятий. Ведь без не только долговременной, но и кратковременной памяти этот процесс был бы просто не возможен. Вместе с тем процесс образования понятий (еще не оперирование ими, а только образование) является переходом к более сложной структуре, чем структура запоминания и обобщения ощущений. При этом нельзя отрывать процесс образования понятий на основе процесса обобщения сначала простейших представлений как следов ощущений, а потом более простых понятий в более сложные и абстрактные от процесса оперирования понятиями. Только процесс оперирования понятиями, т. е. процесс мышления, подлинно закрепляет процесс их образования и запоминания.

«Понятие выступает как такая форма мыслительной деятельности, посредством которой воспроизводится идеальный предмет и система его связей, отражающих в своем единстве всеобщность, сущность движения материального объекта,— пишет В. В. Давыдов.— Понятие одновременно выступает и как форма отражения материального объекта, и как средство его мысленного воспроизведения, построения, т. е. как особое мыслительное действие»[37]. Психологическая теория обобщения понятий служит здесь основой для прогрессивной педагогической теории обучения, а психологическая теория опирается на теорию отражения.

Говоря о мышлении как о форме отражения, надо особо остановиться на явлении интуиции, в понимание которой теория отражения вносит ясность, позволяющую отбросить ряд ошибочных ее трактований, в частности рассмотрения ее как формы познания, предшествующей мышлению.

Интуиция — это познание на основе обобщения ряда высокоавтоматизированных умственных навыков, с включением в ее структуру компонента творчества. Ее проявление, как и любого высокоавтоматизированного навыка, может быть неосознанным, т. е. выполняться, говоря языком физиологии, приторможенными участками мозга. Интуиция — не «мать информации», как иногда говорят, а «дочь многих информаций». Она может возникнуть лишь как результат обобщения неоднократно повторяемых сложных актов мышления, т. е. опосредствованного отражения связей и отношений действительности. Интуиция — важный элемент структуры принятия решений, однако полезна она только в случае последующей вполне осознанной проверки, а не бесконтрольного ей подчинения. Можно сказать, что интуиция так относится к автоматизированному умственному навыку, как умение — к автоматизированному двигательному навыку. Потому, как и умение, она играет большую роль в творческой деятельности.

Итак, скачок от ощущения к мысли, обеспечивающий скачок от животных к человеку, возник в антропогенезе в результате появления под влиянием коллективного

---

[37] *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. Логико-психологические проблемы построения учебных предметов. М., 1972, с. 268.

труда способности к образованию понятий, выражению их словами и оперированию ими. Явление мышления все же не может считаться определяющим скачок от животного к человеку. Высшим животным его элементы уже присущи в форме непосредственного каузального отражения, человеку же — в законченной форме опосредованного понятийного отражения — скачка от ощущения к мысли. Дальнейшее развитие понятийно-словесной формы отражения в процессе антропогенеза шло двумя путями: путем развития форм оперирования понятиями в русле развития мышления от наглядно действенного до творческого и диалектического и путем обобщения с уже имевшимися формами отражения и превращения их в новые его формы.

Ни свойственные человеку — и в несколько измененном виде общие с животными — формы первосигнального отражения (механическая память, эмоции, ощущение), ни мышление, зачатки которого в форме каузального рефлекса есть у животных, ни понятийно-словесная форма отражения, присущая только человеку, будучи психологическими понятиями, отражающими важнейшие психические явления, не могут рассматриваться в качестве общепсихологических категорий. Все они — частнопсихологические категории. Они, как и понятия, их уточняющие (например, мыслительные операции, воображение, интуиция и т. п.), входят в систему общепсихологической категории «форма психического отражения» и в качестве более низкого уровня иерархии субординированы этой категорией.

3. Восприятие как высшая форма непосредственного отражения

У животных нет способности образовывать понятия. Они отражают мир в форме частичных или целостных предметных образов, сохраняемых механической памятью в форме представлений, образованных на основе комплексов ощущений и эмоций. Это дало возможность В. Л. Дурову создать теорию и применить метод «вкусопоощрения», благодаря которым появилась возможность дрессировать животных, ранее не поддававшихся дрессировке [38].

---

[38] См.: *Дуров В. Л.* Дрессировка животных: Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу. 40-летний опыт. М., 1924.

Дальнейшее теоретическое осмысление метода Дурова было выполнено М. А. Герд [39].

Понятийное отражение человека включилось во все функциональные системы, наследованные им от животных. Так, усложнив функциональные системы комплексов ощущений, оно подняло их на уровень восприятий, свойственных только человеку.

Какое бы современное определение восприятия мы ни взяли, мы всегда найдем в нем упоминание о понятиях, мышлениях, иногда даже о чувствах, входящих в их структуру. Так, в одном из первых учебников психологии было написано: «Восприятие включает в себя, кроме ощущений, представления, чувства, мысли и желания» [40]. С. Л. Рубинштейн отмечал: «В каждое восприятие входит и воспроизведенный прошлый опыт, и мышление воспринимающего, и — в известном смысле — также его чувства и эмоции» [41]. В одном из последних учебников психологии написано (а во 2-м издании даже выделено курсивом): «Восприятие у человека теснейшим образом связано с мышлением, с пониманием сущности предмета. Сознательно воспринять предмет — это значит мысленно назвать его, а значит отнести воспринятый предмет к определенной группе, классу, обобщить его в слове. Даже при виде незнакомого предмета мы пытаемся уловить в нем сходство со знакомыми нам объектами, отнести его к некоторой категории» [42].

Поскольку отсутствие способности к образованию понятий у животных общепризнанно, все приведенные и подобные им определения могут относиться только к восприятию человека. Вместе с тем, примененный тут логичный ход мысли до сих пор вызывает определенную настороженность [43]. Конечно, для восприятий могут быть сохранены приведенные выше определения. Но только следующее связывает восприятие с процессом отражения: *восприятие* — психический процесс непосредственного отражения предметов и явлений действительности в сово-

---

[39] См.: *Герд М. А.* Анализ процесса дрессировки.— В кн.: Материалы совещания по психологии, 1955. М., 1957, с. 683—689.

[40] Психология, с. 94.

[41] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии, с. 198.

[42] Общая психология / Под ред. А. В. Петровского, М., 1970, с. 226; 2-е изд. М., 1976, с. 253.

[43] См.: Советская психология личности в свете ленинских идей. Пермь, 1971, с. 82.

купности их различных свойств и элементов, связанный с пониманием целостности отражаемого. Понимание целостности отражаемого — одно из самых существенных компонентов восприятия.

«Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей» [44]. Эти слова Энгельса стали уже хрестоматийными. Но они ведь говорят о комплексах ощущений животного и о восприятии человека как о различных формах психического отражения, которые требуют терминологической определенности.

Отметим, что терминологическая нечеткость в исследовании восприятия не сводится только к распространению этого термина и па животных. В философии прочно укоренилось понятие *«чувственное познание»*, понимаемое как отражение в виде ощущений и восприятий. Оно возникло в то время, когда рецепторы назывались «органами чувств». Эти термины являются архаизмами, лишающими должной терминологической четкости систему научных понятий. Видимо, здесь философам пора учесть достижения психологии. Чувства — это самостоятельная форма отражения, в которой общее с восприятиями только то, что в их структуру также входят понятия, а ведь понятия в философии никогда не относились к чувственному познанию.

Итак ощущение и восприятие должны рассматриваться как самостоятельные психологические категории, входящие в общепсихологическую категорию форм психического отражения. Соответственно в программах и в учебниках психологии логично посвящать им специальные темы и главы, причем изучение восприятий должно следовать после изучения понятий.

4. Чувства как форма отражения

Исследование места в иерархии форм психического отражения в ее историческом плане значительно сложнее, чем история понимания явлений, рассмотренных в предыдущих параграфах этой главы. Сложность опреде-

---

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 490.

ляется не только изложенными терминологическими нечеткостями типа «чувственное познание» и «органы чувств», но и другими причинами.

Во-первых, эмоции и чувства человека давно уже принято объединять в нечто единое (даже общей главой в учебниках), только иногда акцентируя у первых биологическую, у вторых — социальную стороны. Иногда они трактуются как синонимы. Даже крупнейший советский специалист по психологии эмоций и чувств П. М. Якобсон объединил их в названии своей монографии, им посвященной [45]. Наиболее четко разделил понятия «эмоция» и «чувство» Г. Х. Шингаров [46].

Во-вторых, при обсуждении психологами проблемы отражения уже в начале 30-х годов высказывались сомнения в возможности распространять теорию отражения на эмоции и чувства человека.

В третьих, сложность исследования отражательной сущности чувств связана с уже разобранной концепцией «отражение отражения». Надо сказать, что в применении к чувствам наиболее явно видна недопустимость подмены реально существующего взаимодействия систем различного иерархического уровня их *отражением*. Тот факт, что эмоции, понятия и отношения входят в структуру чувства и в ней взаимодействуют, отнюдь не означает, что чувство их отражает. Оно *через них* отражает реально существующий мир.

Физиологическая функциональная система, обеспечивающая чувства, присущие только человеку, более сложна по организации, чем существующая у него же и обеспечивающая эмоции. Сложнее она уже потому, что в структуру чувств помимо эмоций входят понятия. Нельзя переживать, например, чувство любви к родине, не имея понятия «Родина», чувство ненависти к врагу, не понимая, кто «враг», а кто «друг», или чувство долга, не зная моральных норм.

Дефиниция чувств, входящая в систему понятий, опирающихся на ленинскую теорию отражения, следующая: *чувства* — сложная форма отражения, свойственная только человеку, обобщающая эмоциональное и понятийное отражение. Они отражают отношение предметов и явлений к нуждам и мотивам деятельности человека как лич-

---

[45] См.: *Якобсон П. М.* Психология чувств. 2-е изд., М., 1958.

[46] См.: *Шингаров Г. Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности / Под ред. К. К. Платонова. М., 1971.

ности, осуществляя саморегуляцию личности в ее взаимодействии с обществом.

Итак, утверждение, что «в чувствах отражаются эмоции», искажает сущность отражения. В структуру чувств входят и эмоции и понятия, которые сложно взаимодействуют в структурах различных чувств, образовывающихся по условнорефлекторным механизмам. Поэтому чувство также является особой самостоятельной формой психического отражения и должно пониматься как частнопсихологическая категория, входящая в общепсихологическую категорию форм психического отражения.

5. Воля как форма отражения

Многие годы волю понимали и определяли через понятие *способности* — как способность преодолевать препятствие. Считать ошибочным такое понимание нет оснований, поскольку любое достаточно стойкое психическое явление можно (а с позиций деятельности и должно) рассматривать как способность к какой-либо определенной деятельности. Уточнять же это понимание воли приходится, потому что оно не способствует раскрытию ее сущности как специфической формы психического отражения.

Первая попытка понять волю в аспекте теории отражения принадлежит В. И. Селиванову. Волю,— писал он,— «можно характеризовать, как активное сознание, как *практическое* сознание, производящее изменение и преобразование внешнего мира. Как активное *сознание* воля есть отражение объективного мира, отражение, в первую очередь, процесса собственной практики»[47]. Несмотря на краткую формулировку этого положения, в ней содержится два чрезвычайно существенных указания: во-первых, воля — это отражение, и, во-вторых, воля — это отражение собственной практики, которая всегда целенаправленна.

Исследование воли, действительно, начинать надо с анализа цели как психического явления[48]. Сложность этого анализа состоит в том, что в феномене цели про-

---

[47] *Селиванов В. И.* К вопросу о так называемом произвольном поведении.— В кн.: Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии. М., 1952, с. 402.

[48] См.: *Платонов К. К.* Воля как способность и как форма отражения.— В кн.: Материалы II межвузовской научной конференции по проблемам психологии воли. Рязань. 1967, с. 5—8.

является единство его двух форм — отражаемой и отраженной, объективной цели и цели как психического явления.

Цель как объективное явление — это тот реальный результат, который должен быть достигнут в процессе индивидуальной или групповой деятельности людей. Сказанное распространяется и на поведение животных или работу машины. Такое понимание объективной цели, далеко выходящее за рамки анализа воли, совершенно необходимо для дальнейшего.

Цель как субъективное явление — это отражение объективно существующих возможностей результата действий или деятельности. Цель может быть более или менее отдаленной, общей или частной, сложной или элементарной, не разложимой на более частные. Цель может быть иллюзорной, поскольку иллюзия — это искаженное отражение реальности.

Сущность воли как формы отражения может быть выявлена из феномена (и соответствующего понятия) «целеустремленность», который может принимать формы и психического процесса, и состояния, и свойства личности. *Целеустремленность* — это отражение объективных отношений нужды к достижению общей и отдаленной объективной цели и возможности личности. Введенное в психологию Куртом Левиным понятие *уровень притязаний* представляет собой целеустремленность, в которой возможности личности представлены ее направленностью. Поскольку направленность личности включает в свою структуру потребности, притязания всегда эмоционально окрашены и относятся к проявлению не только воли, но и эмоций.

В зависимости от времени протекания воля может проявляться как волевое усилие или как настойчивость. *Волевое усилие*, в котором проявляется сила воли как процесс, и *настойчивость*, в которой проявляется стойкость воли как состояние или как свойство личности,— это отражение объективного отношения цели деятельности, соответствующей уровню притязания личности и фактически выполненной собственной деятельности, обеспечивающей достижение этой цели. Волевое усилие одноразово и связано с более близкой целью; настойчивость — с более отдаленной, подчиняющей себе частные цели. При этом цель только тогда включается в волевой акт и становится побудительной силой волевого процесса, когда ее достижения становятся потребностью личности.

Процесс *целеполагания* у человека можно раскрыть на фоне следующей общей схемы объективного целеобразования, свойственного объектам различного уровня, которую удобнее рассматривать с нижнего уровня.

Схема

Объекты	Высшие доступные виды	
	целей	целеобразования
общество	общественные гуманные цели	на основе группового общения
человек	осознанные цели, обеспечивающие будущее и определяющие деятельность	в личном опыте на основе личного общения
вторичноротые животные	условнорефлекторные цели и целесообразность поведения	в условнорефлекторном научении
первичноротые животные	целесообразность инстинктивных цепных реакций	путем биологической памяти и естественного отбора
растения	целесообразность тропизмов	естественный отбор, закрепленный в генах
неживая природа	целей нет	человек подчиняет своим целям

Поясним эту схему. Лес может превращаться в парк или участок для заготовки древесины в зависимости от целей, приданных ему человеком. Человек может придать нужные ему цели и живому, например, при одомашнивании и дрессировке животных и селекции растений. Но и без вмешательства человека живая материя развивалась целесообразно, иногда для сохранения индивида, и всегда для сохранения вида. Процесс возникновения целесообразности путем естественного отбора раскрыт дарвинизмом. Процесс закрепления указанной объективной целесообразности в генах еще только изучается генетикой и биохимией, но есть все основания утверждать, что он будет не только понятен, но и управляем. Этого будет достаточно для понимания целесообразности и целеобразования в мире растений. Во избежание двусмысленности

здесь уместо привести слова К. А. Тимирязева: «Сохраняя старое слово — целесообразность, мы придаем ему новый смысл. Не в виду, не в ожидании пользы созидались все эти совершенные органы и целые организмы, а сама польза создала их. Вместо предполагаемой цели мы имеем действительную причину»[49]. В мире первичноротых животных, дело обстоит, как и у растений, но несколько сложнее. Наличие нервной системы обеспечивает появление поведения, построенного на механизме цепных реакций. Эти реакции в основном определяются наследственными программами, хотя в весьма незначительной степени, и поддаются уточнению в индивидуальном опыте.

Принципиально иная нервная система вторичноротых животных дает все возрастающую в процессе филогенеза возможность уточнения при научении генетически закрепленного целеобразования, свойственного всему животному миру, и, в частности, первичноротым. При этом за счет аналогии, а не отсутствующей гомологии, ряд особенностей целесообразного поведения (например, при гнездовании) в этих двух ветвях животного мира оказываются весьма схожими. Эта аналогия поведения подтверждает, что в обоих случаях целесообразность как поведения, так и строения организмов определяется обратной связью их соответствия требованиям жизни в определенных условиях. Возникнувшее соответствие с помощью отбора закрепляется в генетических программах.

У животных, обладающих психикой, это соответствие (или несоответствие) постепенно принимает форму все более четкого субъективного явления, становящегося у человека осознанным образом цели, которая «как закон определяет способ и характер его действий»[50].

Процесс принятия *волевого решения* в волевом действии человека и решительность как волевая черта личности являются производными от волевого усилия и настойчивости. Они определяются четкостью целеполагания и продолжительностью волевого действия и преобладанием волевого компонента над эмоциональным в структуре акта сознания. Баланс эмоционального и волевого компонента при господстве воли над эмоциями, взятое вне зависимости от фактора времени, принято называть *самообладанием*.

---

[49] *Тимирязев К. А.* Соч. М., 1939, т. 7, с. 53.
[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

Взаимосвязи в единой структуре сознания волевой формы психического отражения с другими его формами создают такие психические явления, как произвольное восприятие, произвольное запоминание и воспроизведение, произвольное сдерживание эмоций и т. д. При этом любое *волевое действие*, субъективно переживается как волевое усилие, а объективно проявляется как активность сознания и, следовательно, активность и личности, и человека в целом.

Во всех случаях волевой формы психического отражения отражаемым объектом является та или иная реальность: объективная возможность результата деятельности или действия, собственная деятельность, их объективное отношение между собой или с возможностями и направленностью личности. На обнаружение их должен быть направлен анализ волевого действия или деятельности.

Для формирования волевых качеств личности необходимо создавать объективно отражаемые явления и отношения и обеспечивать условия для закрепления волевых качеств личности. Волевая форма отражения должна переводиться в ее мнестическую форму, форму волевой (которую не следует смешивать с произвольной) памяти, т. е. запечатления, сохранения и воспроизведения волевого действия и его результата.

Мнестическая форма волевого отражения — *волевая память*, т. е. следовая форма волевого отражения, изучена мало и редко ставится в один ряд с образной, понятийной, эмоциональной и психомоторной памятью. Однако именно на ее основе образуются из волевых действий *волевые навыки*, примером которых являются, в частности, навыки дисциплины [51].

Понимание воли как формы отражения действительности позволяет глубже раскрыть ее проявление как способности личности к регуляции своей деятельности в двух формах: побудительной и исполнительской, о чем писал С. Л. Рубинштейн. Цель и уровень притязаний в выше изложенном понимании определяют *побудительную* регуляцию деятельности; волевые усилия — *исполнительную* регуляцию [52].

---

[51] Подробнее см.: *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948, с. 151.

[52] См.: *Шмаков А. В.* О воле как форме отражения и способности к регуляции деятельности.— В кн.: Материалы IV Всесоюз. съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971, с. 151.

Цель как понятийная форма отражения действительности в процессе волевой деятельности выступает как функционирующая цель, в которой на практике осуществляется единство мыслей и действия, переход субъективного в объективное. Благодаря творческой переработке опыта прошлого, учета настоящего и планирования будущего цель в идеальной форме содержит в себе средства и результат еще не осуществленного волевого процесса.

Центральный элемент в структуре волевой формы отражения — *волевое усилие*. В затрудненных условиях оно проявляется при постановке целей, на этапе борьбы мотивов, в принятии решения, в его осуществлении и в дальнейшей непосредственной практической деятельности.

Необходимо четко разграничивать волевой процесс (с его основным элементом — волевым усилием) от более общего понятия *психической активности*. Отраженное содержание воли, включающее в себя цель, средства и конечные результаты в их идеальной форме, не тождественны и не сводимы к ним как к объектам отражения. Это обусловлено тем, что в процессе практической реализации цели волевой деятельности встречаются субъективные и объективные, предвиденные и непредвиденные трудности и помехи. Они определяют реальное развитие волевого процесса и его конечный результат, т. е. достигнутую цель, что дает возможность на основе практики проверить достоверность субъективной цели и степень ее истинности. «Результат действия,— писал В. И. Ленин,— есть проверка субъективного познания и критерий **ИСТИННОСУЩЕЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ»**[53].

Полученный результат деятельности содержит в себе нечто не предвиденное в субъективной цели. Это несовпадение может идти как по линии «недовыполнения» цели, так и по линии получения дополнительных неожиданных результатов. Полученный конечный результат волевой деятельности выступает таким образом как «непосредственность», снимающая субъективность цели и переводящая ее в непосредственную объективность[54].

Итогом изложенных соображений о воле как форме психического отражения может быть следующее определение: *воля* — это отражение объективного отношения целей деятельности, соответствующих уровню притязания

---

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 200.

[54] См.: *Шмаков А. В.* Проблема воли в свете теории отражения.— Вестн. АМН СССР, 1971, № 4, с. 19.

личности и фактически выполняемой ею деятельности, обеспечивающей достижение этих целей.

Такое определение позволяет рассматривать волю как самостоятельную форму отражения. А это, в свою очередь, обусловливает ее понимание как частнопсихологической категории, подчиненной общепсихологической категории — *форма психического отражения.*

6. Понятийная память как высшая форма следового отражения

Человеку в его низших функциональных структурах свойственны все рассмотренные виды памяти. Но на специфически человеческом уровне, определяемом мышлением, как оперированием понятийной формы отражения действительности и развившимися на этой основе восприятиями, чувствами и волей, память эмоций и ощущений дополнена понятийной памятью. В психологии принято называть иногда *логической*, иногда *смысловой*, но термин *понятийная память* более точен. Этот тип памяти осуществляет запоминание и воспроизведение уже сформировавшихся понятий, по вместе с тем на его основе происходит и формирование новых понятий и их комбинаций.

Человек, который предложенную для запоминания фразу «позавчера здесь приземлился самолет» воспроизводит как «третьего дня тут сел аэроплан», проявляет плохую память ощущения звуков (фонем), обычно называемую слуховой механической памятью, но хорошую понятийную память.

В конечном счете все виды памяти у человека представляют собой единую функциональную систему. Из этой сложной системы только при определенных мозговых поражениях явно проявляются отдельные ее части (виды памяти). Абстрагируясь от целого и применяя прием «вырывания» изучаемого явления из взаимосвязи, существующей внутри системы, можно выделить шесть *видов памяти*, которые как единая форма следового отражения соответствуют шести другим формам психического отражения действительности. Это будут (от более простого к более сложным): эмоциональная память, память на ощущения и их комплексы (она в свою очередь делится по анализаторам, обеспечивающим отражение запечатлеваемого), понятийная память, память на восприятия, память на чувства и волевая память. При этом два различных

нейродинамических механизма определяют два рода всех ее видов — *оперативную* и *долговременную* память. Совокупность всех этих родов и видов памяти у человека и дает ту свойственную ему интегральную и следовую форму отражения, которую обобщенно и называют памятью.

Добавим, что по наиболее свойственному человеку виду памяти, обеспечивающему наибольшую ее продуктивность, определяется его *тип памяти. Продуктивность* отдельных видов *памяти*, как и ее общая продуктивность, определяется рядом ее отражательных функций, а именно: объем, быстрота, точность, длительность и готовность памяти. Понятие *готовности памяти* было введено Б. М. Тепловым[55]. Условиями формирования этой важнейшей отражательной функции памяти специально никто не занимался. Результаты исследований формирования готовности памяти у летчиков и у учащихся профессионально-технических училищ позволяют предположить, что они распространяются не только на частные случаи, но и содержат более общие данные. Готовность памяти формируется в процессе запоминания, которое должно быть обязательно понятийным и во время которого сразу устанавливаются связи между запоминанием и теми случаями, когда эти сведения могут понадобиться[56].

Выше уже было сказано о мало изученной и упускаемой в учебниках *волевой памяти*, как следовой форме волевого отражения, обеспечивающей образование волевых навыков и навыков культурного поведения и вообще все воспитание воли и волевых черт характера. Решающее значение память имеет в формировании присущего только человеку феномена «я», но этой проблеме будет уделено внимание в главе VII при рассмотрении проблемы сознания.

Итак значение памяти в эволюции форм отражения трудно переоценить. Если биологическая, в том числе генетическая, память обеспечила биологическую эволюцию человека, то память как форма психического отражения во всех ее видах обеспечила и обеспечивает социальную эволюцию.

И все же достаточно четкой грани, которая позволила бы рассматривать механическую и понятийную память в

---

[55] См.: *Теплов Б. М.* Психология. М., 1946, с. 122.
[56] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Об изучении личности учащегося. М., 1961, с. 110—114.

качестве двух самостоятельных форм психического отражения и двух самостоятельных категорий, нет. Пожалуй, наиболее правильно представить их не стоящими на флангах формы психического отражения, а как замыкающие все отражательные формы в кольцо спирали.

Возможно и иное решение: память можно рассматривать как обязательный компонент структуры любой формы отражения.

7. Иллюзии как искаженное отражение действительности

Утверждение, что *иллюзии*—искаженное отражение, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений. Но еще не так давно иллюзии понимались как искажение только восприятия. Так их определял Л. С. Выготский: «Иллюзия — ошибочное восприятие» [57]. Так они определены и в других словарях, в том числе — в Большой советской энциклопедии. Вместе с тем психиатры давно описывали иллюзии памяти, отоларингологи — вестибулярные иллюзии. Эти разрозненные, не связанные друг с другом наблюдения требовали достаточно широкого определения. В 1936 году автор этой книги определил их так: «Явления неправильного, неточного отражения объективных свойств вещей называются иллюзиями. Эти неточности и искажения могут вызываться физическими, физиологическими и психологическими причинами» [58], но по традиции раздел об иллюзиях был помещен в главу о восприятиях. В статье в 1965 г. уже было написано: «мы понимаем иллюзии как искаженное отражение внешнего мира» [59].

Психологические иллюзии, являясь искажением отражения действительности, легко классифицируются по формам отражения. Иллюзии памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств и воли — каждую можно рассматривать в качестве родов иллюзий, а в каждом роде можно выделять виды. Виды иллюзий в каждом роде выделяются по различным признакам. Единой классификации их пока еще нет. Б. М. Гольштейн дал клас-

---

[57] *Варшава Б. Е., Выготский Л. С.* Психологический словарь. М., 1931, с. 75.

[58] *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948, с. 25.

[59] Педагогическая энциклопедия. М., 1965, т. 2, с. 188—190.

сификацию зрительных иллюзий применительно к иллюзиям, встречающимся в практике летчиков[60].

Вот некоторые примеры иллюзий каждой из групп. Иллюзии *памяти* могут идти по двум видам: иллюзия искаженного восприятия (например, «лошадиная фамилия» из рассказа А. П. Чехова) и иллюзии подстановки (например, известная психиатрам под названием déjà vu). Иллюзии *эмоций* чаще всего наблюдаются при фармакологических воздействиях, например, алкогольном опьянении; в других случаях они вызваны сменой эмоций на полярные, например, эйфорией после парашютного прыжка. Иллюзии *ощущений* классифицируются по анализаторам и в основном являются иллюзиями контраста, адаптации или, напротив, сенсибилизации анализатора. Иллюзии *мышления* в широком смысле это любая «ошибка мышления», как правило, включающаяся в иллюзии всех других родов. Но в узком — это ошибки суждения, вызванные, например, подражанием, персонификацией, утомлением и т. д. Иллюзии *восприятия*, как и иллюзии *ощущения* различаются чаще по анализаторам, в них отчетливо проявляется близость восприятия и мышления. Наилучшим примером иллюзии *чувств* будет влюбленность, кажущаяся любовью. Но и любопытство является иллюзией любознательности как познавательного чувства. Иллюзии *воли* — упрямство как иллюзия настойчивости.

Создание четкой классификации иллюзий задерживалось непониманием их как искаженных отражений действительности. Создание такой классификации нужно не только для борьбы с иллюзиями, но и как косвенный способ исследования форм отражения, иллюзиями которых являются изучаемые феномены. К этой области применимо известное положение И. П. Павлова: «Мы постоянно видим, как нормальное под вредными разрушительными влияниями незаметными переходами превращается в патологическое и как патологическое часто открывает нам, разлагая и упрощая то, что заслонено от нас, слитое и усложненное, в физиологической норме»[61]. Иллюзии могут быть объединены с явлениями патологии, описанными И. П. Павловым, единым общим законом,

---

[60] См.: *Гольдштейн Б. М.* Иллюзии визуального полета.— Гражд. авиация, 1973, № 3, с. 16—17; *Он же.* Психофизиологические особенности зрительных иллюзий в летной деятельности. Дис. канд. мед. наук. М., 1978.

[61] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1951, т. 4, с. 317.

заслуживающим названия «Закон о законах» и кратко сформулированным так: пока закон не нарушается, он может не обнаруживать себя [62].

Итак, изучение иллюзий как искаженного отражения действительности способствует лучшему пониманию форм психического отражения. Поэтому раздел, посвященный им, и включен в эту главу.

*

Из изложенного видно, что предельно широкое для психологии понятие «форма психического отражения» является общепсихологической категорией. Она включает в себя семь родов этих форм — частнопсихологических категорий, которые, вместе взятые, совпадают с ее объемом. К ним относятся память как следовая форма всех других; эмоции; ощущения; мышление; восприятие (обобщающее 1, 3, 4 формы); чувства (обобщающие 1, 2 и 4 формы); воля, обобщающая все предыдущие формы.

Взятый одновременно «срезом», этот ряд будет представлять сложную иерархическую систему психики человека. Но, будучи включенным в более широкую систему форм отражения, в филогенетическом аспекте, он претерпел ряд скачков, сохраняя на каждом высшем уровне все снятые низшие, причем на каждом иерархическом уровне в качестве продукта возникали системные качества, определявшие скачок к более высокому уровню:

— от физического к физиологическому (раздражимость);

— от физиологической раздражимости к переживаемости (субъективности), т. е. к психическому;

— от эмоций к ощущениям (от переживаемости к чувствительности);

— от сложного комплекса ощущений к оперированию понятиями — простейшему мышлению;

— от мышления к воле.

Такая последовательность развития повторяется и в онтогенезе. Причем, как в фило-, так и в онтогенезе каждый этап развития психики претерпевал и продолжает претерпевать свои собственные изменения, идущие по двум линиям. По одной линии каждый этап, вступая в противоречие со средой, завершается скачком, обеспечи-

---

[62] Подробнее см. в кн.: Коллектив и личность. М., 1975, с. 88, 92—93.

вающим появление следующего этапа. По другой линии развития он дифференцирует и усложняет собственную форму, которая вступает в новые структурные взаимоотношения с другими формами психического отражения.

Так, мышление имеет иерархию своих форм, начиная от простейших понятий, суждений, умозаключений и наглядно действенного мышления до абстрактного, творческого, диалектического мышления. Все его формы, более высокие, чем понятие, несравнимо сложнее восприятий, но в генетическом плане восприятие могло появиться только после возникновения у мозга способности образовывать понятия.

Чувства, возникнув условнорефлекторно на основе эмоционально окрашенных понятий, дифференцировались в познавательные (их называют и гностическими), эстетические, моральные, правовые и интегрировались с волей и мышлением (мировоззрением) в форму убеждений, а на своем высшем уровне — в чувство долга.

Перечисленные семь иерархически связанных отражающих систем не случайно названы формами психического отражения, а не формами психики. *Психика* включает в свою структуру не только эти процессуальные формы, но и их содержание, наполняющее формы тем, что они отражают из внешнего для нее мира; включает она и объективизацию этих форм и их содержание во внешней деятельности человека. Но, говоря о форме отражения, приходится абстрагироваться от содержания отражаемого и от ее объективизации.

В аспекте объективной диалектики перечисленные формы психического отражения вместе с их содержанием и объективизацией могут рассматриваться и как элементы системы сознания (см. главу VII), и как элементарные способности, входящие в структуры более сложных способностей личности (см. главу VIII), и как элементарные виды ее деятельности (см. главу IX).

В аспекте субъективной диалектики — это частнопсихологические категории, объединенные соответствующей общепсихологической категорией «формы психического отражения», которой подчинена следующая общепсихологическая категория — «психическое явление». О ней речь пойдет в следующей главе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Психическое явление как категория

1. Потребности как активация отражения

Исследование любого феномена можно начинать и с изучения его формы, и с изучения его содержания. Но, помня об их неразрывности, в конечном счете необходимо рассматривать его в единстве этих парных философских категорий, которое было включено В. И. Лениным в качестве 15-го элемента в диалектику [1].

Общепсихологическая категория форм психического отражения связана прежде всего с процессуальной стороной входящих в нее психических феноменов. Но эти же феномены имеют и содержательную сторону, познаваемую уже не в русле категории форм отражения, а в русле категории психического явления. Здесь отчетливо проявляется взаимодействие психологических категорий.

Понятие «психическое явление» также общепсихологическая категория. Эта категория более широка, чем категория форм психического отражения, так как включает не только семь родов их форм и ряды соподчиненных каждому из них психологических понятий (например: глазомер, эмоциональный стресс, воображение, упрямство и т. д. и т. п.), но и психические явления, связанные с отражением, но не имеющие статуса самостоятельных форм психического отражения: потребности, внимание и психомоторику. Кроме того, три понятия: психический процесс, психическое состояние и свойство личности как частнопсихологические категории также входят в общепсихологическую категорию психических явлений. Начинать рассмотрение этой категории логично с понятия потребности.

Жизнь — это процесс беспрерывного, требующего от организма активности восстановления равновесия организма со средой, которое постоянно нарушается при их взаимодействии. Равновесие нарушается в результате как дефицита, так и избытка чего-либо, равно вызывающих состояние нужды в приобретении или избавлении от него.

Нужда — это объективное явление, дефицит чего-либо необходимого для организма, личности или группы людей, мешающий их нормальной жизнедеятельности. Нужда яв-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

ляется стимулом, «пусковым толчком» для возникновения процесса физиологического отражения. У организмов, обладающих психикой, нужда отражается как потребность, которая, опережая нарастание нарушения равновесия, сигнализирует о необходимости устранения нужды теми или иными актами форм психического отражения и реагирования в форме поведения либо деятельности.

Потребность — это опережающее отражение нарастания нужды, активизирующее проявление других форм отражения. Примерно так понимает потребности и Л. И. Божович, уделяющая этому психическому явлению много внимания: «...мы склонны понимать потребность как отраженную в форме переживания (а не обязательно осознания) нужду индивида в том, что необходимо для поддержания его организма и развития его личности» [2].

Однако такое соотношение феноменов нужды и потребности (соответственно и понятий и терминов, их определяющих) понято еще далеко не всеми. Не только экономисты, но и психологи нередко подменяют их один другим, что означает не что иное, как отход от теории отражения. Так, формулировка «отражение субъектом динамики своих потребностей» [3] в свете теории отражения подразумевает отражение уже отраженной нужды, т. е. отражение отражения.

На ранних стадиях и низших иерархических уровнях психического отражения и в филогенезе и онтогенезе потребности совпадают с простейшими эмоциями. Подобно эмоциям, они не создают субъективного образа, а только *переживаются,* сохраняя отмеченную особенность и на своем высшем уровне, т. е. уровне социогенных потребностей человека.

Грудной ребенок имеет потребности только в кислороде, пище, тепле и покое. Маркс отмечал, что потребности как «побудительные силы побудительных сил» выступают одновременно «как побуждение и как цель» [4]. По мере созревания организма у человека появляются новые непосредственно биологически обусловленные потребности. Так, потребность в покое периодически дополняется по-

---

[2] *Божович Л. И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка.— В кн.: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972, с. 41.

[3] *Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы, эмоции: Курс лекций. М., 1971, с. 2.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 718.

требностью в движении, игре и трудовой деятельности. Прежде потребности в игре возникает потребность в познании. В результате созревания эндокринных желез появляется половая потребность. Постарение организма приводит к утрате не только половой потребности, но и видоизменяет потребность в труде, познании и движении.

Этот процесс наблюдается не только в онтогенезе, но и в антропогенезе. «...Сама удовлетворенная первая потребность,— писали Маркс и Энгельс,— действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»[5]. В этом положении заключено глубокое психологическое содержание. Удовлетворение потребности осуществляется путем актуализирования ею той или иной формы отражения и способствует укреплению последней. Можно сказать и иначе: развитие форм отражения осуществляется через удовлетворение их активирующих потребностей.

Существуют далеко не всегда учитываемые взаимоотношения между потребностями, отражающими *биологическую нужду* организма и *социальную нужду* личности: чем более примитивна биологическая нужда, тем более «сиюминутно» стремление к удовлетворению потребности. В этом легко убедиться, сравнивая, например, переживание потребности в кислороде, возникающей при задержке дыхания, с эстетической потребностью в музыке. Но эта закономерность далеко не абсолютна. Так, биологическая потребность в еде может нарастать очень медленно, а нравственная потребность выхватить ребенка из-под колес приближающегося поезда, может возникнуть и реализоваться мгновенно. Объяснение этого может быть понято в свете временно́й характеристики объективного процесса нужды, отражаемой как потребность.

Указанный вопрос был затронут на Всесоюзной конференции по проблемам формирования социогенных потребностей в 1974 г. Однако большинство докладчиков не связывали потребности с теорией отражения. Этим объясняется смешение Н. Х. Барамидзе понятий потребности и воли[6]. Рядоположение потребности и воли, в то время как волевой процесс сам связан с потребностью в дости-

---

[5] Там же, т. 3, с. 27.
[6] См.: *Барамидзе Н. Х.* Актуальная потребность и отдельное мотивационное поведение.— В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974, с. 13—14.

жении цели, привело к аналогичной ошибке и Н. В. Кучевскую, чье определение потребностей, хотя и опирается на теорию отражения, но также больше говорит о воле: «Потребность есть отражение в формах человеческой деятельности и отношений поставленных в определенную связь с человеком предметов и условий, необходимых для его существования» [7].

Общность биологических потребностей с эмоциями, а не с волей была доказана экспериментально. «Психология „сомкнулась“ с нейрофизиологией после того, как Олдс и Милнер видоизменили ящик Скиннера таким образом, что при нажатии на рычаг животное могло направлять кратковременное прямое раздражение в какую-либо часть мозга через хронически вживленные электроды. Это нововведение привело к открытию ранее не известного положительно-подкрепляющего механизма в базальной части переднего мозга, раздражение которого, очевидно, имело все особенности первичного подкрепления» [8],— писал Г. Мэгун, доказавший это. Оказалось, что крыса довела себя до изнеможения, нажимая на рычаг до 7 тыс. раз в час [9]. Н. Персон в 1962 г. повторил подобные опыты, ставшие к тому времени классическими, с козами [10], более медлительными и дававшими 400 нажимов в час. Так возникло учение о самораздражении головного мозга, которое позволяет экспериментировать с субъективным и глубже понять роль эмоций в филогенезе. Оно подтвердило предположение С. Л. Рубинштейна о том, что, «...выступая в качестве проявления потребности, в качестве конкретной психической формы ее существования, эмоция выражает активную сторону потребности» [11]. Активная сторона потребности как субъективного явления у человека становится осознанным мотивом деятельности. Но это будет подробнее рассмотрено в главе IX, поскольку понятие «мотив» подчинено категории деятельности.

---

[7] *Кучевская Н. В.* О понятии потребности в психологии.— Там же, с. 25.

[8] *Мэгун Г.* Бодрствующий мозг. М., 1961, с. 55—58.

[9] См.: *Olds J., Milner P.* Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain.— J. Compar. and Physiol. Psychol., 1954, N 47, p. 419—427.

[10] См.: *Person N.* Self-stimulation in the goat.— Acta physiol. scand., 1962, N 23, s. 276.

[11] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946, с. 460.

В опытах Олдса и Милнера и их последователей вызывались *безусловнорефлекторные потребности*. Но потребности могут быть и условнорефлекторными. *Условнорефлекторный* механизм потребностей определил быстрое и по существу неограниченное расширение их сначала у ребенка, а потом и у взрослого человека. Вначале небольшой круг потребностей ребенка вскоре получает условнорефлекторные связи с другими ощущениями, их комплексами и восприятиями, потом с понятиями и словами. Так рождается потребность «видеть маму», «получить похвалу», «быть хорошим», потребность в общении, игре, учении, труде, выполнении долга, потребность в красоте и т. д. и т. п.

Одновременно обогащается эмоциональный мир и возникает мир чувств, мир красоты, добра и правды. «Единство красоты-добра и красоты-правды» является «основным вопросом искусства и эстетики»[12],— пишет Тодор Павлов, и не случайно древнегреческие философы объединяли понятия красота и добро в одно понятие и слово — калокагатия. Единству нравственных и эстетических чувств и потребностей, их вызывающих, посвящены работы И. А. Джидарьян[13]. Исследования, проведенные Л. А. Еремеевой[14], показали, что нравственные потребности сближаются не только с эстетическими, но и с правовыми потребностями.

Все биологические потребности человека социализированы. Это было показано Марксом и Энгельсом на примерах двух наиболее сильных потребностей: голода и эроса. «Голод есть голод,— писал Маркс,— однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»[15].

Энгельс иллюстрировал это же положение другой биологической потребностью, миллионы лет двигавшей животным миром и иногда тормозящей все остальные

---

[12] *Павлов Т.* Избр. филос. произв. М., 1962, т. 4, с. 296.

[13] См.: *Джидарьян И. А.* О соотношении нравственных и эстетических чувств.— В кн.: Проблемы этики. М., 1964; *Она же.* Взаимодействие нравственных и эстетических чувств. Дис. канд. филос. наук. М., 1965; Эстетические потребности. М., 1976, 191 с.

[14] *Еремеева Л. А.* Особенности нравственного и правового индивидуального сознания несовершеннолетних правонарушителей.— В кн.: Профилактика правонарушений несовершеннолетних. Иркутск, 1976.

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 718.

потребности. «Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних,— писал он.— Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу... И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет?» [16]. Так понимал половую потребность и Ленин, что явствует из слов Клары Цеткин, передавшей его мнение о фрейдизме и половом вопросе [17]. Глубокий анализ идей Ленина о потребностях людей провела Е. В. Шорохова [18].

Образование новых потребностей имеет в своей физиологической основе условнорефлекторный нейродинамический стереотип. Чем более в образование нейродинамического стереотипа как структуры сложного навыка входят эмоции, связанные с удовлетворением уже имеющихся потребностей, тем скорее эта структура становится привычной.

Привычка — это действие, выполнение которого стало потребностью. Самое краткое и емкое определение включает этот феномен и в учение о потребности, и в учение о деятельности. Сейчас нейродинамические механизмы привычек хорошо изучены. Среди них большое значение имеет неподкрепление, роль которого в этом процессе описывает Г. И. Поляков. «Если, например, перестать подкармливать собаку после предъявления условного раздражителя, который до того регулярно подкреплялся пищей, то животное дает на неподкрепление резко выраженную отрицательную реакцию. Неподкрепление ранее положительно подкреплявшегося раздражителя всегда означает для организма внутренний конфликт — своего

---

[16] Там же, т. 21, с. 79—80.
[17] См.: *Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. М., 1955, с. 44.
[18] *Шорохова Е. В.* Ленинские идеи о потребностях людей.— Вопр. психологии, 1970, № 2, с. 97—109.

рода физиологическое рассогласование между уже пущенной в ход деятельностью и отсутствием ожидаемого результата (в психологическом плане этому соответствуют неосуществленные надежды). В результате изменившейся обратной сигнализации наступает функциональная перестройка отношения животного к раздражителю, который теряет свою биологическую и информационную ценность, так как из полезного сигнала превращается в бесполезный»[19].

Многообразие потребностей человека может быть представлено в трех подструктурах:

— *социальные потребности*: трудовые, познавательные, эстетические, нравственные, правовые;

— *биологические потребности*: инстинктивные (безусловно-рефлекторные), социализированные (условнорефлекторные);

— *патологические потребности*: должны быть выделены в отдельную подструктуру, потому что могут быть как биологически, так и социально обусловлены.

Нравственные потребности в настоящее время близки правовым. В будущем они, очевидно, сольются и между собой и с эстетическими. Вероятно, познавательные и трудовые потребности наиболее долго будут относительно дифференцированными как внутренние побуждения к проявлению той или иной формы отражения.

В заключение надо отметить, что потребности, являясь психическим феноменом, не могут быть самоотражением. Поэтому формулировки П. В. Симонова «эмоция как отражение силы потребности»[20] и А. Н. Леонтьева «возникает субъективное отражение динамики потребностей»[21], не согласуясь с пониманием эмоции как отражения действительности, вызывают сомнения. По той же причине не представляется верной и довольно распространенная формулировка «потребности переживаний»[22], например, «потребности наслаждения музыкой». Вместе с тем феномен, неверно называемый, в действительности существует,

---

[19] *Поляков Г. И.* Проблема происхождения рефлекторных механизмов мозга. М., 1964, с. 234—235.

[20] *Симонов П. В.* Теория отражения и психофизиология эмоций. М., 1970, с. 15.

[21] *Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971, с. 2.

[22] См.: *Додонов Б. И.* Потребность в эмоциональном насыщении как сторона направленности личности.— В кн.: Материалы II Всесоюз. съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971, с. 444; *Он же.* Эмоция как ценность. М., 1978.

но упомянутая потребность слушать музыку или самому музицировать — это эстетическая, условнорефлекторно возникшая потребность.

Итак, иерархия потребностей как психических явлений, свойственных человеку, соответствует иерархии отражаемых нужд, возникших при нарушении равновесия не только организма с физиологической средой, но и личности — с социальной средой. Потребности включаются во все другие формы психического отражения, свойственного человеку в качестве их активизации. Наиболее существенную роль они играют при включении в систему волевого отражения. Потребность восприятия началась с субъективного переживания ориентировочного рефлекса и, становясь любопытством, может перерастать в любознательность как познавательную или эстетическую потребность.

Включение потребностей во все другие формы отражения не позволяет считать их особой самостоятельной формой отражения и дает возможность рассматривать их в качестве субъективного побуждения к проявлению той или иной формы отражения и активизации ее.

2. Внимание как организация отражения

Внимание в своей непроизвольной форме присуще и человеку, и высшим животным. Формируясь на основе ориентировочного рефлекса в процессе антропогенеза под влиянием коллективного труда, оно социализировалось и приняло форму произвольного внимания. «Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения»[23]. Тот факт, что внимание относится к психическим явлениям, ни у кого не вызывает сомнения. Давно уже нет ни одного учебника психологии, в котором не было бы главы о внимании. Однако положение этого явления в системе психологии до сих пор остается неопределенным.

С. Л. Рубинштейн в своем первом учебнике главу о внимании начинает с изложения истории учения о внимании. О вундтовской трактовке внимания С. Л. Рубин-

---

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

штейн писал: «Этому идеалистическому пониманию внимания были противопоставлены две механические попытки вовсе устранить его. Первая, намеченная в двигательной теории внимания Рибо и развитая у бихевиористов и рефлексологов, сводит внимание к рефлекторным установкам. Вторая, обосновываемая Рубиным и связанная с общей теорией гештальтпсихологии, сводит явление внимания к структурности сенсорного поля, т. е. к закономерностям восприятий». Опровергая позицию Вундта, С. Л. Рубинштейн дал такое определение: «Внимание обозначает... организованный или избирательный и направленный характер нашего сознания»[24]. Близкие дефиниции предлагают и другие авторы[25]. Но с пониманием внимания, определяемого через сознание, трудно согласиться, хотя бы потому, что оно исключает непроизвольную форму внимания, присущую и человеку, обладающему сознанием, и животным, не имеющим такового.

Ведущий специалист по проблеме внимания Н. Ф. Добрынин (1890—1981) определяет его через понятие психической деятельности: «Внимание — это направленность и сосредоточенность нашей психической деятельности»[26]. При этом он уточняет позже, что сосредоточенность психики (сознания) предполагает «повышенный уровень сенсорной, интеллектуальной или двигательной активности»[27]. Но и это определение не указывает место внимания в системе явлений психического отражения.

Неопределенность положения понятия «внимание» в системе психологических понятий подтверждается и тем, что главы о нем не имеют определенного статуса в последовательности изложения материала в учебниках: в первом своем учебнике С. Л. Рубинштейн поместил главу о внимании между главами, посвященными эмоциям и воле[28]. Позже оно получило место между восприятием и пред-

---

[24] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М.; Л., 1935, с. 418—419, 420.

[25] См.: Психология / Под ред. А. Г. Ковалева, А. А. Степанова, С. Н. Шабалина. М., 1966, с. 158; *Иванов П. И.* Общая психология. Ташкент, 1964, с. 275; Военная психология / Под ред. М. И. Дьяченко, Ф. Н. Феденко. М., 1967, с. 69.

[26] *Добрынин Н. Ф.* Психология. М., 1950, с. 117.

[27] Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 176, 187.

[28] См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии, с. 418.

ставлением[29], между речью и эмоциями[30], после описания всех психических процессов[31], перед их описанием[32]. В 40-х годах вообще высказывалось сомнение в правомочности употребления этого понятия и соответствующих глав о нем в учебниках.

Отмеченная неопределенность возникла не случайно. Не случайно и в этой книге речь о внимании идет не в главе о формах отражения, а в главе о психических явлениях.

Дело в том, что внимание — это психическое явление, но не особая форма психического отражения, а различная *организация* всех уже рассмотренных выше его форм. Поэтому более других его раскрывает определение «организация психической деятельности», или более полное: *внимание* — это процесс организации и регуляции всех других форм психического отражения. Такое понимание внимания не только включает его в единую систему понятий, опирающихся на теорию отражения, но и позволяет уточнить ряд вопросов.

Наиболее спорный вопрос — вопрос о соотношении *переключения* и *распределения* внимания. С одной стороны, невозможность распределения внимания уже давно была доказана на компликационных часах Руппа, позволявших замерять время реакции на одновременный световой и звуковой раздражитель. Это мнение высказал и известный летчик-испытатель М. М. Громов, утверждавший, что летчик, как и любой другой человек, может только очень быстро переключать внимание и не может его распределять. Но личная летная практика и наблюдения за многими летчиками убедили меня, что, в частности, в условиях боевого полета имеет место не только переключение, но и бесспорно активное распределение внимания. Определенные указания на этот счет оставил И. П. Павлов, который писал: «Разве это не обычная вещь, что мы, занятые главным образом одним делом, одной мыслью, можем одновременно исполнять другое дело, очень привычное для нас, т. е. работать теми частями полушарий, ко-

---

[29] См.: Психология. / Под ред. К. И. Корнилова, Б. М. Теплова, Л. М. Шварца. М., 1938, с. 116.
[30] См.: *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1941, с. 372.
[31] См.: *Рудик П. А.* Психология. М., 1958, с. 270.
[32] См.: Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 170.

торые находятся в известной степени торможения»[33]. Такие случаи, конечно, имеют место и в летном деле, но распределение внимания на взлете, на посадке и тем более в воздушном бою не укладывалось в эту схему.

Для решения этого вопроса совместно с А. А. Топорниной мы провели исследование, которое показало переход переключения внимания в распределение[34]. Исследование проводилось на установке, состоящей из электрифицированного тахистоскопа, связанного четырьмя ключами с четырьмя электросекундомерами. В первой серии экспонировались поочередно карточки красного и синего цвета и карточки с бесцветными фигурами: кругом и квадратом, на каждую из которых испытуемый должен был реагировать определенным ключом. Во второй серии эти четыре карточки экспонировались в разбивку. В третьей — основной — серии экспонировались цветные фигуры, и испытуемый должен был одновременно реагировать двумя ключами на цвет и на фигуру. Оказалось, что вначале испытуемые либо реагировали поочередно на цвет и на фигуру, либо реагировали одновременно на то и другое, но со значительно большим временем реакции, чем во второй серии. В обоих случаях имело место переключение внимания: в первом — явное, во втором — скрытое. Однако с первых же исследований нередко появлялись одновременные реакции, по своему времени равные реакциям второй серии. После нескольких опытов реакции, в которых имело место распределение внимания, стали наиболее частыми. Переключение внимания превратилось в его распределение.

Следующим вопросом, в который может внести ясность понимание внимания с позиции теории отражения, является вопрос о *внутринаправленном* и *внешненаправленном* внимании. Бесспорное наличие внутринаправленного внимания каждый может проверить на себе, активизируя какие-либо первосигнальные и второсигнальные представления из своего прошлого опыта, вызывая ассоциации при решении кроссворда, подыскивая рифму или, наконец, стараясь отвлечься от воспоминаний неприятных чувств и т. д. Это, в частности, обусловливает логику по-

---

[33] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 428.

[34] Подробнее см.: *Платонов К. К., Топорнина А. А.* Исследование соотношения переключения и распределения внимания.— Докл. АПН РСФСР, 1961, с. 87—88; *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. М., 1970, с. 59—61.

мещения главы о внимании после глав обо всех других психических процессах. Изложенное не дает логического основания для понимания внимания как отражения ранее отраженного и хорошо объясняет его как организацию и регуляцию систем, ранее созданных в процессе отражения внешнего мира. Внутринаправленное внимание, наряду с любым актом внимания,— это организация отражающих систем, а не отражение отражения. Понимание внимания как организации форм отражения и, следовательно, их регулирования и контроля позволяет по-новому подойти к проблеме *психосоматических взаимодействий*. Последние могут быть представлены следующей схемой.

I. Психосоматические коррекции соматопсихических взаимовлияний: 1) термических, 2) травматических, 3) гуморально-ликворных;

II. Непосредственные (псевдоспонтанные) психосоматические влияния: 1) эмоциогенные, 2) идеогенные; а) непроизвольные, б) произвольные [35].

Перечисленные взаимодействия, как и явления, близкие к ним в так называемой аутогенной тренировке, которую правильнее назвать *психосоматической тренировкой* [36], обычно объясняют только лишь с точки зрения процессуальной теории доминанты без учета роли содержательной стороны отраженного. Теория доминанты ставит между стимулом и реакцией очаги возбуждения различной силы. Правильнее же здесь видеть организацию отражающих систем и их регулирование с помощью внимания. В этом же контексте следует упомянуть и о возможности тренировки к условиям невесомости, проводимой путем соответствующей организации внимания, закрепленной постгипнотическим внушением в гипнозе. Последнее было подтверждено исследованиями Л. П. Гримака [37].

Более того, можно сказать, что проблема *суггестии* и *контрсуггестии*, поставленная Б. Ф. Поршневым в со-

---

[35] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Личностный подход в понимании психосоматических взаимоотношений.— В кн.: Роль психического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. М., 1972, с. 47—55.

[36] См.: *Платонов К. К.* Проблемы способностей. М., 1972, с. 287—292.

[37] См.: *Гримак Л. П.* Репродукция нарушения гравитационных воздействий.— ВНД, 1970, № 6, с. 1155; *Он же.* Моделирование состояний человека в гипнозе / Под ред. К. К. Платонова. М., 1978.

циально-психологическом плане[38] и И. Е. Шварцем[39] в педагогическом, как и вся проблема внушения и гипноза, давно привлекшая внимание медицины, могут быть рассмотрены в новом аспекте с учетом отражательной сущности внимания и его функции регулирования как психических, так и физиологических форм отражения.

Наконец, представляется перспективным подойти с позиций предложенного понимания внимания к проблеме *установки* и найти ей соответствующее место в системе психологии, построенной на теории отражения. Понятие «установка», близкое понятию «аттитюду» буржуазных психологов, было введено в отечественную психологию Д. Н. Узнадзе в 1923 г. и было положено им и его учениками в основу подхода к изучению психики человека.

Не повторяя разбора понимания установки буржуазными психологами, выполненного Гибсоном, ограничимся заключением его статьи. «Мы проанализировали результаты экспериментальной психологии в области изучения времени реакции, ассоциации, научения, восприятия, мышления, решения задач, образования условных рефлексов, ставя перед собой задачу найти общее ядро значения термина „психическая установка“ (mental set) и его вариантов. Выяснилось, что никакого общего значения для этого термина найти не возможно. Вместо того стало ясно, что термин установка (Set) имеет самое неопределенное и „противоречивое значение“»[40]. Гибсон насчитал восемь (а Олпорт — шестнадцать) таких значений.

За основу понимания установки как проявления внимания логично взять классическое определение, данное основателем теории установки Д. Н. Узнадзе (1886—1950): «Возникновению сознательных психических процессов предшествует состояние, которое ни в какой степени нельзя считать не психическим, только физиологическим состоянием. Это состояние мы называем установкой — готовностью к определенной активности, возникновение которой зависит от наличия следующих условий:

[38] См.: *Поршнев Б. Ф.* Контрсуггестии в истории.— В кн.: История и психология. М., 1971, с. 16.

[39] См.: *Шварц И. Е.* Внушение в педагогическом процессе. Пермь, 1971; Вопросы внушающего воздействия в педагогике. Пермь, 1972; Экспериментальное изучение педагогического внушения. Пермь, 1973; Педагогическое воздействие на осознаваемые и неосознаваемые компоненты психики. Пермь, 1975.

[40] *Gibson J.* Critical review of the concept of set in contemporary experimental psychology.— Psychol. Bull., 1941, N 9.

от потребностей, актуально действующих в данном организме, и от объективной ситуации удовлетворения этой потребности»[41].

Делая обзор работ грузинских психологов по теории установки и подводя некоторые итоги то возникающей, то затухающей дискуссии по этой проблеме[42], А. С. Прангишвили пишет: «В работах Д. Н. Узнадзе и его учеников установка, лежащая в основе возникновения определенным образом ориентированной деятельности, выявлена именно как психологическое содержание взаимодействия конкретной потребности и ситуации ее удовлетворения — как двух детерминант поведения. Таким образом, понятие установки в определенном аспекте позволяет ответить и на вопрос: «какого рода деятельность протекает и почему?»... ориентированность активной и динамической организации человеческих сущностных сил в соответствии с реальными условиями деятельности — это необходимый и существенный момент установки, а иллюзии и искажения, возникающие на основе установки, с этой точки зрения представляют собой случайные моменты»[43].

Из приведенных описаний сущности установки следует, что есть все основания включить этот феномен и соответствующие ему термины в единую систему психологических понятий. Место этого феномена может быть обнаружено в системе понятий, обозначаемых категорией внимания. Естественно, внимание должно пониматься в изложенном смысле, а не узко, как это делают защитники полной автономности установки, например, А. С. Прангишвили, который пишет: «В свете занимающей нас концепции внимание характеризуется лишь как *степень сосредоточенности*, ясности нашего переживания»[44].

В излагаемом понимании установка становится не рядом с восприятием, мышлением, памятью и другими отдельными психическими процессами, а находит свое место как системное качество, организующее отдельные психические процессы и неотделимое от самого субъекта. Именно это подразумевал Д. Н. Узнадзе, утверждая: «Однако

---

[41] *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966, с. 231—232.

[42] См.: Вопр. психологии, 1955, № 3, 6; 1958, № 4; 1962, № 5; 1963, № 6; 1967, № 2; 1972, № 1; Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. I—III.

[43] *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1966, с. 63.

[44] Там же, с. 70.

не представляет сомнения, что в активные отношения с действительностью вступает непосредственно сам субъект, но не отдельные акты его психической деятельности и, если принять в качестве исходного положения этот несомненный факт, тогда бесспорно, что психология как наука должна исходить не из понятия отдельных психических процессов, а из понятия самого субъекта» [45]. Но ведь эту целостность как упорядоченность организации системы и призвано выполнять внимание.

А. С. Прангишвили приводит выдержку из Введения Шато к материалам симпозиума в Бордо, посвященного проблеме установки: «Всякая установка выражает собой порядок. Она как бы составляет одну линию поведения в условиях ситуации определенного типа. Идет ли речь об остановившейся по приказу собаке или «Мыслителе» Родена, об агрессивной крысе или о Жан-Жаке, изучать их установки — это значит раскрыть, как в поведение вносится связанность и последовательность». Соглашаясь с Шато, Прангишвили продолжает: «грузинское слово «ганцкоба» прекрасно выражает сущность установки или упорядочения поведения» [46]. Но ведь все сказанное вполне относится и к вниманию, понимаемому в том широком аспекте, которого оно достойно.

И еще один, правда, косвенный, довод за единство феномена внимания и установки. В 1962 г. П. А. Шеварев отметил: «В статьях Д. Н. Узнадзе... есть существенные неясности. Мне думается, источником этих неясностей является неоднозначность термина „установка“... В одном случае установка определяется как „некоторое актуальное (переживаемое в данный момент или в данном отрезке времени) психическое состояние“, в другом случае... лишь формальные особенности фиксированных установок, в третьем случае установка рассматривается как состояние, присущее данному человеку длительно и непрерывно» [47]. А. С. Прангишвили справедливо возразил П. А. Шевареву: «то, что при таком суждении отмечается как различные значения термина установки,— это, по

---

[45] *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, с. 166.

[46] *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки, с. 57.

[47] *Шеварев П. А.* Об основных положениях предложенной Д. Н. Узнадзе теории установки.— Вопр. психологии, 1962, № 5, с. 95—106.

сути, лишь различные аспекты установки»[48]. Действительно, в системе излагаемых понятий любое психическое явление, в том числе и установка, и внимание, может быть кратковременным процессом, состоянием и свойством личности.

Изучение внимания паровозных машинистов, таежных охотников и золотоискателей, рабочих машиностроительной промышленности, крановщиков, шоферов, летчиков и, конечно, литературы о внимании (прежде всего работ Н. Ф. Добрынина) показало, что, если внимание рассматривать как целое, то его качества укладываются в следующую систему:

— активность (произвольная, непроизвольная);
— направленность (внешняя, внутренняя);
— широта (объем, распределение);
— переключение (легкое, трудное);
— интенсивность (высокая, низкая);
— устойчивость (устойчивая, неустойчивая)[49].

Надо отметить, что дальнейшее изучение проблемы внимания не заставило изменить эту систему, которая теперь заимствована рядом учебников[50].

Приведенная система качеств внимания позволяет глубже проанализировать любой акт его проявления. Так, внимание часовщика, вынимающего экжер, произвольно, внешне направлено, малого объема, концентрированно, произвольно непереключаемо и непроизвольно неотвлекаемо, высокоинтенсивно и устойчиво. Внимание летчика при выполнении им посадки самолета: произвольно, внешне направлено, распределено между учетом скорости, направления и расстояния до земли, легко переключаемо при переходе от одного элемента посадки к другому, но не отвлекаемо, оставаясь все время ее выполнения и до конца заруливания высокоинтенсивным и устойчивым.

Не менее существенно то, что эта система качеств внимания помогает лучше понять различные формы *невнимательности*, которые могут быть классифицированы по трем основным типам.

---

[48] *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки, с. 84.

[49] См.: *Платонов К. К.* Конспект курса психологии. Кача, 1936, с. 11.

[50] См.: Военная психология. М., 1972, с. 109 и др.; *Луков Г. Д., Платонов К. К.* Психология. М., 1964, с. 113; *Банщиков В. М., Гуськов В. С., Мягков И. Ф.* Медицинская психология. М., 1967, с. 45.

Первый тип — это «порхающее внимание», определяемое легкой непроизвольной внешней переключаемостью, узким объемом, а иногда высокой временно́й интенсивностью, но обязательно выраженной неустойчивостью. Оно свойственно детям и состоянию переутомления.

Второй тип — «липкое внимание» (Каюсь, этот образный, хотя и ненаучный, термин и поныне бытующий в авиации, я ввел в 1936 г. на основании самонаблюдения в процессе летного обучения). Этот тип определяется высокой непроизвольной активностью в одних случаях — внутренне направленного, в других — внешне направленного интенсивного внимания, узким объемом при высокой устойчивости, затрудняющей как распределение внимания, так и его переключение.

Третий тип невнимательности, назовем его «неуправляемым вниманием», свойствен людям преклонного возраста, больным, а в авиации — летчикам при действии гипоксемии, т. е. людям с пониженным или временным снижением силы и подвижности нервных процессов — снижением тонуса коры. Такая невнимательность характеризуется весьма слабой интенсивностью концентрированного внимания, но еще более слабой его переключаемостью и, как писал И. П. Павлов,— «называется ошибочно стариковской рассеянностью, когда, наоборот, это есть сосредоточенность, но невольная, пассивная, дефектная» [51].

Итак, неопределенность, которая отличала оценку места внимания среди других психических явлений, полностью снимается при понимании его как организации, регуляции и контроля всех других форм психического отражения. Такое понимание не только включает внимание в единую систему психических явлений как отражательных процессов и углубляет понимание его сущности, но и дополняет систему включением психосоматических взаимодействий и установки. Структурное понимание качеств внимания позволяет глубже анализировать каждый отдельный его акт.

3. Психомоторика как объективизация отражения

Несомненной заслугой С. Л. Рубинштейна было то, что он, опираясь на марксизм, сумел преодолеть односторонность как интроспективной психологии, так и бихевиоризма и сформулировал принцип единства сознания и

[51] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч., т. 3, ч. II, с. 209.

деятельности. Это обусловило понимание психики как единства субъективного, которое определило скачок от физиологического к психическому отражению, и объективного, которым субъективное вызывается и в котором проявляется. Вспомнив триаду Гегеля, можно сказать, что если многовековая интроспективная психология была тезисом, а бихевиоризм — антитезисом (нашедшим в отечественной психологии проявление в рефлексологии В. М. Бехтерева и реактологии К. Н. Корнилова), то С. Л. Рубинштейн создал синтез, который составил основу системы марксистской психологии.

Хотя термин «психомоторные центры» существовал и ранее, но И. М. Сеченов первым ввел в психологию понятие «психомоторика». Он писал: «Жизненные потребности родят хотения, и уж эти ведут за собою действия; хотение будет тогда мотивом или целью, а движения — действием или средством достижения цели. Когда человек производит так называемое произвольное движение, оно появляется вслед за хотением в сознании самого движения. Без хотения как мотива или импульса движение было бы вообще бессмысленно. Соответственно такому взгляду на явление двигательные центры на поверхности головного мозга называют психомоторными» [52]. В книге «Рефлексы головного мозга» (1863 г.) Сеченов писал: «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге,— везде окончательным фактом является мышечное движение». Кончается эта книга вызовом: «Пусть говорят теперь, что без внешнего чувственного раздражения возможна хоть на миг психическая деятельность и ее выражение — мышечное движение» [53].

Иногда говорят, что «психомоторика — это реализация психической деятельности», или более обобщенно: «психическая деятельность реализуется в физиологических отправлениях или механизмах». Например, А. Н. Леонтьев пишет: «Сложилось достаточно четкое *фактическое* различение психических процессов... и реализующих эти процессы физиологических механизмов...» [54]. Но такое по-

---

[52] *Сеченов И. М.* Избр. произведения. М., 1952, т. 1, с. 516.
[53] Там же, с. 9, 127.
[54] *Леонтьев А. Н.* Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения.— Вопр. психологии, 1970, № 2, с. 35.

нимание соотношения моторики с другими психическими явлениями неверно, так как из него следует вывод о якобы нереальности самих психических процессов.

Реальность, или действительность, существует в двух формах: *объективная реальность*, существующая вне психики как отражаемое, и *субъективная реальность* как отражение объективной реальности. Хотение, мысль, субъективный образ объективного мира, любое субъективное явление — это тоже реальность. Следовательно, в процессе отражения объективная реальность становится субъективной реальностью, а в процессе психомоторики субъективная реальность становится объективной реальностью. Последнее и есть процесс *объективизации*, а не реализации и без того реального — субъективного. «Хотя мышление и бытие и *отличны* друг от друга, но в то же время они находятся в *единстве* друг с другом» [55].

Игнорирование беспрерывных переходов объективного в субъективное и обратно в психической деятельности объясняют многие ошибки психологии.

Вместе с тем, надо оговорить, что психомоторика — это, хотя и главное, но не единственное явление, объективизирующее психическую деятельность. Так, расширение зрачка под влиянием страха — это психомоторика, но набегающая слеза под влиянием горя или выделение слюны и желудочного сока у голодного человека, как и у собаки при виде пищи,— это психосекреторные реакции, также объективизирующие субъективное в психике.

Если все психомоторные процессы — психомоторику — рассмотреть как целое, то входящие в него явления составят следующую систему:

А. *Сенсомоторные процессы*: I. Сенсомоторные реакции: 1. Простая психическая реакция. 2. Сложные реакции: 1) реакция выбора, 2) реакция переключения, 3) отставленная реакция, 4) цепные реакции (автотемп). 3. Реакция на движущийся объект (РДО). 4. Сенсомоторная координация: 1) реакция слежения, 2) сложные координации. 5. Групповые реакции слежения (гомеостат). II. Сенсомоторная координация.

Б. *Произвольные моторные действия.*

В. *Идеомоторные процессы.*

Временны́е показатели сенсомоторных процессов, наряду с точностью, четко определяют психомоторику. Од-

---

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 591.

нако единообразия в терминологии здесь нет. Говорят: скорость реакции, время реакции, латентный период реакции. Вместе с тем логичны следующие уточнения этих понятий, отражающих сущность психомоторики.

Простая реакция имеет только один параметр — время. *Латентное время* реакции — это время от момента появления раздражителя до начала движения, время протекания процесса отражения. Но если учитывать еще и время выполнения движения, надо говорить об общем *времени реагирования*, которое является временем выполнения сенсомоторного действия. *Скорость простой реакции* — это типичное для данного человека в данных условиях среднее латентное время его реакции. Но если оно вычисляется не по среднему арифметическому, а по моде, то точнее сказать «модальная скорость простой реакции».

Сложную реакцию, помимо указанного, определяет ее *точность*, а серию их — *вариативность*. Серия РДО оценивается числом точных реакций и средними величинами запаздывания преждевременных реакций. Существуют аппараты, позволяющие раздельно изучать время отражения сигнала и время объективизации этого отражения [56].

Сенсомоторная координация оценивается по времени реакции на *пусковой сигнал* — от появления двигательной задачи до начала реагирования; *общим временем реагирования* — до начала решения возникшей двигательной задачи; *точностью реагирования* — выявляемой как по конечному результату реагирования, так и по числу и особенностям поправочных движений, определяющих координированность реагирования.

Не останавливаясь подробно на сенсомоторных процессах [57], считаю необходимым хотя бы кратко остановиться на этой системе понятий психомоторики, потому что в отечественной психологической литературе эта проблема после исследований Е. И. Бойко [58] почти не освещается. Более того — сенсомоторика, как и психомоторика в целом, вопреки положениям И. М. Сеченова, оказалась исклю-

---

[56] См.: *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960, с. 81.

[57] См.: Там же, с. 62—83; *Он же.* Вопросы психологии труда. М., 1962, с. 57—81; *Платонов К. К., Голубев Г. Г.* Психология. М., 1973, с. 112—124; и др.

[58] См.: *Бойко Е. И.* Время реакции человека: История, теория, современное состояние и практическое значение хронометрических исследований. Дис. д-ра психол. наук. М., 1963; *Он же.* Время реакций человека. М., 1964.

ченной из основных курсов психологии и из большинства учебников, с чем никак нельзя согласиться.

Ведь вторая подсистема психомоторики имеет большое значение для психологии, объединяя произвольные моторные (двигательные) действия в учение о трудовых двигательных навыках. Именно последние, становясь свойствами личности, определяют ее *умелость*, *мастерство*.

Третью подсистему психомоторики со времени И. М. Сеченова принято называть термином *идеомоторика*, или идеомоторные действия. Более точным было бы применение термина «непроизвольные идеомоторные действия», поскольку все трудовые движения произвольны, а относятся по существу также к идеомоторике.

Итак, при понимании психомоторики как объективизации всех форм психического отражения она может быть включена в единую систему психологических понятий, исходящих из ленинской теории отражения. Психомоторные процессы, взятые как целое, имеют три подструктуры: сенсомоторику (сенсомоторные реакции и сенсомоторную координацию), моторные действия и идеомоторику. Значение этих процессов для анализа деятельности очень важно, и потому существенным недостатком большинства учебных программ и пособий по психологии является отсутствие в них главы о психомоторике.

4. Психическое как элементарный процесс, состояние и свойство личности

Формы отражения, потребности как их активизация, внимание как их организация и психомоторика как их объективизация — представляют собой подсистемы общепсихологической категории психических явлений, взятой как целое и рассматриваемой с точки зрения единства формы и содержания. При этом сущность содержания может быть различных уровней, постепенно углубляться от сущности первого порядка к сущности второго, третьего и т. д. Но эта же категория может и должна быть рассмотрена с точки зрения временно́й формы различных психических явлений как процессов.

С. Л. Рубинштейн подходил к любому психическому явлению как к процессу независимо от конкретного содержания и продолжительности проявлений. «Подобно тому как образ не может быть обособлен от предмета, образ неотделим также от процесса отражения, от позна-

вательной деятельности субьекта. Отрыв образа от процесса отражения означает порочную субстанциализацию образа, ведет к уничтожению самого предмета психологического исследования и дает простор для всяческих превратных представлений как об одном, так и другом»[59]. Эта точка зрения бесспорно продуктивна. Хотя здесь же С. Л. Рубинштейн неудачно формулирует обратную зависимость: «Процесс, из которого выпал образ,— пишет он,— теряет свое психологическое содержание, перестает быть психическим процессом. Психическое как предмет психологического исследования, испаряется». Эта формулировка неудачна потому, что может трактоваться как выведение эмоций за рамки психического. Поскольку в эмоциях образа нет, психический процесс в эмоциях не связан с образом.

Если такое понимание эмоций у С. Л. Рубинштейна, в основном разрабатывавшего проблему мышления и мало занимавшегося эмоциями, скорее является оговоркой, то А. Н. Леонтьевым, особенно в его последних работах, оно рассматривается как главное для психологической науки[60].

Понимание С. Л. Рубинштейном познавательной деятельности и образа в качестве процессов должно быть распространено и на переживания. Именно о таком, расширенном представлении говорит его суждение: «То, что психическая деятельность есть отражение, означает вместе с тем, что отражение есть деятельность, процесс. С этим положением связана глубокая перестройка самого понятия отражения, который домарксовский материализм считал отношением между вещью и ее идеальным отпечатком... Для диалектико-материалистической теории отражения исходным является взаимодействие человека как субъекта с миром; соотношение этих двух реальностей выступает здесь как основное, исходное»[61]. Приведенное положение, к сожалению, нередко забывается, а образ нередко абсолютизируется.

Понимание психического как процесса имплицитно включает в себя требование деления всех психических явлений на группы, обусловленные продолжительностью их проявления как процессов внутри структуры данного

---

[59] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 38.
[60] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975, с. 48, 55, 182—206.
[61] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 39—40.

психического явления. Потому в общепсихологическую категорию «психическое явление» входят еще три понятия, рассматриваемые как частнопсихологические категории: психический процесс, психическое состояние, свойство личности.

Психический процесс (или точнее — элементарный психический процесс) — это психическое явление, отличающееся относительной однородностью психологической структуры во все время кратковременного протекания. Длительность психического процесса колеблется от долей секунды (например, при переключении внимания, запоминания, сенсомоторной реакции и т. д.) до нескольких десятков минут при более продолжительных процессах отражения (например, при чтении, слушании концерта, принятии сложного решения и т. д.).

Существуют и сложные, прерываемые цепные психические процессы, после перерыва продолжающиеся как бы «с того же места» или даже «несколько отступя назад». Простейшим примером может служить заучивание. Но очень длительный процесс, скажем, обучение чему-либо конкретному, в целом являясь единым, в конечном счете, всегда прерывист. Потому они не стоят в этом ряду явлений и понятий, относясь к категориям деятельности и развития. Ведь в конечном счете любая деятельность и все развитие личности может рассматриваться как сложный цепной процесс.

Грань между элементарными и цепными процессами как психическими явлениями была указана еще Аристотелем. «Те же (свойства), которые возникают как результат скоропреходящих (условий), называют состояниями — так, например, если кто-нибудь под влиянием обиды оказывается более гневным. В самом деле, тот, кто в подобном состоянии становится более гневным, (еще) не называется (поэтому) гневным человеком (вообще), но о нем скорее говорят, что он очутился в определенном состоянии» [62],— писал Аристотель. Это не учел Н. Д. Левитов, когда он поставил вопрос о психических состояниях, как психологической категории [63].

Психическое состояние — это самостоятельный определенный уровень психического явления, отличающийся от других относительной длительностью процесса при

---

[62] *Аристотель.* Категории. М., 1939, с. 29.
[63] См.: *Левитов Н. Д.* О психических состояниях человека. М., 1964.

сохранении его однородности. Сюда относятся такие состояния, как настроение, состояние повышенной активности или пассивности, бодрости или угнетения и т. д. Честь привлечения внимания психологов к этой категории принадлежит Н. Д. Левитову. Но патопсихологи и психиатры давно уже уделяли этому явлению большое внимание[64]. Различного рода эмоциональные состояния, в частности состояние напряженности (вряд ли всегда нужно заменять этот термин термином «стресс»), изучали В. Л. Марищук[65] и В. В. Суворова, предложившая классификацию видов стресса и справедливо связывающая ее с различной предрасположенностью к нему[66]. Интересное исследование было проведено А. Д. Глоточкиным и В. Ф. Пирожковым над заключенными, у которых была выявлена следующая система состояний:

— заинтересованность в своей судьбе, удивление, изумление, недоумение, растерянность;

— состояние сосредоточенности, рассеянности, скуки, надежды и безнадежности, незащищенности, уныния, тоски и обреченности;

— состояние активности, бодрости, спокойствия, угнетенности, подавленности, отчаяния, страха и ужаса;

— состояние усталости, бессилия, безразличия и апатии, приподнятости, подъема, возбужденности, агрессивности;

— состояние нерешительности, неуверенности, смущения, робости, решительности, ожидания, раскаяния, растерянности и напряженности и т. д.[67]

Свойства личности — это психические явления, ставшие стойкими, хотя и не беспрерывно проявляющиеся, но имеющие тенденцию проявляться именно как определенные свойства, взаимосвязанные друг с другом. Свойствам личности будет посвящена особая глава. Здесь нужно отметить наличие не только взаимодействия, но и определенной зависимости последовательности психологических ка-

---

[64] См., например: *Платонов К. К., Самухин Н. В.* Врачебная экспертиза летного состава при реактивно-психогенных состояниях.— В кн.: Вопросы медицинского обеспечения авиации. М., 1939, т. 2, с. 76—85.

[65] См.: *Марищук В. Л., Платонов К. К., Плетницкий Е. А.* Напряженность в полете. М., 1969.

[66] См.: *Суворова В. В.* Психофизиология стресса. М., 1975, с. 7—15.

[67] Подробней см.: *Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф.* Исправительно-трудовая психология / Под ред. К. К. Платонова. М., 1974, с. 172—194.

тегорий, находящихся в известной иерархической взаимосвязи.

Все три уровня форм психических явлений взаимосвязаны друг с другом и переходят друг в друга. Самый вспыльчивый человек может волевым процессом сдержать проявление этого свойства. В условиях, когда ему приходится продолжительное время контролировать свои эмоции, у него может развиться состояние замкнутости, отчужденности. В дальнейшем это состояние может стать свойством его личности или, при наличии коллективизма, преобразоваться в другое свойство личности — сдержанность. Но на фоне этого свойства личности могут как рецидив проявляться отдельные эпизоды вспыльчивости, причем, сформировавшаяся дисциплинированность может в дальнейшем снять и эти вспышки.

Переход одного уровня психических явлений в другой происходит по принципу обобщения структур процесса в более сложную структуру состояния и, наконец, в еще более общую и сложную структуру свойств личности, при сохранении и формы и содержания основного психического явления как процесса. Учет указанной закономерности очень важен для воспитания положительных социально значимых свойств личности. Это отчетливо видно в воинском воспитании и в воспитании коллективизма у школьников [68].

Сказанное заставляет напомнить о понимании установки в параграфе о внимании. Кратковременная, быстро изменяющаяся установка — это процесс внимания, который может закрепляться в неделями не меняющуюся фиксированную установку как состояние; установка, становящаяся свойством личности,— это то, что в современной советской психологии называют направленностью. С этим, видимо, согласятся далеко не все последователи Д. Н. Узнадзе, но именно этот вывод вытекает из следующего положения: «...чем более обобщенной (направленной на целый класс объектов) становится фиксированная установка, тем более она выступает как черта характера... Таким образом, различие между актуальной установкой и фиксированной установкой, выступающей как типологическая особенность, в концепции Д. Н. Узнадзе и его

---

[68] См.: *Смирнов М. И.* Формирование коллективиста в труде.— В кн.: Воспитание коллективиста. Киров, 1973.

учеников, в конце концов, трактуется как различие степени обобщенности»[69].

Мне неоднократно приходилось приводить доводы против попыток расширения числа приведенных трех категорий[70]. Они делались либо за счет «отношений» (В. Н. Мясищев), либо за счет «образований» (П. И. Иванов и некоторые военные психологи). Так, В. Н. Мясищев писал: «Психическая жизнь человека представляет целое, в котором научный анализ выделяет отдельные стороны, аспекты рассмотрения. Такими основными сторонами психической жизни являются психические процессы, отношения, состояния и свойства личности»[71]. Но ведь отношения, как показывает сам автор статьи, могут быть и кратковременными процессами, и состояниями, и свойствами личности. А, казалось бы, единодушные защитники понятия «психические образования» вкладывают различное содержание в это понятие, без всякого логического обоснования выделяя элементы этой подструктуры из других. Например, П. И. Иванов считал, что «психические образования — это продукты психических процессов. Сюда относятся такие субъективные образования, как образы ощущений и восприятий, представления, суждения, понятия»[72], а М. И. Дьяченко и Н. Ф. Феденко в психические образования включают выделяемые ими из свойств личности знания, умение, навыки и привычки, мнения и убеждения[73]. Нельзя согласиться и с Б. Л. Покровским, искажающим сущность этих трех категорий изложением их иерархического порядка (и в тексте, и на схеме) в такой последовательности: психические процессы, психические свойства, психические состояния[74].

Итак, как видно из сказанного, три категории формы психических явлений: элементарные психические процес-

[69] *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1895, с. 82—83.

[70] См. *Платонов К. К.* Сознание и личность.— В кн.: Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966, с. 188; *Он же.* Понятие «структура» в учении о личности.— В кн.: Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1969, т. 1, с. 565; *Он же.* Проблемы способностей. М., 1972, с. 68.

[71] *Мясищев В. Н.* Современные проблемы и современное состояние психологии отношений человека.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. 2, с. 112.

[72] *Иванов П. И.* Общая психология. Ташкент, 1964, с. 8.

[73] См.: Военная психология / Под ред. М. И. Дьяченко, Н. Ф. Феденко, с. 8—9.

[74] См.: *Покровский Б. Л.* Летчику о психологии. М., 1974, с. 4.

сы, психические состояния и свойства личности в их диалектическом единстве и противоположности, только условно могут рассматриваться в отрыве от их содержания, раскрываемого десятью категориями психических явлений: память, эмоции, ощущения, мышление, восприятие, чувство, воля, потребности, внимание и психомоторика.

*

Диалектический материализм признает познаваемость мира, в том числе и любых психических феноменов. Отвергнув противопоставление Кантом познаваемых феноменов непознаваемым ноуменам, марксизм требует в каждом феномене, в том числе и в психическом, видеть и его форму (в психическом — это процессуальное), и его содержание. Содержательное психических явлений определяется их отражательной сущностью, которая может быть различных порядков.

Сущность первого порядка психических явлений — это семь родов форм психического отражения, потребностей как отражения нужды в той или иной из этих форм, внимания как организации данных форм психического отражения, и психомоторики как их объективизации, а у человека в ее высшей форме как проявление единства сознания и деятельности. Сущность первого порядка психических явлений одновременно представляет собой и сущность нейродинамических явлений, физиологических отражающих систем, соответствующих каждому из этих психических явлений. Марксизм видит решение психофизиологической проблемы именно в единстве указанных двух процессуальных сущностей, а не в их параллелизме.

Сущности второго порядка каждого психического явления — это их содержание, определяемое отражаемым объективным миром в его общем значении. Его особенное и единичное значение составляют сущности уже следующих порядков.

Форма психических явлений зависит и от временно́го континуума, в который они включены. Поэтому каждый из них может выступать в трех видах: кратковременных психических процессах; более обобщенных и длительных, но все же временных психических состояниях; и наиболее стойких, хотя также не неизменных, свойствах личности. Добавление прилагательного «кратковременных» к названию первой категории (которое по приему, называемому

в лингвистике эллипсисом, в контексте может исключаться) существенно потому, что все три формы психических явлений — это процессы, хотя и разной продолжительности, переходящие друг с друга.

Такое понимание отражательной сущности всех психических явлений позволяет перейти к рассмотрению следующей общепсихологической категории — сознанию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сознание как психологическая категория

1. Сознание в философии, психологии и физиологии

Что сознание есть высшая форма отражения, присущая только человеку, что бытие определяет сознание, что сознание «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»[1] — не вызывает сомнений ни у одного марксиста. Но, как показал Всесоюзный симпозиум, посвященный проблемам сознания (1966 г.)[2], по отдельным вопросам о сущности сознания имеется еще немало противоречивых взглядов.

Начать анализ этой категории целесообразно с решения вопроса, следует ли рассматривать сознание в качестве психологической категории, поскольку оно, бесспорно, является философской категорией. На этот вопрос ответ дает история психологии: попытка исключить сознание из системы психологических понятий делалась бихевиористами. Как известно, она оказалась пагубной для попыток этого течения создать цельную психологическую науку.

Принцип единства сознания и деятельности незыблемо лежит в основе марксистской психологии, значит ни та, ни другая категория не может быть исключена из системы психологических понятий. Как материя является категорией не только философской, но и категорией физики, так и сознание является не только философской, но и пси-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 29.

[2] См.: Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966; Сознание: Материалы обсуждения проблемы сознания на симпозиуме, состоявшемся 1—3 июня 1966 г. в Москве. М., 1967.

хологической категорией. Как физика, опираясь на философское понимание материи, изучает материю в ее конкретных проявлениях в системе своих категорий, понятий и теорий, так и психология, опираясь на философское понимание сознания как высшей формы отражения, изучает его в системе других, т. е. психологических, категорий, понятий и теорий. Его связь с психическими явлениями, а через них с формами отражения, с одной стороны, и с пониманием личности через сознание, с другой, определяет место этой категории среди других.

Для философии сознание в основном выступает как категория гносеологии. Отсюда нередки ошибки, когда философы говорят об эмоциях. Для психологии сознание — это не дополнительная психическая функция, а особая форма отражения, но не добавляемая к описанным выше, а их общее качество как их продукт. Оно является продуктом более сложно организованных физиологических процессов мозга, чем те, которые обеспечивают психическое отражение, свойственное животным и новорожденным.

Именно потому, что сознание не одна из самостоятельных форм отражения, а высшая из всех по иерархии система организации, оно существует лишь постольку, поскольку существуют и проявляются эти формы отражения, но не каждая в отдельности, а все вместе. Доминирующее проявление той или иной формы в общем ансамбле может быть различно, потому и состояние сознания различно, когда человек внимательно прислушивается или когда он пишет, или волевым усилием сдерживает боль. В. Джемс удачно говорил о «потоке сознания». Этот поток меняется, принимая ту или иную доминирующую в данный отрезок времени форму отражения, становясь то более конкретным, то абстрактным, то пассивным, то предельно активным.

В сознание как общепсихологическую категорию, входят такие частнопсихологические категории: атрибуты сознания, ясность сознания, структура сознания, формы сознания. Только через эти категории могут найти свое логичное место в системе психологических понятий такие феномены, как образ, «осознанное и неосознанное», «бессознательное», «подсознательное» и т. д. Хотя та или иная психологическая теория нередко пытается поднять то или иное из этих понятий до уровня чуть ли не основных психологических категорий, каждое из них стоит

только на четвертой ступени сверху иерархической лестницы понятий: психика; сознание как общепсихологическая категория; соответствующая частнопсихологическая категория; то или иное подчиненное ей понятие.

Специфическая системная организация подсистем, разобранных в предыдущих главах, и их высшая единая интегральная система представляет собой психологическую сущность сознания как высшего системного качества на уровне индивида. Для понимания этой сущности надо опять применить метод поиска намеков у низшего на высшее, хорошо известное взяв за высшее сознательного человека.

Между «эталонным» классовым сознанием и сознанием обывателя, психологическую сущность которого прекрасно определил М. И. Калинин, сказав, что «обыватель отрывчато думает», при всем их различии принципиального скачка не будет. Различия касаются здесь не процесса, а содержания отраженного тем и другим. Различия же не только в содержании, но и в процессе отражения имеются у взрослого человека с этим «эталонным» сознанием и у него же в том раннем детском возрасте, когда ребенок имеет эмоции, ощущения, обладает понятиями и восприятием (он мог выполнить просьбу: «дай маленький мячик», выбрав его среди других предметов), были чувства (например, при словах с определенной интонацией и мимикой: «Маме больно?»), воля (он уже требовал «дай!») и память как следовое отражение всех предшествующих его форм. Но это еще не было целостное сознание, а только более или менее выраженные намеки на него. Чего же не хватало? Не хватало нового уровня организации этих процессов, взаимодействовавших пока только как их комплексы, не будучи еще организованными их содержанием.

Так ведь было и на более низких гомологических ступенях иерархии форм отражения. Непосредственные взаимодействия раздражимости разных органов могли обеспечить координацию их функций, но только включение в этот ансамбль опережающего отражения привело к скачку и появлению субъективного продукта как нового системного качества. Непосредственное взаимодействие ощущений могло дать их комплексы, но лишь включение в эти комплексы каузального рефлекса как отражения объективно существующих взаимосвязей между вещами и явлением, дополненное памятью на представление, гото-

вит скачок к обобщению ощущений в понятия и появлению восприятий, чувств, мышления и воли. Что же должно было быть добавлено ко взаимодействию всех этих «намеков» на сознание у ребенка, чтобы оно дало скачок к целостному сознанию?

Прежде чем излагать свою точку зрения на скачок, рассмотрим, как подходил к этой проблеме Л. С. Выготский, поскольку в дальнейшем мы будем опираться на некоторые его положения по этому вопросу. Очень интересно одно из его ранних высказываний, от которого он, к сожалению, сам потом отошел. Отошел он, видимо, под влиянием необоснованной критики, не заметившей значительность его находки, намного опередившей его время. Вероятно, не случайно об этом его высказывании упоминают только Е. А. Будилова и А. А. Шеин. Причем, оба они упрекают его в одном и том же. «Выготский приходит к заключению, что содержанием сознания является не отражение предметного мира, а отражение нервной деятельности» [3]. «Эта ошибка связана с непониманием марксистско-ленинской теории отражения, которое было свойственно первым советским психологам, только что начавшим применять марксизм к исследованиям психологических проблем и не овладевшим еще методом диалектического материализма» [4]. Работавший вместе с Л. С. Выготским соавтор одной из его статей [5], Н. В. Самухин говорил мне, что эта статья Л. С. Выготского вызвала критику, общую с критикой взглядов А. Г. Иванова-Смоленского, который в книге, написанной в 1928 г. и тогда обсуждавшейся, представлял сознание отражением прошлого опыта, запечатленного в коре [6]. Та же точка зрения была им развита и в докладе на «павловской сессии» [7]. Ошибочность этой точки зрения была, как

---

[3] *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972, с. 61.

[4] *Шеин А. А.* Ранние психологические исследования Л. С. Выготского.— Вопр. психологии, 1965, № 6, с. 13.

[5] См.: *Самухин Н. В., Бирнбаум Г. В., Выготский Л. С.* К вопросу о деменции при болезни Пика.— Невропатология и психиатрия, 1934, т. 3, вып. 8, с. 97—132.

[6] См.: *Иванов-Смоленский А. Г.* Основные проблемы патологической физиологии высшей нервной деятельности человека.— В кн.: Патопсихологическое введение в психиатрию. М.; Л., 1933, с. 507.

[7] См.: *Иванов-Смоленский А. Г.*— В кн.: Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова: Стеногр. отчет. М., 1950, с. 70.

уже говорилось выше, показана Л. С. Рубинштейном. Человек не может психически отражать не только физиологические процессы своей корковой нейродинамики, но и многие другие процессы своего организма, например, изменение состава крови, хеморегуляцию, секрецию пищеварительных желез, движение лимфы и крови в венах, для ощущения которых у него нет соответствующе организованных рецепторов.

Надо отметить, что участвовавшие в этих обсуждениях А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия в дальнейшем справедливо отметили, что «Л. С. Выготский был одним из первых советских авторов, который оценил всю важность для последовательно материалистической психологии проблемы сознания. В одной из ранних своих статей (1925) он писал: «Игнорируя проблемы сознания, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека, и исключение сознания из сферы научной психологии сохраняет в значительной мере весь дуализм и спиритуализм прежней субъективной психологии». Очень скоро проблема сознания стала в центре его конкретно-психологических исследований, которые шли уже с новых позиций — позиций исторического подхода к психике человека» [8].

Придавая большое значение именно этим ранним высказываниям Выготского, приведу их в более подробных фрагментах, не устаревших и поныне.

«Самый элементарный и основной, всеобщий закон связи рефлексов,— писал Л. С. Выготский,— может быть сформулирован так. Рефлексы связываются между собой по законам условных рефлексов, причем ответная часть одного рефлекса (моторная, секреторная) может стать при соответствующих условиях условным раздражителем (или тормозом) другого рефлекса, замыкаясь по сенсорному пути связанных с ней периферических раздражений в рефлекторную дугу с новым рефлексом. Целый ряд таких связей, возможно, дан наследственно и относится к безусловным рефлексам. Остальная часть этих связей создается в процессе опыта — и не может не создаваться постоянно в организме. Акад. Павлов называет этот механизм цепным рефлексом и прилагает его к объяснению инстинкта. Однако он же, если принять во внимание не

[8] *Леонтьев А. Н., Лурия А. Р.* Психологические воззрения Л. С. Выготского.— В кн.: Выготский Л. С. Избр. психол. произведения. М., 1956, с. 6.

одну и ту же систему рефлексов, а разные и возможность передачи из одной системы в другую, и есть, в основном, самый механизм сознания в его объективном значении. Способность нашего тела быть раздражителем (своими актами) для самого себя (для новых актов) — такова основа сознания. Уже сейчас можно говорить о несомненном взаимодействии отдельных систем рефлексов...» [9]

Приведенные положения Выготского не имеют ничего общего со взглядами А. Г. Иванова-Смоленского. Более того, к сожалению, никто не заметил здесь весьма прогрессивной идеи, предвосхитившей создание П. К. Анохиным теории иерархических функциональных систем. Но все заметили следующие слова: «...об отражении одних систем на других». Они-то их современникам, а потом и самому автору, а впоследствии и Е. А. Будиловой, и А. А. Шеину, и другим показались совпадающими со взглядами А. Г. Иванова-Смоленского, что затормозило разработку прогрессивной идеи системного подхода.

Следует отметить, что никакой ошибки ни в приведенном высказывании, ни в последующих у Л. С. Выготского не было, так как он говорил о физиологических объективных процессах, лежащих в основе сознания и, следовательно, о физиологической форме отражения и (говоря языком П. К. Анохина) о функциональной иерархической физиологической системе. Если в один из последующих абзацев, в которых Л. С. Выготский наиболее четко сформулировал свою точку зрения, вставить одно уточняющее слово, взятое мною в скобках, то эти представления окажутся вполне созвучны нашему времени.

«Проблема сознания,— писал он,— должна быть поставлена и решена в психологии в том смысле, что оно есть взаимодействие (физиологическое.— *К. П.*), отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы и вызывает в них отклик. Сознание всегда эхо, ответный аппарат» [10].

Образное сравнение Л. С. Выготским сознания с эхом по существу очень близко пониманию сознания как системного качества — продукта более низкого уровня нейрофизиологических взаимодействий. Однако Л. С. Выгот-

[9] *Выготский Л. С.* Сознание как проблема психологии поведения.— В кн.: Психология и марксизм Л., 1925, с. 186—187.
[10] Там же, с. 187.

ский не смог сформулировать различие между психическим отражением и физиологическим, лежащим в его основе, но не тождественным ему. Поняв взаимодействие и иерархию физиологических систем, он обобщил физиологическое и психическое отражения одним словом, как и В. И. Кремянский, введя понятие «отражение отражения». Надо напомнить, что статья раннего Выготского была опубликована в один год с «Диалектикой природы» и раньше «Философских тетрадей», когда различие физиологического и психологического отражения еще не было разработано. Только в дальнейшем Л. С. Выготский сблизил философское понимание отражения с психологическим, но при этом идея иерархии уровней отражения была утрачена. В свете же современного понимания теории отражения концепция сознания «раннего Выготского», думаю, требует не осуждения и забвения, а развития и уточнения формулировок с позиции системных качеств. При этом, конечно, надо категорически отбросить концепцию психического как отражения физиологического, но и не приписывать эту концепцию Л. С. Выготскому.

Что касается концепции «отражение отражения», то она может быть уложена в две принципиально различные схемы. Одна из них такова:

— объективный мир как отражаемое;

— первичные, стоящие на низшем уровне, процессы физиологического отражения;

— их субъективные продукты как отраженное;

— вторичные процессы самоотражения, превращающие субъективно отраженное в отражаемое;

— субъективные продукты вторичного отраженного.

В основе этой схемы-модели лежит скрытый, хотя и своеобразно утонченный, функционализм, видящий в каждом новом качестве только сумму элементарных качеств. Более правильно придерживаться другой схемы-модели:

— объективный мир как отражаемое;

— отражающие системы различной иерархической сложности с использованием более простых физиологических систем более сложными;

— субъективный продукт как системное качество этого всегда первичного, хотя и различной сложности, процесса сиюминутного отражения объективного мира в его непосредственной или опосредованной и отставленной, частичной или целостной, конкретной или абстрактной, но всегда объективной реальности.

Если первая модель заставляет отказаться от основного тезиса теории отражения — «субъективное отражение объективного мира» — или по крайней мере как-то по-новому (и пока непонятно как) его переосмыслить, то вторая схема углубляет теорию отражения теорией иерархических систем и системных качеств. Она согласуется с данными и нейрогистологии, и нейропсихологии [11].

Здесь уместно связать обсуждаемое с концепцией И. С. Бериташвили. Напомню о двух концепциях понимания связи психического как субъективного с морфологическим субстратом как его носителем. Первая — наделение этой способностью каждой нервной клетки, в конечном счете приводящей к панпсихизму Джордано Бруно и К. Э. Циолковского. Вторая — связь этой способности с уровнем сложности морфологической и функциональной организации коры головного мозга.

И. С. Бериташвили выдвинул третью концепцию — появление на определенном этапе эволюции специальных психонервных клеток, как носителей субъективного. Он считает, что в «коре большого мозга человека... существуют качественно отличные нервные субстраты или комплексы, одни для индивидуально приобретенной, или условной, рефлекторной деятельности, а другие для сознательной психической деятельности» [12].

«Еще 28 лет назад,— говорил он в 1962 г. на специальном симпозиуме, где творчески обсуждалась его концепция,— я считал, что в коре большого мозга существуют такие нервные элементы, которые при своем возбуждении производят субъективные переживания — ощущения... Лет 12 назад я пришел к выводу, что звездчатые нейроны с короткими аксонами, характерные для коры больших полушарий, являются тем высокоорганизованным субстратом, который при своем возбуждении производит дифференцированные субъективные переживания» [13]. И хотя речь идет о «сложных системах», эта концепция по сути антисистемна и антииерархична и потому полярна взглядам «раннего Выготского» и

---

[11] См.: *Лурия А. Р.* Процесс отражения в свете современной нейропсихологии.— Вопр. психологии, 1968, № 3, с. 148—155.

[12] *Беритов И. С.* Об основных формах нервной и психонервной деятельности. М.; Л., 1947, с. 100.

[13] *Бериташвили И. С.* О структурных и функциональных основах психической деятельности.— В кн.: Структурные и физиологические основы психической деятельности: (Материалы симпозиума). 1962. М., 1963, с. 3.

П. К. Анохина. Сливаясь с панпсихизмом, эта концепция отличается от него только тем, что субъективным наделяет не все, но все же некоторые отдельные клетки как элементы, а не их организации.

Итак, сказанное о сущности сознания на уровне ее современного понимания можно резюмировать так. В конечном счете, отражаемым на любом уровне развития отражающих систем может быть только объективный мир. Но отражающая система после скачка от раздражимости к переживаемости (в результате чего возникло системное качество — субъективное), претерпевала ряд последующих скачкообразных развитий, в результате которых субъективное у человека приняло форму нового системного качества — сознания.

Скачок к сознанию определяется двумя особенностями. Во-первых, в антропогенезе он произошел быстро (сравнительно с периодом филогенеза) после появления понятийного мышления и речи. Во-вторых, он повторяется в каждом онтогенезе, так как ребенок не рождается с готовым сознанием, формирующимся у него также довольно быстро (сравнительно с периодом жизни индивида), но полноценно только в процессе общения с другими людьми. Эта полноценность определяется несравнимо больше содержанием отраженного, чем процессуальным в формах отражения, хотя взаимодействие содержательного и процессуального, присущее категориям содержания и формы, проявляется и здесь.

Принципиально новым, что произошло в психике первобытного человека на ранних стадиях антропогенеза и что происходит в психике ребенка, была все нарастающая способность оперирования не предметами, а их образами, причем в единстве познания образа и отношения к нему. Ведущая роль при этом играла память в ее новом виде — память на отношения. Эти отношения, закрепленные памятью, как процессы переходят в состояния, а потом — в свойства личности. Такой основной путь усложнения отражающей системы, продуктом которой становится сознание в единстве своих трех атрибутов.

2. Атрибуты сознания

Сознание и человеческая психика как явления в значительной степени совпадают. Но понятия «сознание» и «человеческая психика» не тождественны. Первое уже

второго: сознание это только субъективный компонент человеческой психики. Понятие «психика» без прилагательного «человеческая» еще шире понятия «сознание», так как психика свойственна и животным, а сознание — только человеку.

Психическое и у человека, и у животных обязательно субъективно и тем отличается от физиологического и этологического, но оно не только субъективно, так как объективируется в психомоторных, секреторных и вегетативных явлениях, из которых преемственно возникло. Однако сознание, находящееся в единстве (но не тождестве) с деятельностью и будучи субъективным продуктом объективного взаимодействия человека и мира и объективных физиологических процессов, может в какие-то промежутки времени и не объективироваться, хотя в целом и как правило также объективируется в деятельности, действиях и поступках.

Развиваемые нами взгляды в основном опираются на понятие «сознание», изложенное в работах С. Л. Рубинштейна и Е. В. Шороховой. Вот несколько положений о сознании, которые представляются наиболее существенными.

«Сознание,— писал С. Л. Рубинштейн,— есть отражение объекта, знание о нем и форма жизни субъекта... Сознание обусловливает поведение, деятельность людей; деятельность же людей изменяет природу и перестраивает общество. Таким образом, сознание человека входит как обусловливающее во все то, на что распространяется действие человека, во всю бесконечную цепь событий, которые ею порождаются в жизни мира и в истории общества... И сознание, и деятельность — это связь человека с миром. То, что в процессе осознания переходит из мира в человека, приобретая в нем идеальную форму существования, преломляясь через субъект, в качестве его помыслов и замыслов, через действие переходит в мир, преобразуя его, и, воплощаясь в нем, приобретает материальную форму существования» [14].

Е. В. Шорохова добавляет, что сознание «характеризуется активным отношением человека к действительности, к самому себе, к своим поступкам и действиям, к деятельности, направленной на достижение поставлен-

---

[14] *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 153, 21, 255.

ных целей. Сознание является способностью человека понимать окружающий мир, процессы, происходящие в нем, свои мысли и действия и свое отношение к миру и себе самому» [15].

С. Л. Рубинштейн первым в советской психологии выделил три атрибута сознания: переживание, познание и отношение. Хотя в его трудах нет их рядоположенного описания, он неоднократно показывает их по принципу «из трех по два». Так, он писал: «Всякий конкретный психический акт, всякая подлинная «единица» сознания включает оба компонента — и интеллектуальный, или познавательный, и эффективный... Возникновение *сознания* связано с выделением из жизни и непосредственного переживания *рефлексии* на окружающий мир и на самого себя. Сознание — это всегда знание о чем-то, что вне его. Оно предполагает отношение субъекта к объективной реальности... Подлинной конкретной «единицей» психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения... *Сознание всегда предполагает познавательное отношение к предмету*, находящемуся вне сознания» [16]. Видимо, Рубинштейн так писал потому, что в единстве этих трех атрибутов на первый план всегда выходит какой-нибудь один из них. Поэтому каждый акт сознания можно образно рассматривать как точку в системе трех координат этих важнейших психологических категорий, подчиненных категории сознания. Их нужно называть атрибутами сознания потому, что атрибут — это неотъемлемое свойство чего-либо, без которого оно не может ни существовать, ни мыслиться.

Переживание — слово, в которое вкладываются очень разные смыслы. В психологии логичнее всего понимать под ним атрибут акта сознания индивидуума, не содержащий образа отражаемого и проявляющийся в форме удовольствия или неудовольствия (страдания), напряжения или разрешения, возбуждения или успокоения. Эта идея, выдвинутая в прошлом веке В. Вундтом как трехмерная теория эмоций, справедлива именно для переживаний как одного из компонентов сознания.

---

[15] *Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961, с. 256.

[16] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 7, 256, 260, 273, 264.

Переживание — понятие более широкое, чем понятие «эмоция», так как оно проявляется в форме и чувств, и потребностей, волевого усилия, а следовательно, и произвольного внимания, и произвольной памяти. Акт любопытства, как и знаменитое «эврика» Архимеда, также переживается. Хотя здесь есть и существенные различия: эмоции, чувства, потребности и волевое усилие всегда переживаются. Акты внимания, памяти, мышления, восприятий и ощущений могут отчетливо переживаться, но могут проявляться и в форме «почти чистого» познания.

«Понятие переживания выражает особый психический аспект сознания; он может быть... более или менее выражен; но он всегда наличен в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении и единстве с другим моментом — *знания*, особенно существенного для сознания» [17],— писал С. Л. Рубинштейн еще в 1940 г. Это высказывание С. Л. Рубинштейна легло в основу того понимания переживания, которое, по нашему мнению, должно быть включено в систему психологических понятий, снимая его неопределенность.

Представляется уместным напомнить еще раз: задача этой книги не в том, чтобы вводить новые термины, а в том, чтобы привести уже обоснованные в единую систему связанных между собой психологических понятий.

Второй атрибут сознания — *познание* — имеет почти столь же глубокие корни в психике животных, как и переживание. У человека познание —это компонент сознания в форме непосредственных или опосредованных, более или менее полных и точных образов отражаемого и мыслей об их связях. У человека познание проявляется в четырех формах отражения: ощущениях, мышлении, восприятии и памяти. В этой области психология и философия (в части гносеологии) наиболее близки. Гносеологическая категория идеального как противоположности материального в психологии принимает более конкретное содержание. *Идеальное* — это всегда психическое. Но не все психическое, как уже выше говорилось, идеально. С. Л. Рубинштейн справедливо связывал психологическое понятие идеального с идеальным как философской категорией: «Характеристика психического как идеального

[17] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940, с. 6.

относится, собственно, к продукту, или результату, психической деятельности — к образу или идее в их отношениях к предмету или вещи»[18]. В системе психологических понятий идеальное — это субъективное явление, которое существует в форме образа, связанного с понятием или понятиями и выражается словом или словами. Идеальное — высшая форма субъективного, ибо все идеальное — субъективно, но не все субъективное — идеально. Эмоция в чистом виде субъективное, но не идеальное явление, так как идеальное — продукт познания. Но, реально существуя в едином потоке сознания, образ и мысль могут (что чаще и бывает), окрашиваясь эмоциями, становиться чувством и, следовательно, переживаться. Напомним, что такое понимание идеального опирается на указанное К. Марксом различие «между архитектором и пчелой»[19].

Форма проявления идеального — образ. «Под *образом*,— писал С. Л. Рубинштейн,— в собственном, гносеологическом смысле надо разуметь отнюдь не всякое чувственное впечатление, а лишь такое, в котором явления, их свойства (форма, величина) и отношения предметов выступают перед нами как предметы или объекты познания»[20]. Это положение демонстрирует единство философского гносеологического и психологического подхода к одному и тому же феномену, не противопоставляя этих подходов.

На существенное значение образов в трудовой деятельности обращал внимание Д. А. Ошанин, выделяя понятие *оперативного образа* и считая, что его сущностью является «некоторая наличная информация об объекте (образная информация), отраженная в сознании и активно взаимодействующая сигнальная информация, т. е. информация, поступающая исполнителю уже по ходу действия извне... Особенность оперативного образа... его упорядоченность»[21]. В другой работе он подчеркивал, что «ключ к решению психологической проблемы образа кроется в понимании сложных отношений между когнитивной и оперативной функцией образа, которые, очевидно, постоянно и тесно взаимодействуют одна с другой»[22].

[18] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 41.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.
[20] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 74.
[21] *Ошанин Д. А.* Роль оперативного образа в выявлении информационного содержания сигнала.— Вопр. психологии, 1969, № 4, с. 24.
[22] *Ошанин Д. А., Кваас В., Зальцман А. М.* Функциональная де-

Но наиболее объемно понятие образа раскрыто Б. Ф. Ломовым: «Как и любое изображение, образ представляет собой множество элементов, которые находятся в определенном соотношении с множеством элементов изображаемого объекта. В самом общем смысле это есть соотношение сходства или подобия. Оно характеризуется *общностью* модальности элементов обоих множеств и *общностью* принципа их пространственно-временнóй упорядоченности. ...Психическое изображение обладает рядом особенностей, отличающих его от всех других видов изображения. Основной из них является *предметность*, которая состоит в том, что свойства предмета отражаются в образе не изолированно, а как принадлежащие предмету, т. е. именно как свойства предмета. С этой особенностью тесно связана и другая, так называемая объективированность (или проекция) образа. Она заключается в том, что в образе объект изображается находящимся *вне* воспринимающей системы. *Субъективность* образа (его недоступность стороннему наблюдателю) является оборотной стороной этих особенностей» [23].

На раскрытии понятия образа различными авторами пришлось остановиться по двум причинам. Во-первых, как видно из приведенных определений, понятие это подчинено категории познания (в контексте которого он здесь и рассматривается). Как уже говорилось, образ является не категорией, а понятием, стоящим на третьей ступени сверху на иерархической лестнице понятий. Во-вторых, надо указать на неверную тенденцию отождествлять сознание только с субъективным образом. Так, в коллективной монографии, посвященной проблемам отражения, введение к которой имеет подзаголовок «Сознание — субъективный образ вещей» [24], на 142 страницах текста не упоминаются другие атрибуты сознания.

Помимо переживания и познания, сознание имеет третий и последний атрибут — *отношение*. Этот феномен, привлекший со времени А. Ф. Лазурского (1874—1917) и особенно после появления работ В. Н. Мясищева внимание психологов, часто представляется свойством личности. Это неверно, поскольку значение его гораздо шире.

формация в оперативных образах.— Вопр. психологии, 1972, № 3, с. 7.

[23] *Ломов Б. Ф.* Человек и техника. Л., 1963, с. 136—137.

[24] *Георгиев Ф. И., Коршунов А. М., Лодаренко О. А.* и др. Проблемы отражения. М., 1969, с. 3.

Его следует рассматривать в качестве атрибута сознания и частнопсихологической категории.

Отношение как субъективное явление — это активная сторона сознания и его обратная связь с отражаемым миром, обеспечивающая его регуляторную функцию. Генетически оно развилось на основе активности и регуляторной функции психического отражения животных, непосредственно связанных с эмоциональной формой отражения; последняя, в свою очередь, возникла на основе биологической активности как качество биологического отражения [25]. У человека отношения как мотивы деятельности и как стремление к достижению цели проявляются через *волю*. Иногда отношение выступает в единстве с переживанием — это *отношение как переживание*. Простейшие формы его могут присутствовать и в психике животных. С другой стороны — если речь идет только о сознании человека, то отношение выступает в единстве с познанием — это *отношение как познание*. Об этой высшей форме отношения и говорили Маркс и Энгельс в известном положении: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не *«относится»* ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [26]. В этой хрестоматийной фразе, обычно приводимой вне ее контекста, забывают, что в кавычки взяты слова Гегеля.

Иными словами, животное может переживать отношение к чему-либо: собака по-одному относится к тому, кто ее кормит и ласкает, по-другому к тому, кто ее бьет. Ребенок, пока у него еще нет сознания, также может при виде матери улыбнуться, при виде человека, недавно причинившего ему боль, расплакаться, выражая объективно переживаемое им отношение. Но ни собака, ни ребенок не знают того, *как* и *к чему* они относятся. Поэтому для них переживаемые отношения к другим «не существуют как отношения».

Только обобщение в одном психическом акте пережи-

---

[25] О ней подробнее см.: *Бернштейн Н. А.* Пути и задачи физиологии активности.— Вопр. философии, 1961, № 6; *Он же.* Построение движений и физиология активности. М., 1964. *Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 23—25.

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 29.

вания, отношения и знания объектов, их вызывающих, делает этот психический акт актом сознания. И это — целостный акт, становящийся, как и всякое целое, бо́льшим, чем сумма его частей.

Изложенное понимание отношений дает основание предположить, почему определение «мое сознание есть мое отношение к моей среде», написанное Энгельсом на полях рукописи «Немецкой идеологии» [27], было им зачеркнуто. Отношение — важнейший атрибут сознания, но не все сознание в целом. Вместе с тем нельзя забывать ни указания Маркса о том, что «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений» [28], ни того, что обратная связь сознания с бытием наиболее полно раскрывается в творчестве. Последнее в своей элементарной форме проявляется именно в отношении. Эту мысль можно выразить и иначе: *творчество* — это высшая, наиболее сложная и активная форма проявления отношений как избирательного компонента сознания.

Изложенное понимание отношений в основном не противоречит взглядам признанного создателя «теории отношений» в советской психологии В. Н. Мясищева. «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» [29]. Это определение, данное В. Н. Мясищевым в 1967 г., нашло развитие в его более поздних работах. Однако, несмотря на все его достоинства, оно не дает четкого критерия отличия отношений от сознания в целом: в этом определении с полным правом можно два первых слова заменить словом «сознание», поскольку понятие сознания шире понятия отношения.

Сказанное позволяет предложить следующее определение. *Отношение* (как субъективное явление) — это активный компонент сознания и его обратная субъективная связь с отражаемым миром, объективизирующаяся психо-

---

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Архив, 1924, т. 1, с. 22.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 36.
[29] *Мясищев В. Н.* Проблема отношений человека и ее место в психологии.— Вопр. психологии, 1957, № 5; *Он же.* Личность и неврозы. Л., 1960, с. 210.

моторикой. Отношение есть проявление не только воздействия мира на человека, но и их взаимодействия; точнее — само психическое отражение есть взаимодействие человека и мира, осуществляемое путем отношения, включенного в отражение.

Но слово отношение может пониматься и как *объективное явление.* Недостатком теории отношения В. Н. Мясищева является не очень четкое разграничение понятий — объективное и субъективное отношения.

Указывая на значение объективных отношений, Энгельс писал: «О телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать»[30]. Когда Маркс рассматривал производственные отношения, кладя их в основу сущности общества и опирая на них теорию исторического материализма, он показывал эти отношения как объективные явления: «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»[31]. Ленин также подчеркивал объективность этого вида отношений[32]. Отсюда понятно внимание, уделяемое общественным отношениям философами и социологами[33].

Но понимание производственных и общественных отношений как объективных может быть расширено на все виды общения людей в их онтогенезе. При этом для каждого периода жизни человека существуют не только случайные виды объективных отношений, но и доминирующие, типичные именно для данного возраста. Они определяются преобладающим видом деятельности человека в данный период его жизни.

Так, у дошкольников доминирующими будут *игровые* отношения; у младших школьников — *учебные*; у старших школьников и студентов — *общественные* (что далеко не всегда учитывается); у юношей и девушек, начинающих трудовую жизнь,— *трудовые* отношения. Но все эти виды отношений, как и производственные отношения, объективно существуют как определенные виды совмест-

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. письма. М., 1953, с. 283.
[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 6, с. 441.
[32] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 135.
[33] См.: *Дроздов А. Б., Машков А. П., Рожин В. П.* Общественные отношения, их элементы, структура и классификация.— В кн.: Философские социологические исследования. Л., 1967, с. 96—109; *Перфильев М. Н., Орлова Л. В.* Социальные отношения. Л., 1973.

ной деятельности и как связи между индивидами в процессе их взаимодействий. Их можно фиксировать киносъемкой. Отношения, входящие во все эти виды, всегда определяют известные объективные взаимозависимости, которые являются частным случаем отношений, обозначаемых математическим равенством: А : Б = В : Г.

Значение теории отношений для психологии не вызывает сомнений. Последний абзац упомянутой обзорной статьи В. Н. Мясищев начал словами: «Современное состояние психологии отношений является лишь начальным этапом ее развития» [34]. Согласившись с различием объективных и субъективных отношений [35], он предложил развивать эту мысль в статье для сборника, посвященного его 70-летию [36].

Активно разрабатывает теорию отношений М. И. Смирнов. В основу работы он кладет теорию Мясищева, но расширяет ее до абсолютизации отношений, распространяемых им на все психические процессы. Так, он пишет: «Ощущения — это такое отражение свойств вещей (а восприятия — это такое отражение вещей), которое выражает отношение к ним индивида... Память — это прошлый опыт отражения мира, выражающий отношение человека к нему. Соответственно, мышление — это такое отражение связей между вещами, которое выражает отношение к ним индивида» [37]. С таким пониманием этих психических феноменов трудно согласиться. Но приведенные положения показательны: с одной стороны, в них видна типичная для современной психологии ошибка абсолютизации какого-либо явления; с другой — они подчеркивают значение отношений в каждом из психических явлений. Ведь любая абсолютизация не только плоха тем, что целое сводит к его части, но и хороша тем, что показывает значение этой части для целого.

Итак, сознание человека, предысторией которого является психика животных,— это субъективный компонент человеческой психики. Оно имеет три атрибута: пережи-

---

[34] *Мясищев В. Н.* Указ. соч. с. 124.
[35] См.: Личность и труд. М., 1965, с. 24—39.
[36] См.: *Платонов К. К.* Отношения и эмоции как формы отражения.— В кн.: Вопросы современной психоневрологии. Л., 1966, с. 102—109. Тр. НИИ им. В. М. Бехтерева; Т. 38; Он же. Отношения личности и психотерапия.— В кн.: Вопросы психотерапии. М., 1977, с. 58—61.
[37] *Смирнов М. И.* Формирование коллективиста в труде.— В кн.: Воспитание коллективиста. Киров, 1973, с. 46.

вание, познание и отношение. Этот порядок перечисления отражает их генетическую иерархию, ибо в переживании проявляется наиболее генетически древняя психика; познание, свойственное и животным, приобрело у человека словесное выражение, определившее социальную программу его развития; отношение же присуще только человеку.

Каждый из этих атрибутов сознания специфически связан с различными свойственными человеку формами психического отражения. Переживания в основном выражаются в потребностях, эмоциях, чувствах и воле и через последнюю — в произвольной памяти и внимании; познание — в ощущениях, восприятиях, мышлении и памяти, отношение может проявляться во всех формах отражения, свойственных человеку, но наиболее отчетливо в мышлении как познавательном отношении, чувствах и воле как переживаемом отношении.

3. Сознание как системное качество

Рассматривая сознание как интегративную и потому высшую форму отражения человеком мира, надо понимать его как системное качество, а не как сумму свойств входящих в него форм отражения. Сознание — функция целостного мозга[38], что и определяет одно из его качеств — *целостность*. Все отдельные формы отражения и психические процессы — это абстракции, позволяющие (вспомним образ Энгельса) «вырвать» их из того целостного взаимодействия, которым и является сознание.

Сознание, взятое как целое, имеет свою структуру, в качестве элементов которой выступают отдельные его акты. Но сознание имеет и подсистемы, и общие качества. Одной из подсистем сознания являются основные *формы сознания* — т. е. формы психического отражения, которые включены в систему психологических понятий. Вторая подсистема сознания определяет степень динамики или, напротив, *константности* актов сознания. Подсистемы динамики сознания — это три формы, рассмотренные выше как категории психических явлений: кратковременные процессы, состояния и свойства личности.

От факта, что в сознание входят психические явления всех трех категорий, зависят его константность и дина-

---

[38] См.: *Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека. М., 1962, с. 5—35.

мичность. Константность сознания определяется психическими состояниями и, в особенности, свойствами личности. *Динамичность* сознания обусловливается кратковременными и быстро сменяющимися элементарными психическими процессами. *Преемственность* сознания, проявляющаяся в форме феномена «Я», определяется долговременной памятью и, в свою очередь, определяет ее специфическое значение в структуре сознания. Выделение «Я» из «не-Я» — это первый акт появления индивидуального сознания в антропогенезе, повторяющегося и в онтогенезе. Вначале — это выделение своего тела, хорошо наблюдаемое у детей, сперва говорящих о своем теле, как о чужом: «Сережин животик», «Сережины ручки», а только потом «мой животик». Завершается этот процесс появлением и развитием *самосознания* в процессе социализации личности как осознания своей личности и ее роли в обществе.

Из многих «загадок сознания» «загадка человеческого Я» (а ведь так даже книги называют)[39], пожалуй, наиболее легкая. Проблема «Я» понятна как функция памяти, определяющей преемственность сознания. Клиника ретроградной амнезии убедительно доказывает это. Есть много описаний наблюдений формирования заново «Я» у людей, перенесших стойкую ретроградную амнезию. Но, к сожалению, наблюдениями, которые позволили бы сравнить новое «Я» с преморбидной личностью, мы не располагаем. Такие наблюдения могли бы заложить основы метода дифференцировки социального и биологического в сознании.

Помогают понять феномен «Я» и случаи, называемые в психиатрии «раздвоением личности». Так, наиболее детально описано заболевание француженки Фелиды. В одном «Я» она была болезненной, скрытной, грустной и боязливой девушкой. Теряя сознание на несколько минут или даже секунд, она приходила в себя веселой, подвижной, кокетливой, легкомысленной. Готовясь стать матерью во втором своем состоянии, она в первом не могла понять, что с ней происходит, так как никаких связей этих двух «Я», двух потоков сознания не существовало. О ней можно было сказать, что у нее было две жизни, две памяти, два сознания, две личности и два «Я». В психиатрии описано

---

[39] См.: *Михайлов Ф. Т.* Загадка человеческого Я. М., 1964.

несколько десятков подобных случаев. Жанэ писал о мальчике, имевшем шесть параллельных «Я» [40].

Можно говорить о трех уровнях выделения «Я» из «не-Я». Первый уровень осознается непосредственно у здорового человека, который, как говорят психиатры, «ориентирован в пространстве и времени». Второй уровень является ответом на вопрос, который каждый может себе задать: «что такое мое Я?», и ответом на который будет подсказанный непроизвольной памятью ряд образов от детства до современности. Иногда это будут конкретные первосигнальные образы; иногда — более абстрактные воспоминания о самооценке и полученной оценке от других. При этом, чем ярче эти образы, тем богаче «Я». Третий, высший уровень — это самосознание, понимание своей роли и своего места в обществе. О нем речь пойдет подробнее несколько ниже.

Как известно, Ленин записал в «Философских тетрадях» мысль Гегеля: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». К сожалению, цитируя эти слова, не всегда отмечают, что Ленин здесь же на своем конспекте «Науки логики» Гегеля продолжил и уточнил их даже с незаглавной буквы: «т. е. что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [41]. В этом проявляется воля как форма отражения. Сознание представлялось Л. Фейербаху пассивным созерцанием мира. Для Маркса и Ленина сознание активно. Оно проявляется как активность личности и, как будет показано ниже, по-разному в различных ее подструктурах.

Следующей подсистемой сознания являются различные *уровни* его *ясности*. Один из низших уровней спутанного сознания легко наблюдать в так называемом «просоночном» состоянии. Еще более низкий уровень сознания — это неосознанное, приторможенное, редуцированное сознание. Еще ниже лежат патологические изменения сознания (бред, делирий, сопор и т. д.) и полная потеря сознания (обморок, наркоз).

В связи с понятием уровней сознания надо подробнее остановиться на термине «неосознанное», пришедшем на смену устаревшим и отягощенным грузом ошибок «бессознательное» и «подсознательное» [42].

---

[40] См.: *Жанэ П.* Неврозы. М., 1911, с. 204—215.
[41] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 194, 195.
[42] См.: *Бассин Ф. В.* Проблемы «бессознательного» (о неосознава-

Психические явления у человека могут быть субъективно в разной степени *осознаны* и могут даже совсем не осознаваться. Человек не может непосредственно познать причины своих импульсивных и высокоавтоматизированных действий. Так зародились идеи о «подсознательном» и «бессознательном». Эти идеи всегда были оплотом идеализма от концепций Платона и Августина до Э. Гартмана, давшего в 1869 г. обзор проблемы бессознательного[43]. С этого времени термин подсознательное, впервые примененный в 1776 г. Э. Платнером, стал рассматриваться как синоним предыдущего. В дальнейшем он был уточнен Фехнером, предложившим понятие «порог сознания», подкрепив его образом «души-айсберга», большая часть которого находится под водой и который управляется подводными течениями. Этот образ и лег в основу гормической (глубинной) психологии. У Фрейда он сомкнулся с его «топографическим» пониманием психики — подсознание заняло у него во «внутреннем пространстве» ведущее место. Потому можно только пожалеть, что авторы, плодотворно работающие над этой проблемой, «по привычке» чаще употребляют устаревший термин «бессознательное», чем «неосознанное». Примером этого может быть статья Ф. В. Бассина и В. Е. Рожнова[44].

Осознанность или неосознанность психических явлений у человека не есть альтернатива, а имеет в соответствии со степенью ясности сознания проградиентные переходы. Достаточно полной и четкой и, главное, общепризнанной классификации неосознанных явлений человеческой психики еще нет. Более того, многие неосознанные явления вообще не изучаются. Об этом писал в предисловии к нашей с Ф. В. Бассиным книге В. Кречмер, отмечая, что мы исследовали тему, которую старательно обходят в науке и вне ее и которая часто рассматривается вообще как ненаучная[45].

С точки зрения системно-структурного подхода, взяв *неосознаваемые явления* человеческой психики как целое,

---

емых формах высшей нервной деятельности). М., 1968, с. 131, 157.

[43] См.: *Гартман Э.* Философия бессознательного. М., 1975.

[44] См.: *Бассин Ф. В., Рожнов В. Е.* О современном подходе к проблеме неосознанной деятельности (бессознательного).— Вопр. философии, 1975, № 10, с. 94, 108.

[45] См.: *Bassin F. V., Platonov K. K.* Verborgene Reserven des höhern Nervensystems. Stuttgart, 1973, S. 9.

можно выделить следующее необходимое и достаточное число подсистем.

Первая подсистема — это психические явления, гомологичные таковым у животных и либо *еще* не социализировавшиеся и не ставшие осознанными у ребенка, либо прорывающиеся через социальные наслоения у взрослых. Это сложные системы актов поведения от наследственных программ до приобретенных нейродинамических стереотипов. Сюда же относятся и все неосознанные и малоосознанные действия в условиях снижения ясности («помрачения») сознания, в частности, в результате фармакологических воздействий.

Вторая подсистема — это психические явления, вызванные *субсенсорными* воздействиями типа уже хорошо изученных субсенсорных условных рефлексов[46] и еще почти не изученных сублиминальных воздействий, типа невоспринимаемых из-за краткости, но достаточно эффективных реклам, вставляемых в кинофильм. Сюда же относится и известный опыт физика Роберта Вуда с генератором инфразвука, включение которого во время спектакля сорвало представление[47].

Третья подсистема неосознанных явлений — это большая и весьма разнообразная группа психических *иллюзорных* явлений, о которых речь шла в главе V. В эту группу входит большое число иллюзий мышления, определяемых верой и суггестией.

Вера — это чувство, создающее иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией[48]. Религиозная вера — это только ее частный случай. «Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных[49]. Это классическое определение религии, данное Энгельсом, включает и определение суеверий и вообще всех иллюзий мышления, вызванных верой.

Суггестия — это усиленное соответствующей организацией внимания влияние суггестора на суггеренда, в результате чего в процессе их общения суггеренд без кри-

---

[46] См.: *Гершуни Г. В.* Исследования нейрофизиологических механизмов процесса различения внешних сигналов. М., 1964.

[47] См.: *Соловьева А. И.* Основы психологии слуха. Л., 1972, с. 28.

[48] См.: *Платонов К. К.* Психология религии. М., 1967, с. 81—107.

[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 328.

тики и сопротивления усваивает идеи суггестора. Это может быть логосуггестия — словесное внушение, внушение жестом, путем подражания, которое также относится к неосознаваемым явлениям и иногда неправомерно противопоставляется внушению, хотя оно и не тождественно с ним, как не тождественны часть и целое. Различают гетеросуггестию и аутосуггестию; последняя сейчас привлекает к себе внимание в форме так называемой аутогенной (психосоматической) тренировки. Термин «суггестия» сейчас быстро вытесняет ранее принятый в русской научной литературе термин «внушение». Их нужно рассматривать как синонимы.

Четвертая подсистема неосознанных психических явлений — это ранее осознанные явления, ставшие в силу их внутреннего развития *уже* неосознаваемыми и принявшие форму *автоматизированных* действий — навыков и привычек. Физиологи часто говорят о навыках как о вторичных автоматизмах. Но для психолога автоматизм всегда вреден, так как полностью не подконтролен сознанию, а автоматизация навыка, «разгружающая» сознание, но допускающая сознательное вмешательство, напротив, полезна. В первой подсистеме курсивом выделено слово «еще», а в последней «уже», так как они, замыкая ряд подсистем неосознанных явлений человеческой психики, позволяют лучше понять их общую сущность [50].

Повышение обычно свойственного человеку уровня сознания отмечается при *вдохновении*, вершина его — творческое *озарение*. Не надо, что, к сожалению, часто делается, смешивать творческое озарение с творческой деятельностью; смешение же их не случайно, так как первое проявляется во второй.

Высшей системой сознания является *самосознание*, а высшим содержанием самосознания — *коллективизм* как самосознание личности, осознавшей себя членом коллектива. Самосознание у человека может быть только как у члена общества: «...отношение человека к самому себе становится для него *предметным, действительным* лишь через посредство его отношения к другому человеку» [51]. Эта мысль подробно была разработана Марксом в «Капитале», когда он писал: «Так как он (человек.— *К. П.*)

---

[50] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Осознаваемое и неосознаваемое в свете теории отражения.— В кн.: Бессознательное. Тбилиси, 1978, т. 3, с. 121—130.

[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений, М., 1956, с. 568.

родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [52].

Структура самосознания, взятого как целое, в свою очередь, аналогична общей структуре сознания. Здесь есть и *самопереживание*, широко известное под термином *самочувствие*, есть здесь и сложная гамма *самоотношений*, рассматривавшихся Б. М. Тепловым в качестве одного из компонентов характера: отношение к самому себе, но могущих и не достигать уровня характера. Оно проявляется как *уровень притязаний* и как *самооценка* — результат третьего и наиболее существенного компонента самосознания — *самопознания*.

Итак, индивидуальное сознание наряду с любым другим психическим феноменом имеет свою структуру. Общепризнанного варианта этой структуры еще нет, но думаю, что практически она может быть полезна в виде следующей системы:

— *Самосознание*: самооценка, самопознание, самочувствие;
— *Атрибуты сознания*: отношение, познание, переживание, определяющие его активность;
— *Уровни ясности сознания*: творческое озарение, вдохновение, ясное сознание, спутанное сознание, патология сознания, потеря сознания, неосознание явления;
— *Свойства динамики сознания*: свойства личности, состояние сознания, процессы сознания, определяющие его константность, динамичность и преемственность;
— *Формы сознания*: воля, чувства, восприятие, мышление, ощущение, эмоции, память.

Эта схема системы сознания может быть полезной при оценке сознания не только здорового человека, но и психически больного. Как нельзя ни отождествлять понимание сознания в философии и в психологии, ни противопоставлять их, нельзя их отождествлять и противопоставлять в психологии и в психиатрии.

---

[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.

4. Формы сознания

В предыдущих параграфах этой главы речь шла об индивидуальном сознании, присущем любому конкретному, реальному (либо абстрактному, обобщенному) человеку. Но есть и другие формы сознания, изучение которых в той или иной мере также задано психологии. Прежде всего, это давно уже изучаемое философией общественное сознание.

Общественное сознание — это не только социальное явление, в значительной степени всегда материализованное в деятельности и в продуктах культуры; это и обобщенное сознание большого числа личностей. В классовом обществе общественное сознание есть также групповое сознание класса.

Будучи взятым как целое, общественное сознание, в свою очередь, имеет несколько подструктур, которые принято называть формами общественного сознания. Это *обыденное* сознание, сформировавшееся в быту людей и опирающееся на так называемый здравый смысл. Вскоре после появления его у людей, не накопивших еще опыта научного сознания, стало формироваться *религиозное* сознание, имевшее свои социальные, классовые, исторические, гносеологические и, как удалось недавно показать, психологические корни [53]. С первобытных времен человечества начало формироваться *нравственное, эстетическое* и *правовое* сознание. *Политическое* сознание, оформлялось в классовую идеологию как самостоятельную форму общественного сознания. В национальных общностях на все это наслаивалось *национальное* сознание. Когда человечество достигло достаточного культурного уровня сначала в его отдельных группах, потом во всех общностях, но более медленно, чем это было в других формах общественного сознания, начало формироваться *научное* сознание, становящееся достоянием широких народных масс только в условиях социалистического общества, приняв в нем формы социалистического и коммунистического сознания.

Перечисленные формы общественного сознания являются предметом различных общественных наук. Психоло-

---

[53] См.: *Платонов К. К.* Психологические корни религии.— В кн.: Вопросы научного атеизма. Психология и религия. М., 1971, вып. 11, с. 29—42.

гии задано изучение влияния всех этих форм общественного сознания на индивидуальное и групповое. Поэтому результаты, полученные всеми этими науками, могут рассматриваться как данные для психологии. Но опыт психологии религии и этнопсихологии говорит о значительно больших возможностях психологии в изучении всех форм общественного сознания.

Групповое сознание занимает промежуточное место между индивидуальным и общественным. Оно изучается быстро развивающейся *социальной психологией*, предмет которой составляют психические явления, свойственные только группе людей и личности только в группе[54]. Близость группового сознания с общественным определяется рядом причин. Во-первых, общественное сознание отражается не только в индивидуальном, но и в групповом сознании, что также должно изучаться социальной психологией. Во-вторых, нельзя забывать, что В. И. Ленин классы определял через понятие *группы*.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства... их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [55],— писал он.

Близость группового сознания к индивидуальному объясняется и тем, что оно есть обобщенное и типичное сознание индивидов, входящих в группу. Здесь уместно уточнить понятие *типичного*, которое имеет три вида: типичное как *среднее*, типичное по *частоте* проявления, типичное по *тенденции развития*. Понятно, что эти виды не совпадают и что для оценки типичного сознания наиболее важно последнее. Тенденция его развития определяется на основе опережающего отражения.

В социальной психологии уже достаточно четко различается классификация социальных групп. Они делятся: по величине: самая большая — человечество, малые —

---

[54] Подробнее см.: Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шорохова. М., 1975, с. 79.

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

Схема

Наименование групп	Их организация	Форма их деятельности	Цели и мотивы их деятельности
1. Группы с совпадающей внешней и внутренней организацией			
2. Внутренне-организованные группы			
Коллективы: Коммунистический коллектив Бригада коммунистического труда Творческий Трудовой Учебный Псевдоколлектив	сознательно создана самой группой	совместно	общие, вынесенные за пределы группы
Корпорации: Группа бизнесменов Религиозная община Мафия	стихийно создана самой группой	вместе	личные и групповые
3. Внешне-организованные группы			
Организации: Армейская Партийная Производственная Профсоюзная Общественная Учебная Молодежная	регламентирована	могут определяться только внешней организацией	
4. Неорганизованные группы			
Конгломераты: Толпа Случайная группа	нет или случайная	самостоятельно одновременно	личные

до нескольких десятков, микрогруппы — 2—5 чел.; по составу: реальные, контактные; условные (статистические); по организации: иерархия которых представлена на схеме на с. 175.

Советская социальная психология особое внимание уделяет коллективам по той причине, что они в своей сути — порождение социализма. В капиталистическом обществе коллективами (и то своеобразными, «перешагивающими цели своего государства» соответственно лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!») являются только коммунистические и рабочие партии. Другие группы в условиях капиталистического общества это — «суррогаты коллективности», псевдоколлективы.

Коллектив — это группа людей, часть общества, объединенная общими целями совместной деятельности, подчиненной целям этого общества [56]. Это определение коллектива уточняет определение А. С. Макаренко, который считал, что «коллектив возможен только при условии, если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для общества» [57]. Его определение пришлось несколько уточнить, чтобы исключить случайную, а не целенаправленную пользу общества.

Группа людей, деятельность которой замкнута внутри нее и подчинена только ее интересам и целям, называется *корпорацией* (см. схему на с. 175). Но ведь и деятельность корпорации случайно может оказаться полезной обществу.

Групповое сознание коллективов, *коллективное сознание*, чаще отражает передовое в общественном сознании (прогрессивную идеологию), а групповое сознание корпораций почти всегда снижает степень прогрессивности общественного сознания. Это определяется содержанием целей, отражаемых теми и другими.

В нашу задачу не входит раскрытие всего объема понятий и задач социальной психологии, поскольку речь идет только об отражательной функции группового сознания, которая в каждой из форм сознания имеет свою специфику. Она представлена на следующей схеме:

---

[56] См.: Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 126.

[57] *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения. М., 1948, с. 97.

Схема

Форма сознания	Взаимодействие, его определяющее	Носитель
общественное	люди с культурными общественными ценностями	общество
коллективное	человек с целями общества	коллектив
групповое	человек с человеком	группа
индивидуальное	человек с миром	индивид

Взаимодействие человека с человеком, определяющее формирование группового сознания, называется *межличностным общением*. Прилагательное здесь необходимо, так как общение возможно и у человека с животным.

Общение — это взаимодействие индивидов на основе взаимного психического отражения. Взаимодействие на основе более низких форм отражения (физиологического и физического) не может рассматриваться как общение [58]. Поэтому выражение «общение человека с ЭВМ», часто сейчас употребляемое, не научно, а образно и заменяет формулировку «коммуникации человека и ЭВМ», или «обмен информацией человека и ЭВМ», так как коммуникации — это обмен информацией.

Конкретное проявление группового сознания часто называют *массовидными явлениями*. Из них ранее всего на себя обратила внимание паника — проявление страха, доведенного до степени эффекта, охватывающая обычно неорганизованную группу (толпу) и чрезвычайно усиливающаяся в результате взаимного подражания. Сюда же относится общественное, а точнее *групповое, мнение*,— поскольку оно чаще выражает не общественное, а групповое сознание, обычно опирающееся на информацию, получаемую с помощью средств массовых коммуникаций. О превалировании в структуре группового и особенно коллективного мнения рассудочного компонента говорят, в частности, и основные принципы его формирования: гласность, оперативность и правдивость информации. Нарушение этих принципов в информации приводит к подмене коллективного мнения групповым в виде слухов.

58 Подробнее см.: *Платонов К. К.* Генетическое понимание общения людей.— В кн.: Мышление и общение: Материалы Всесоюз. симпозиума. Алма-Ата, 1973, с. 334.

Лучше изучено такое массовидное явление, как *коллективное мышление*, являющееся по существу коллективным отражением поставленной задачи. Оно укрепляет целеустремленность каждого члена коллектива в решении возникшей задачи, позволяет разносторонне продумать и осветить ее, способствует проявлению более смелой инициативы. Вместе с тем, коллективное мышление усиливает критический подход к возникающим, но недостаточно аргументированным решениям, что помогает развитию у каждого члена коллектива самокритичности; оно обогащает знание и опыт одних за счет знания и опыта других; способствует соревнованию, создает положительный эмоциональный тонус; сокращает срок решения возникшей задачи и повышает его объективность. Решение одной проблемы стимулирует появление новых, возникающих в процессе «коллективного думания» проблем и тем самым беспрерывно двигает отражательную деятельность коллектива вперед.

Менее других изучена *воля коллектива*[59]. На ее примере видно, что любое социально-психологическое явление — это не сумма процессов состояний или свойств личности отдельных членов этой группы, а такой их продукт, который дает новое системное качество. Как указывал Энгельс, из того факта, что воли отдельных людей в группе «достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую,— из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»[60]. «Равнодействующая групповой воли» дает возможность добиться результата недостижимого для одного человека, о чем писал Маркс в известном «фрагменте об эскадроне»[61]. Сам термин «социально-психологические явления» говорит о том, что они возникли и развились в процессе антропогенеза, и представляют собой не только психические, но и социальные явления. Однако они, как и сознание, являясь субъективными компонентами человеческой психики, имеют свою предысторию, предшествующую антропогенезу.

---

[59] См.: *Акатов Л. И.* К вопросу о «коллективной» воле.— Учен. зап. Кур. гос. пед. ин-та, 1970, т. 70, ч. 1, с. 108—118.
[60] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 396.
[61] Там же, т. 23, с. 337—338.

Стадный образ жизни накладывает на животных ряд своеобразных отпечатков. Простейшим здесь является инстинктивное разделение труда, которое лучше называть разделением ролей. Реакции стадного животного, например, при наличии и при отсутствии другого животного его вида совершенно различны. Также нельзя не напомнить о рефлексе подражания, свойственном в той или иной степени всем низшим животным, играющем немалую роль и при общении людей.

Но особо надо отметить закон, открытый и описанный П. А. Кропоткиным: фактором эволюции является не только борьба за существование, но и полярное ей явление *взаимопомощи*. В ответе на статью Гексли (1888 г.), где тот изображал «жизнь животных как отчаянную борьбу каждого против всех», Кропоткин писал: «В практике взаимной помощи, в которой мы можем проследить до самых древних зачатков эволюции, мы таким образом находим положительное и несомненное происхождение наших нравственных, этических представлений, и мы можем утверждать, что главную роль в этическом развитии человека играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении начал взаимной помощи, даже в настоящее время, мы также видим лучший задаток еще более возвышенного дальнейшего рзвития человеческого рода»[62]. Он убедительно показал, что взаимопомощь явилась той предысторией, на основании которой развилось нравственное и этическое сознание человека.

Взаимоотражение в процессе взаимодействия в условиях первобытноколлективного совместного труда уже на ранних стадиях антропогенеза активизировалось не только взаимопомощью, но и соревнованием[63]. В условиях классового общества последняя приняла форму зависти и конкуренции и только в советских коллективах приобрела форму социалистического соревнования. Но на этом вопросе здесь останавливаться не будем, отослав читателей к сборнику, специально посвященному этому вопросу[64]. Дух соревнования как компонент общественного

---

[62] *Кропоткин П. А.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.; Пг., 1922, с. 290.

[63] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Роль труда в «минимуме человека».— В кн.: Вопросы зоопсихологии, этологии и сравнительной психологии. М., 1975, с. 137—140.

[64] См.: Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Под ред. Е. В. Шорохова. М., 1977.

настроения[65] создает в группе психологический климат.

Психологический климат — это такое взаимодействие физической и социальной среды и личностей, которое стойко отражается их сознанием в форме психических состояний. Близкое этому явлению, *психологическая атмосфера* иногда даже больше влияет на производительность труда, чем климат, и отличается от него более быстрыми, иногда временными изменениями и, как правило, большей ролью эмоций, чем чувств, свойственных климату.

Социально-психологический климат (и соответственно атмосфера), являясь более частным феноменом, определяется взаимоотраженными межличностными отношениями в группе, создающими ее настроение, от которых зависит степень ее активности в достижении совместных целей.

Моральная атмосфера (и климат) — это та часть социально-психологической атмосферы (и климата), которая соответствует по своему содержанию нравственным нормам[66].

Одной из нередких причин резкого ухудшения психологического климата помимо склок, обычно идущих «снизу», являются дидактогении, идущие «сверху». *Дидактогении* — это сдвиги в настроении личности или коллектива, могущие иногда доходить даже до болезненного состояния, вызванного нечутким (или, тем более, грубым) воздействием педагога или руководителя. Иногда бывает достаточно резкого окрика, чтобы не только тот, кому он адресовался, потерял сон, но и весь коллектив стало лихорадить. Это явление впервые было описано в 1937 г.[67] и теперь вошло в учебники[68]. Такие явления, понятно, осуждаются общественным сознанием.

Тесная связь индивидуального, группового и общественного сознания как его различных форм определяется общественной сущностью человека. «Индивид,— говорил

---

[65] Подробнее см.: *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М., 1966.

[66] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Психологический климат на производстве.— Соц. труд, 1976, с. 96—99; Социально-психологический климат коллектива: Теория и методы исследования. М., 1980.

[67] См.: *Платонов К. К.* О неправильном педагогическом подходе как факторе психогенно-реактивных состояний у летного состава.— Авиац. медицина: Информ. бюл., 1946, № 2, с. 12.

[68] См.: *Банщиков В. М., Гуськов В. С., Мягков И. Ф.* Медицинская психология. М., 1967, с. 5 и др.

Маркс о человеке,— *есть общественное существо.* Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни,— является проявлением и утверждением *общественной жизни»* [69].

Итак, сравнение описанных выше форм сознания подтверждает, что сознание — это системное качество, так как, являясь продуктом единичного мозга в форме индивидуального сознания, отражающего мир, оно включает в себя продукт не только отражения мира и объективизации сознания контактных с ним групп людей, но и обобщение всего гомологичного прошлого человеческого общества. Индивидуальное сознание, взаимодействуя с сознанием других членов контактной группы, приобретает форму группового сознания с его высшей формой — сознания коммунистического коллектива. Индивидуальное и групповое сознание, взаимодействуя с сознанием других групп и представителей других классов, приобретает форму общественного сознания, сохраняющегося в форме памятников духовной и материальной культуры.

Религия, искусство, нравственность, право как социальные явления относительно самостоятельны. Соответствующие им виды общественного сознания также относительно самостоятельны и имеют свои закономерности, поэтому их изучают разные науки, но в групповом и в индивидуальном сознании они обобщены единой системой.

Групповое сознание, с одной стороны, определяется особенностями группы как его носителя, но, с другой стороны, определяет и внутреннюю организацию, и деятельность этой группы.

*

Сознание, будучи и в антропогенезе и в онтогенезе продуктом общественно-исторического развития человека, стало объектом изучения всех наук о человеке и обществе. Оно — высшая форма психического отражения, свойственная только человеку. Ребенок рождается, уже имея генетически и пренатально обусловленные индивидуально-психологические качества, которые в процессе его обще-

[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений, с. 590.

ния с другими людьми становятся сознанием, включающим самосознание как свое высшее проявление.

Как высшая форма психического отражения сознание включает в себя в снятом виде, в качестве элементов более простые формы психического, физиологического, физического и химического отражения. Таким образом, отражение внешнего объективного мира сознанием осуществляется рядом взаимодействий в сложной иерархической многоуровневой системе. Но сознание — не сумма продуктов этих уровней, а системное качество высшего уровня.

Сознание имеет три основных функции: регуляторную, познавательную и оценочную и, соответственно, три взаимодействующих атрибута: переживание, познание (имеющее результатом знание), и отношение. Они специфически проявляются в различных психических процессах как формах отражения — от познавательного отношения в мышлении до переживаемого отношения в чувствах и воле.

Индивидуальное сознание является системой со следующими подсистемами (от высшей к низшей): самосознание, атрибуты сознания, уровни сознания, свойства динамики, функции сознания. Но индивидуальное сознание не единственная его форма: в группе людей оно, обобщаясь в форму группового сознания, приобретает новые свойства в виде так называемых массовидных явлений. В условиях советской действительности групповое сознание приобретает форму коллективного. В больших сообществах последние получают форму общественного сознания, которое материализуется в продуктах производства и в памятниках культуры. В индивидуальном сознании все описанные формы обобщаются в единое целое. Это положение подводит нас к следующей общепсихологической категории — личности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Личность как психологическая категория

1. Сущность личности

Эта книга рассматривает с позиции теории отражения и системных качеств систему всей психологической науки, а не только психологию человека. Но данная глава посвящена анализу феномена, свойственного только человеку. «Предпосылки, с которых мы начинаем... это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни... Предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [1],— так писал Маркс. С позиций системно-структурного подхода человек представляет собой сложную многоуровневую систему. По своей сложности эта система не имеет и, возможно, не будет иметь себе равных.

Система человека в своих уровнях содержит все уже рассмотренные отражательные системы:

— его материальная организация определяет класс физических форм отражения;

— его живой организм — класс физиологических форм отражения;

— его низшая нервная система — класс этологической формы отражения;

— его высшая нервная деятельность — класс психических форм отражения, поднявшегося у него, как было показано в предыдущей главе, до уровня сознания.

В предыдущих главах рассматривались вопросы, что и как отражается. А последняя из них, разбирая, что и как осознается, подвела к вопросу: что в человеке является носителем сознания? Вспомнив психофизиологическую проблему «психика и мозг», можно было бы ответить, что носитель сознания — мозг. Однако мозг не может нормально работать вне организма. Даже в условиях так называемой сенсорной деприации [2] нормальная работа мозга не обеспечивает нормального взаимодействия человека с миром. Поэтому носителем сознания надо

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 18.

[2] Это убедительно показано в книге *О. Н. Кузнецова, В. И. Лебедева* «Психология и психопатология одиночества» (М., 1972), содержащей обширную библиографию.

считать не мозг, а всего человека в целом. Применив к человеку системно-структурный анализ, опирающийся как на обыденное сознание, так и на уже добытые наукой факты, в нем можно выделить две необходимые и достаточные, частично пересекающиеся подструктуры: организм и личность.

Человек как *организм* — это существо, представляющее собой высшую ступень развития жизни на Земле, строение которого изучают анатомия и гистология, а функцию — физиология и биохимия, и которому свойственна физиологическая форма отражения.

У животных, связанных с человеком эволюционным, гомологическим рядом переходных форм, после возникновения и развития психических форм отражения, а следовательно, как было уже выше показано, субъективных явлений, помимо развития организма (что свойственно и растениям) развивалась и психика. У высших животных в соответствии с принципом общего, особенного и единичного она приобрела форму не только общих (родовых) и особенных (видовых), но и более или менее заметно выраженных *индивидуально-психологических особенностей.* Генетически психика закрепилась у человека в виде соответствующих общих, особенных и индивидуально-психологических задатков.

Генетически заложенный задаток способности овладения речью, развившейся уже в процессе антропогенеза,— это общечеловеческий психологический задаток. Генетически обусловленные различия темперамента итальянцев и норвежцев определяются особенным в их психологических задатках. Но и Григ, и Пушкин, и Рафаэль родились с различными индивидуально-психологическими задатками.

Ни у кого не вызывает сомнения, что личностью ребенок становится в силу общественно-исторической обусловленности психики и только в процессе общения с людьми, уже отразившими и запечатлевшими в своем сознании и деятельности (педагоги говорят «усвоившими», философы предпочитают говорить «присвоившими») общественно-исторический опыт старших поколений. Но далее возникают два вопроса.

Первый вопрос: каждый ли родившийся человек (если это не прирожденный психический больной) становится личностью? Иначе говоря, каждый ли взрослый и здоровый человек — личность?

Автор интересной книги И. И. Чангли, например, справедливо возражая против тезиса «всякий человек — личность», так как новорожденный ребенок не личность, распространяет свое возражение и на взрослых людей. Полемизируя, в частности, со мной, она пишет, что ей моя точка зрения «представляется неубедительной и теоретически необоснованной... Если «всякий (!!) человек — личность», то может быть, эти понятия попросту идентичны?.. Но с этим нельзя согласиться» [3]. И. И. Чангли считает, что не каждый взрослый человек является личностью [4].

Корни такой позиции уходят не только к Михайловскому с его учением о герое и толпе, но и к Ницше с его «сверхчеловеком». Формулировка И. И. Чангли «личность в полном смысле этого слова» выражает, на мой взгляд, не научное понятие, а, скорее, образное представление о «настоящем Человеке». На позиции И. И. Чангли стоят и другие авторы. Так, Н. И. Рейнвальд считает, что «личность — это вершина психического развития человека и в то же время высшая ступень саморегуляции. Эта ступень предполагает: а) выделение в окружающем мире объективных связей и отношений; б) осознание самого себя как субъекта определенной деятельности; в) способность к преобразующему воздействию не только на окружающий мир, но и на самого себя, т. е. к волевой перестройке собственной личности, выработке желательных и искоренению нежелательных ее свойств» [5]. Согласно таким критериям, «личностей» среди курящих не так уж много.

Неизмеримо более прав А. С. Макаренко, утверждавший: «Проблема личности может быть разрешена, если в каждом человеке видеть личность» [6]. Большинство философов, психологов, педагогов и врачей считают, что личностью является каждый взрослый здоровый человек. Ребенок рождается, имея еще не сознание, а индивидуально-психологические особенности. Поэтому личности у него пока еще нет. Она образуется в процессе становления его сознания при общении с другими людьми. Трудно сказать, когда это наступает, так как личность

---

[3] *Чангли И. И.* Труд. М., 1973, с. 298.
[4] См.: Там же, с. 301.
[5] *Рейнвальд Н. И.* Личность как предмет психологического анализа. Харьков, 1968, с. 126.
[6] *Макаренко А. С.* Соч. М., 1952, т. 7, с. 16.

является не альтернативным, а проградиентным феноменом и развивается у человека до последних дней его жизни. Но когда ребенок берет у матери ложку и говорит ей: «Я сам!» — он уже личность. Ведь, как известно, эти же слова были и последними у такой личности, как Ф. Э. Дзержинский, хотя личности ребенка и его, конечно, не сравнимы.

Осознание ребенком своей «самости» (этот термин применял С. Л. Рубинштейн) определяет появление у него «минимума личности», но только позже, в юношеском возрасте, у человека появляется «минимум социальной зрелости личности». Он определяется появлением выраженного стремления к осуществлению тех критериев, которые были сформулированы Н. И. Рейнвальд. Кстати, этот минимум определяет возможность молодого человека быть принятым в члены ВЛКСМ. Уровень выраженности этих критериев определяется дальнейшим социальным развитием личности. При этом не только максимума социальной зрелости, достигнутого Дзержинским, но и оптимума достигают даже в условиях зрелого социализма далеко не все взрослые здоровые люди. Но это не дает основания не считать их личностями.

У Амалы и Камалы, пока они росли с волками, задатки их личности развиться не могли. Поскольку было упущено физиологическое время для ее развития, Камала и в дальнейшем развивалась крайне медленно и неполноценно[7]. Но и в обычных условиях развития людей личности бывают самые разные: прогрессивные и реакционные; социально полезные и социально опасные, преступные; яркие и дюжинные, «с неба звезд не хватающие»; здоровые и больные. Сама задача, поставленная Программой КПСС о всестороннем развитии личности, говорит и о наличии односторонних личностей.

Из личностей состоит общество, и в них по-разному аккумулируется весь опыт человечества. Личность — носитель правовых, нравственных и эстетических норм своего общества, класса и более узких групп; она эти нормы выполняет и борется за них или, напротив, нарушает и несет за это ответственность. Личность учится и учит; болеет и лечит; творит и разрушает. Потому нет и не может быть ни одной науки о человеке и обществе,

---

[7] См: *Singh J., Zingg K.* Wolf-children and feral man. N. Y.; L., 1942.

не изучающей в том или ином аспекте личность. Но ни одна наука не изучает личность так разнообразно и глубоко, как психология, беря в качестве *данного* все нужные ей сведения о личности у других наук, в частности, философии, социологии, этики, эстетики, педагогики, криминологии и психиатрии. Особенно специфичен контакт психологии с психиатрией в области патопсихологии личности.

Психическая болезнь — это болезнь не только организма, но и сознания личности. Можно сказать и иначе: у психически больного — больная личность. Иногда она больна незначительно и болезнь легко обратима, иногда эта болезнь скрыта и не сразу проявляется. Но есть психические расстройства, полностью и стойко деформирующие личность. Если о ребенке можно сказать, что «он *еще* не личность», то о таком больном — «он *уже* не личность»: не случайно он не имеет права голоса и не подсуден.

Второй кардинальный вопрос о личности: все ли индивидуально психологические особенности, с которыми рождается человек, в дальнейшем развиваясь, усложняясь и дополняясь, входят в его личность?

На этот вопрос также существуют пока два ответа. Так, например, В. С. Мерлин, автор интереснейших и содержательных книг о темпераменте[8], исключает его, как и ряд других психических свойств человека, из понятия «личность». Вот фрагмент стенограммы нашей дискуссии с ним по этому вопросу.

«*Мерлин В. С.* — Темперамент не есть свойство личности. Под личностью я понимаю систему таких свойств, благодаря которым человек становится субъектом деятельности, активным деятелем, преобразователем природы, преобразователем общественной жизни, т. е. свойств, которые дают целевое направление преобразующей деятельности человека. Вот это и есть свойство личности. А свойства темперамента не определяют человека как субъекта. Одними и теми же свойствами темперамента могут обладать люди, играющие совершенно различную общественную роль, с различными направлениями деятельности. Свойства темперамента одни и те же, а лич-

---

[8] См.: *Мерлин В. С.* Очерки теории темперамента. М., 1967; 2-е изд. Пермь, 1973.

ности разные»[9]. Это абсолютизация только одной (пусть самой высшей и главной) подструктуры личности — направленности. Иногда абсолютизация связана с отождествлением личности с ее умом. К чему приводит такое понимание личности, явствует из вывода, сделанного Н. М. Амосовым: «Создание искусственного разума — вопрос только времени... Искусственный разум неизбежно превратится в личность... Поведение искусственной личности, даже если она будет умна, не обещает быть всегда „разумным“»[10]. Другие примеры абсолютизации отдельных свойств личности мы рассмотрим ниже, разобрав вторую точку зрения на личность и говоря о ее структуре.

Итак, в человеке есть только две основные (первого порядка) подструктуры: организм и личность. Личность — система иерархическая, в которой низшее субординировано высшему. В личность входят развивающиеся и изменяющиеся общие, особенные и индивидуальные психологические задатки, с которыми человек родился, еще не будучи личностью, и все особенности, приобретенные им в личном опыте. Основным атрибутом личности является ее неповторимость.

2. Определение личности

В соответствии с различными ответами на второй из отмеченных вопросов личность по-разному не только понимается, но и определяется. При этом, как будет показано ниже, некоторые распространенные определения личности вообще не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к дефинициям.

Еще Олпорт в 1937 г. насчитал более 50 определений личности[11]. Сейчас их стало еще больше. Но подавляющее большинство из них по существу определяет не личность, а человека. Как пример можно привести такое определение: «Личность — это человек в совокупности его социальных качеств, формирующихся в различных видах общественной деятельности и отношений»[12]. Но, посколь-

[9] Советская психология личности в свете ленинских идей. Пермь, 1971, с. 80.
[10] *Амосов Н. М.* Искусственный разум. Киев, 1969, с. 146, 152.
[11] См.: *Allport G. W.* Personality. A psychological interpretation. Chap. 11.— Definning Personality, 1937, p. 24—54.
[12] *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968, с. 26—27.

ку и человек не существует вне совокупности перечисленных качеств, это определение, имея начало «человек — это существо», было бы точным определением человека.

Вот другое определение: «Конкретный человек со всем его духовным содержанием, физическими качествами, психологическими особенностями, его индивидуальным значением в коллективе, ролью в общественном труде — составляет личность», и несколько ниже этот автор приводит таблицу роста, веса и объема груди так понимаемой им личности [13]. Через 15 лет он повторяет примерно это же определение личности и усугубляет ошибку непониманием, что общее, особенное и единичное присуще и человеку в целом, и его личности, считая, что «человек — собирательное понятие, личность — конкретный человек, со всеми его индивидуальными особенностями» [14].

Действительно, дать определение личности, не тождественное определению человека, нелегко. Нелегко, но необходимо, так как без этого нет и не может быть четкости в понимании личности. Ведь иначе понятия «человек» и «личность» действительно становятся синонимами и одно из них должно быть изъято из научного употребления, не терпящего синонимов. Но приведенные определения, как и ряд других, имеют общий недостаток — они неполны.

Даже «Философская энциклопедия» дает недостаточно четкую и полную формулировку: «Личность — человеческий индивид как продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества» [15]. Но человек — это тоже существо, являющееся продуктом общественного развития, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества. Притом здесь, как и в предыдущих определениях, упущено свойство «переживание», что очень обеднило понятие «личность». Те же недостатки присущи определению «Большой советской энциклопедии»: «Личность — человек как общественное существо, субъект познания и активного преобразования мира» [16]. Это определение не учитывает,

---

[13] *Феденко Н. Ф.* Очерки по психологии личности советского воина. М., 1966, с. 9, 39.

[14] *Феденко Н. Ф.* Проблема личности в психологии.— В кн.: Основы военной психологии и педагогики. М., 1981, с. 96.

[15] Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, с. 196.

[16] Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1964, т. 25, с. 304.

что личность не только познает и преобразует мир, но и переживает его.

Достаточно распространены разные варианты определения личности, иногда явно неверные. Так, на Пленуме Академии педагогических наук однажды было сказано: «Личность человека Маркс определил как совокупность общественных отношений» [17]. Б. В. Зейгарник также утверждает, хотя и не столь определенно, что в этих словах Маркса «мы находим определение личности» [18].

Мне уже приходилось писать [19] об ошибочности такого истолкования слов Маркса. Маркс не давал этого определения. В «Тезисах о Фейербахе» он писал: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [20]. Трактовать эти слова Маркса по силлогизму: «сущность человека есть совокупность общественных отношений; — сущность человека есть личность; — следовательно, личность есть совокупность общественных отношений» — элементарная логическая ошибка, т. к. понятия «сущность человека» в двух посылках не тождественны. Далее. Личность, и тем более каждая конкретная личность, это не только совокупность общественных отношений, и тем более не «всех общественных отношений».

Ошибочность этой точки зрения отмечал и И. С. Кон. «„Сущность человека" и „конкретная личность",— пишет он,— не одно и то же. Могу ли я, не погрешив против истины, назвать себя совокупностью всех общественных отношений, когда сфера моей (и вашей, и любого конкретного индивида) деятельности заведомо включает лишь незначительную часть этих отношений» [21].

Упорные попытки определить личность через деятельность и утверждение бесперспективности иных ее определений [22] также необоснованны [23]. Как и Б. Г. Ананьев,

---

[17] *Гончаров Н. К.* Некоторые теоретические предпосылки системы воспитательной работы в школе.— Сов. педагогика, 1965, № 5, с. 31.

[18] *Зейгарник Б. В.* Личность и патология деятельности. М., 1971, с. 127.

[19] См.: Личность и труд. М., 1965, с. 17.

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 3.

[21] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967, с. 9.

[22] См.: *Анцыферова Л. И.* Личность и деятельность.— В кн.: Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1969, т. 1, с. 441.

[23] См.: *Платонов К. К.* Проблемы способностей. М., 1972, с. 98—99.

я считаю, что субъектом деятельности является не личность, а человек в целом[24]. Парализованный летчик, сохранившись как личность (мне приходилось встречаться с такими), отчетливо представляя себе, как он совершает посадку самолета, все же не действует. Личность, как и сознание, необходимы для выполнения деятельности, но они для этого недостаточны, т. к. в деятельность должен быть включен и организм человека.

Б. Г. Ананьев в упомянутой монографии включил между феноменами «человек» и «личность» феномены «индивид» и «индивидуальность», с чем согласиться трудно.

Индивид — это конкретный человек как особь и единица общества. Нельзя забывать, что по отношению к стаду индивидом является конкретное животное. Маркс применял этот термин то к человеку в целом[25], то к нему как к личности[26], то как к организму[27], в зависимости от контекста.

Индивидуальное — это особенное в индивиде и только ряд индивидуальных особенностей (в частности, свойств личности) делает человека или личность — индивидуальностью, т. е. единичным. Ни одна индивидуальная черта сама по себе не делает личность неповторимой. Единичным в личности является индивидуальная структура личности, т. е. взаимосвязь индивидуальных свойств личности. Вместе с тем индивидуальность личности нельзя переоценивать, нужно помнить слова Ленина о том, «...что «индивидуальности» существуют не только в духовном, но и в физическом мире»[28]. Про «индивидуальности» не только людей, но и вещей[29] писал и Маркс. Вот почему попытку И. И. Резвицкого[30] рассмат-

---

[24] См.: *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968, с. 276, 319, 322 и др.; *Платонов К. К.* О человеке как предмете познания.— Вопр. психологии, 1970, № 3, с. 144—147.

[25] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19, 36, 440; т. 12, с. 709; т. 19, с. 19; т. 23, с. 195, 361; т. 26, ч. I, с. 123; т. 45, с. 509; т. 46, ч. I, с. 476; т. 47, с. 317—318.

[26] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 282, 392; т. 42, с. 27; т. 46, ч. I, с. 17.

[27] См., например: Из рукописи Карла Маркса «Критика политической экономии».— Вопр. философии, 1965, № 8, с. 130; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 19.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 430.

[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 218.

[30] См.: *Резвицкий И. И.* Философские основы теории индивидуальности. Л., 1973.

ривать индивидуальность не как свойство человека и личности, а как особый феномен человека, нельзя признать логически обоснованной и удачной. Есть индивидуальность личности, но есть индивидуальность и человека как организма. Причем, в первом случае индивидуальность есть свойство личности, а не рядоположенный с личностью феномен.

Индивидуальность человека как личности, если ее взять как целое, имеет три подсистемы:

индивидуальность его организма, без которого личность не существует;

индивидуальность процессуального в его психических свойствах (темперамента, форм отражения, уровня развития знаний и навыков, активности, направленности);

содержания отраженного и запечатленного.

Иными словами, именно потому, что личностью является человек в качестве носителя сознания, личность, как и сознание, имеет свое процессуальное и содержательное, обусловленное ее общественно-историческим развитием, которое и делает ее подлинно неповторимой.

В проблеме соотношения личностных и индивидуальных свойств есть и другая, не всегда учитываемая сторона. О ней четко сказал С. Л. Рубинштейн: «Свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, *чем* больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности* — это не одно и то же, что *личностные свойства индивида*, т. е. свойства, характеризующие его как личность»[31]. Личностные свойства человеческого индивида он понимал в качестве звена, стоящего между стимулом и реакцией, когда подчеркивал слова, уже ставшие хрестоматийными: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия»[32].

Только учитывая это положение, четко сформулированное С. Л. Рубинштейном, можно понять и личность, и индивидуальное как в человеке, так и в его личности! Только с позиции этого положения можно преодолеть функционализм в понимании личности. Вместе с тем в

---

[31] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 309.
[32] Там же, с. 308.

системе этих понятий можно понять и общность, и различие индивидуального и личного подхода к человеку.

Индивидуальный подход предполагает знание и учет конкретных индивидуальных особенностей данного человека в целом. Он осуществляется не только в отношении человека, немыслима без индивидуального подхода и современная ветеринария. В отношении человека индивидуальный подход может включать личностный подход, а может быть и шире его. Но, к сожалению, часто он осуществляется и без личностного подхода. О личностном подходе подробно будет сказано в главе XI. Здесь же отметим, что понятие индивидуального подхода связано с категорией единичного и случайного, в то время как понятие личностного — с категорией особенного как единства всеобщего и единичного [33].

Итак, несмотря на множество определений личности, большинство из них неудачно. Одни, не выдерживая требования определений, в равной мере относятся к человеку в целом, другие упускают существенные свойства личности. Определение личности через деятельность нелогично, так как деятельность, сама являясь функцией человека в целом, существенно зависит от личности.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение: *личность* — это конкретный человек как субъект преобразования мира на основе его познания, переживания и отношения к нему. Эту же мысль можно выразить и короче: личность — это человек как носитель сознания. Можно сказать и так: личность — это человек как субъект сознания.

Конечно, в обоих последних определениях сознание понимается не как пассивная субстанция в аспекте его понимания Фейербахом, а как активная высшая общественно-исторически обусловленная форма отражения, свойственная только человеку.

Оба последних, наиболее кратких, но наиболее емких определений могут рассматриваться не только как психологические, но и как пригодные и для других наук, изучающих личность.

---

[33] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Личностный подход как принцип психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 190—217.

3. Структура личности

Целостное понимание личности невозможно понять вне изучения ее структуры. С. Л. Рубинштейн, не употребляя еще термина «структура», по существу первым вплотную подошел к идее о структуре личности, возражая против ее аморфного понимания. Он писал: «В психическом облике личности выделяются различные сферы или области черт, характеризующие разные стороны личности. Они,— продолжал он далее,— взаимопроникая друг в друга, смыкаются все же в реальном единстве личности. Поэтому равно неправильны как та точка зрения, для которой единство личности выражается в аморфной целостности... так и другая, противоположная ей, которая видит в личности лишь отдельные черты» [34].

В этом положении предельно точно сформулированы возражения против двух ошибочных пониманий личности: гештальтистского и функционального. В первой фразе уже достаточно четко говорится о том, что в дальнейшем было названо структурой личности и ее подструктурами. Здесь уже подчеркивалось различие целостности и аморфности, но, как известно, понятию аморфности противопоставляется понятие структуры. В докладе на 1-ом съезде психологов в 1959 г. С. Л. Рубинштейн уже использовал этот термин, говоря о «структуре способностей» [35].

Из советских психологов первым начал применять термин «динамическая структура личности» Е. А. Аркин [36]. Однако он биологизировал это понятие и саму структуру личности. В. Н. Мясищев говорил о структуре личности с 30-х годов, но рассматривал ее только в качестве одной из сторон личности, наряду с направленностью, уровнем развития и ее динамикой. Он считал, что «структурная характеристика и освещает нам человека со стороны его целостности или расщепленности, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхности, преобладания или относительной недостаточности тех или иных психических функций» [37].

---

[34] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940, с. 518; М., 1946, с. 622.
[35] *Рубинштейн С. Л.* Проблема способностей и вопросы психологической теории.— Вопр. психологии, 1960, № 3, с. 10.
[36] *Аркин Е. А.* Личность и среда в свете биологии. М.; Л., 1927, с. 59, 211, 259.
[37] *Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л., 1960, с. 35.

«Из психических процессов на фоне состояний образуются свойства личности...,— писал А. Г. Ковалев.— В процессе деятельности свойства определенным образом связываются друг с другом в соответствии с требованиями деятельности, и образуются сложные структуры, к которым мы относим темперамент (система природных свойств), направленность (система потребностей, интересов и идеалов), способности (ансамбль интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств), характер (синтез отношений и способов поведения)» [38].

Если у В. Н. Мясищева структура распространяется только на одну из четырех сторон личности и структурный анализ распространяется только на «те или иные психические функции» и отношения, то А. Г. Ковалев, еще не употребляя понятия «подструктура», по существу уже выделяет их четыре.

Из изложенного видно, что единого понимания структуры личности в советской психологии еще нет, но идет активный поиск с самых различных позиций. Если на Всесоюзном совещании по проблемам личности 1956 г. ни в одном названии доклада не было слов «структура личности», а в тексте им пользовались только некоторые докладчики, то на симпозиуме по проблемам личности 1970 г. в 11 названиях докладов фигурировали эти слова. Но единопонимания эти 11 докладов не внесли.

Начиная с 50-х годов я занимаюсь разработкой с позиции системно-структурного подхода концепции динамической функциональной структуры личности, стремясь к возможно большему ее уточнению. Ее схема представлена на с. 196.

Динамическая, функциональная (можно добавить — психологическая) структура личности имеет четыре подструктуры. Выделяются они, исходя из следующих критериев:

— из необходимости и достаточности для включения в них всех элементов, являющихся свойствами личности;

— из уже общепринятых и практически оправдавших себя классификаций свойств личности и психологических понятий;

— из обратной пропорциональности градиентов социальной и биологической обусловленности как отдельных

---

[38] *Ковалев А. Г.* Психология личности. Л., 1963, с. 39; М., 1965, с. 41.

Схема иерархии основных рядоположенных подструктур как уровней личности, на которые накладываются подструктуры ее характера и способностей

№№	Краткое название	Подструктуры подструктур	Соотношение социального и биологического	Основные связи с отражением	Основные связи с сознанием	Основные связи с потребностями	Основные связи с активностью	Специфические виды формирования	Необходимые уровни анализа
1.	Направленность	убеждения, мировоззрение, идеалы, склонности, интересы, желания	биологического почти нет	отношение к отражаемому на основе опыта	в основном осознание будущего	через отражение социальной нужды	через склонности и убеждения	воспитание	социально-психологический
2.	Опыт	привычки, умения, навыки, знания	значительно больше социального	содержание форм отражения	необходимость осознания	через привычки	через волевые навыки	обучение	психолого-педагогический
3.	Психические процессы	воля, чувства, восприятия, мышление, ощущение, эмоции, память	чаще больше социального	формы психического отражения	в основном осознание настоящего	через нужду личности	через эмоции и волю	упражнение	индивидуально-психологический
4.	Биопсихические свойства	темперамент, половые, возрастные, патологические и фармакологически обусловленные свойства	социального почти нет	механизмы психического отражения	только стиль осознания	через биологическую нужду	через силу и подвижность нервных процессов	тренировка (повторение)	психофизиологический, нейропсихологический

свойств личности, так и объединяющих их подструктур;

— из специфических видов формирования каждой из этих подструктур;

— из генетического их понимания в филогенезе и наблюдаемого в онтогенезе.

В эти четыре основные иерархически рядоположенные подструктуры личности могут быть уложены все известные свойства (и черты) личности. Число последних очень велико. Так, только в Словаре русского языка С. И. Ожегова[39] среди 52 тысяч включенных в него слов можно насчитать около 1300 слов, определяющих свойства личности[40]. В грузинском языке их больше — около 4 тысяч. В болгарском языке, по подсчету П. Василева, их около 2,5 тыс.[41]

Эта структура *основная,* потому что кроме этих четырех рядоположных основных подструктур есть еще две наложенные на них подструктуры — характер и способности. Она является общей потому, что свойственна любой без исключения личности и потому, что каждая конкретная личность имеет свою *индивидуальную* (единичную) структуру. Личности могут быть по различным признакам сгруппированы в *типовые структуры*, что было показано в ряде специальных исследований. Она является *динамичной* потому, что изменяется у каждой конкретной личности с раннего детства до самой смерти. Наконец, эта структура — *функциональная* потому, что и целое и ее элементы не морфологичны, а функциональны.

Вместе с тем данная структура только форма личности, ее *процессуальная* сторона, которая у каждой конкретной личности в ее индивидуальной структуре и типовой структуре групп наполняется различным *содержанием.* Содержание различно у одной и той же личности на различных этапах ее индивидуального развития. Чем более развита личность, тем в большей мере содержание высших этапов субординирует низшие. Таким образом

---

[39] См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1952.

[40] Часть из них опубликована в алфавитном списке, приложенном к моей статье «Черты личности и черты характера» (Сред. спец. образование, 1973, № 2, с. 45—46), и более полно — в приложении 3 в кн.: *Платонов К. К., Голубев Г. Г.* Психология. М., 1977, с. 237—240.

[41] Этими данными П. Василев дополнил перевод моей статьи на болгарский язык. См.: Психология на комунистическото възпитание.— Пробл. на ком. възпитание, 1975, № 2, с. 48.

уровни личности одновременно являются и этапами развития ее. Подробней об этом речь пойдет в главе X.

Одним из косвенных и своеобразных доказательств реальности динамической функциональной структуры личности является абсолютизация (т. е. подмена частью целого) каждой из ее подструктур, четко проявившаяся в истории отечественного учения о личности.

Старая функциональная психология и опирающаяся на нее психотехника отождествляли личность только с ее третьей подструктурой — отдельными психическими функциями. Наиболее отчетливо это проявилось в так называемых профилях личности — частоколе рядоположенных столбиков с результатами замеров отдельных функций: память, внимание, сообразительность и т. д.

В конце 30-х — начале 40-х годов, после справедливой, но не всегда правильно понятой ликвидации педологии личность стала отождествляться только с ее второй подструктурой — опытом. Культурно-историческая теория Л. С. Выготского была сведена к утверждению эквипотенциальности всех новорожденных. Вот типичное высказывание, отражающее эту точку зрения: «...Каждый здоровый, нормальный человек получает от родителей «полный набор» задатков всех человеческих способностей». Это слова врача. Но такова же точка зрения и философа Э. В. Ильенкова, признававшего эквипотенциальность новорожденных [42].

В 50-х годах известное распространение получила *биологизация личности* и ее отождествление с четвертой подструктурой — с типом нервной системы.

Как реакция на биологизаторские тенденции в понимании личности в 60-х годах появились попытки отождествления личности только с ее первой подструктурой, приводящие к ее *вульгарной социологизации.* Для примера можно взять такое высказывание: «Каждый может при идеальных условиях овладеть *любой* деятельностью и выполнять ее по-своему, оригинально, с элементами творческой новизны» [43]. Или другое: «Личность как свойство

---

[42] См.: *Алякринский Б. С.* Некоторые аспекты теории летных способностей.— В кн.: Авиакосмическая медицина. М., 1967, с. 222; *Ильенков Э. В.* Психика и мозг.— Вопр. философии, 1968, № 11; *Платонов К. К.* Социальное и биологическое в структуре личности.— Вопр. философии, 1970, № 9, с. 141—147.

[43] *Сазонтьев Б. А.* Модель равноценной одаренности людей.— В кн.: Материалы конференции по проблеме способностей. М., 1970, с. 7.

человека быть включенным в систему общественных отношений социально полностью: *в ней нет ни грана биологического*»[44]. В обоих случаях курсивом выделено авторами. Эти односторонние и потому ошибочные взгляды на личность, не учитывающие иерархию ее подструктур, своеобразно косвенным образом подтверждают объективность наличия всех четырех психологических подструктур личности.

Не останавливаясь на детализации системы понятий, которые разбираются в любом учебнике психологии, упомяну лишь о системе качеств направленности: ее уровне, широте, интенсивности, устойчивости, действенности[45] и иерархической системе ее свойств: влечение, желание, интересы, склонности, идеалы, мировоззрения, убеждения.

Здесь уместно остановиться и на двух, до сих пор спорных, вопросах. Первый — это соотношение в индивидуальном сознании мировоззрения и убеждения. Философы иногда считают, что убеждение входит в мировоззрение, что нашло отражение в статье А. Г. Спиркина в Философской энциклопедии. Но психологически мировоззрение личности входит в структуру убеждений и может не подняться до его уровня, так как *убеждение* — это высший уровень направленности личности — активное мировоззрение, проявляющееся в борьбе за свои идеи[46].

Этот вопрос связан с идеологической функцией психологии (см. главу XIII). Ведь если *мировоззрение* личности взять как целое, то оно, повторяя три атрибута сознания, также имеет три подсистемы: *мироощущение* (которое точнее назвать «миропереживание»), *миропознание* и *мироотношение*. Последнее наиболее отчетливо выражается в отношениях к себе, другим людям и труду. Их Б. М. Теплов (а за ним многие учебники) связывал с характером, что не совсем точно, так как эти отношения могут еще и не стать чертами характера.

---

[44] *Косарев А. Ф.* К философскому пониманию теории человека.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1970, с. 42.

[45] См.: *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948, с. 155—157.

[46] Подробней см.: *Платонов К. К., Адаскин Б. И.* Об изучении и формировании личности учащегося. М., 1966, с. 59—60; *Платонов К. К.* О взаимодействии интеллекта и мировоззрения в структуре личности.— В кн.: Формирование коммунистического мировоззрения на основе комплексного подхода к обучению и воспитанию. М., 1979, с. 234—239.

Характер и *способности* не имеют собственных черт, которые бы не были одновременно и свойствами личности, одной из ее четырех подструктур. Любая черта характера — это свойство личности, хотя не каждое свойство личности есть обязательно черта характера. Для того, чтобы свойство личности могло рассматриваться как черта характера, оно должно быть не только достаточно отчетливо выражено, но и четко и прочно связано с рядом других черт характера и, главное, закономерно и систематически проявляться не в одном, а в различных видах деятельности человека.

В обзорной статье посвященной проблеме характера, В. А. Крутецкий писал: «Проблему характера нельзя отнести к числу детально разработанных. Это — сравнительно мало исследованная область»[47]. А через 10 лет Н. Д. Левитов отмечал, что после «периода повышенного интереса к характерологии в советской науке произошло достаточно резко выраженное падение интереса»[48]. По-видимому, есть все основания утверждать, что характерология в старом ее понимании зашла в тупик. Считая себя наукой, параллельной теории личности, если не стоящей над ней, старая характерология искала свойства характера, якобы расположенные рядом с другими свойствами личности, в том числе и со способностями.

Характерологи, в том числе такие известные, как Н. Д. Левитов, В. С. Филатов, в своих работах не указывают на различие между свойствами личности и чертами характера. В их содержательных и полезных книгах[49] речь идет о личности в целом, а не только о характере, и потому характерология сливается с психологией личности. Пересмотрев подход к изучению характера, можно восстановить характерологию как часть теории личности. Характер следует рассматривать как структуру, не рядоположенную с четырьмя основными подструктурами личности, а наложенную на нее по принципу: характер — это каркас личности. Работа молодого туркменского пси-

---

[47] Крутецкий В. А. Проблемы характера в советской психологии.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М., 1960, т. 2, с. 47.

[48] См.: *Левитов Н. Д.* Проблема характера в современной психологии.— Вопр. психологии, 1970, № 5, с. 12.

[49] См.: *Левитов Н. Д.* Характер и его формирование. М., 1950; *Он же.* Вопросы психологии характера. М., 1956, 1965; *Филатов В. С.* Учение о характере и его формировании в условиях социалистического общества. М., 1960.

холога Б. Басарова, написанная с этих позиций, выводит характерологию из тупика, поскольку характер рассматривается им как отражение общественного бытия [50].

Учение о *способностях*, несмотря на то, что это понятие включено в Конституцию СССР, также еще имеет немало спорных трактовок и нерешенных проблем [51]. Многие психологи до сих пор не могут отказаться от взгляда, что «способности (психические) — это прежде всего умственные, интеллектуальные свойства, а также некоторые функциональные особенности анализаторов» [52]. Вряд ли в эту концепцию можно уложить способности младших школьников и уж никак нельзя способности летчиков, организаторов, оперативных или цирковых работников.

Еще хуже, что до сих пор теряются силы и время на попытки найти возможности практически реализовать слова: «Превращение некоторых психических процессов и свойств в способность ведет не только к изменению их психологической структуры. Развитие психических свойств и процессов до уровня способностей означает превращение данного индивида в активную, сознательно действующую силу» [53]. Любое свойство личности «превращается» в *потенциальную* способность (а точнее ею становится), как только выявляется степень соответствия личности, в структуру которой оно входит (или недостаточно входит), с деятельностью, для качественного выполнения которой это свойство необходимо. И эта потенциальная способность «превращается» в *актуальную* как только личность начинает выполнять данную деятельность. Тогда это свойство личности, став актуальной способностью, начинает в этой деятельности и проявляться и развиваться. Никаких других «превращений» свойств личности в

---

[50] См.: *Басаров Б.* Вопросы психологии характера./Под ред. К. К. Платонова. Ашхабад, 1977.

[51] См.: Материалы конференции по проблемам способности. М., 1970; *Платонов К. К.* О системе психологических понятий, включенных в Конституцию СССР.— В кн.: Вопросы психологии труда и эргономики. Ярославль, 1978, с. 3—21.

[52] *Лейтес Н. С.* Проблемы способностей.— Вопр. психологии, 1974, № 6, с. 138.

[53] *Артемьева Т. И.* Социальная обусловленность развития способностей.— В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974, с. 186.

способности никто никогда не получал, а попытки показать эти «превращения» приводят к противоречиям [54].

Надо помнить, что понятие «способность» входит не только в категорию «личность», но и в категорию «деятельность». «Присвоение определенной совокупности орудий производства,— писали Маркс и Энгельс,— равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов» [55]. Н. В. Кузьмина придерживается точки зрения, согласно которой, способности — это отражение в личности структуры деятельности [56], к сожалению, не развивая дальше этой своей концепции. А ведь способность тем, и только тем, отличается от других свойств личности, что каждая конкретная деятельность из всего многообразия свойств личности как бы «выбирает» только нужные для ее успешного выполнения. Это — в абстракции. У каждой же конкретной личности такой «выбор» дополняется индивидуальными возможностями компенсации.

Способности — это система свойств личности, входящих в ее четыре основные подструктуры, но только тех из них, которые нужны для освоения определенной деятельности, выполнения ее и совершенствования в ней. Здесь написано «система», а не «структура» потому, что способности — понятие не только психологическое, но и социологическое, что ранее других увидела В. В. Москаленко [57]. В различных социальных условиях меняется профпригодность человека (например, в мирное и в военное время), а следовательно, в известной мере меняется и оценка способностей личности, хотя ее индивидуальная структура может и не изменяться.

Есть основание различать четыре типа способностей: *общие* — присущие, хотя и в разной степени, всем людям, и *особенные* — присущие не всем; *элементарные*, уже разобранные формы отражения, и *сложные*. Общими сложными способностями являются способности к ос-

---

[54] Достаточно сопоставить указанные страницы: *Артемьева Т. И.* Методологический аспект природы способностей. М., 1977, с. 5—49, 7—136, 21—43, 49—75, 51, 84—118, 76—93, 96—102.

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 68.

[56] См.: *Кузьмина Н. В.* Очерки психологии труда учителя. Л., 1967, с. 140.

[57] См.: *Москаленко В. В.* Некоторые проблемы социологического аспекта учения о способностях. Канд. дис. филос. наук. Одесса, 1967.

новным общим видам человеческой деятельности: к труду, игре, учению, общению и т. д. Сложные особенные — это те роды способностей (психомоторные, музыкальные, вокальные, артистические, художественные, технические, математические, литературные, научные, педагогические, организаторские, нравственные, правоправные), которые специфически проявляются в различных профессиональных способностях.

Сколь ни велико значение способностей, для практики еще более существен феномен *призвания*, подструктурами которого являются соответствующая направленность в виде интересов и стремлений к определенной деятельности и самооценка своих способностей к ней. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин часто использовали этот термин[58]. Но только в последние годы призвание стало объектом широкого изучения психологией.

Существенный недостаток современного состояния учения о способностях состоит в разрыве между понятиями «способность» и «неспособность». *Неспособность* к данной деятельности не есть только «отсутствие способностей к ней». Способность и неспособность каждой конкретной личности неразрывно связаны. Для психологической науки их изучение и оценка — единая проблема, до сих пор нередко неправомерно разрываемая и решаемая односторонне. Способность и неспособность — полярны, а полярность — один из видов противоречий. Полярные явления, противореча друг другу, вместе с тем немыслимы друг без друга. Игнорирование полярности способностей и неспособностей тормозит раскрытие их диалектической структуры.

Это, в частности, было видно по той настороженности, с которой была встречена постановка проблемы способностей в нравственной и в правоправной деятельности[59]. Говоря о том же феномене, юристы предпочитают выражать его более общим образом: «Порог, преодолеваемый при совершении преступления» определяется свойствами личности[60] или: «Совокупность таких характеристик ин-

---

[58] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 282; т. 42, с. 149; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с 169.

[59] *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. М., 1970, с. 241—242; *Он же.* Проблемы способностей. М., 1972, с. 187—194.

[60] См.: *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. М., 1968, с. 130—131 и др.

дивидов, которые входят в противоречия с социальным и моральным правом»[61]. Сейчас предложенное понимание этих способностей уже вошло в учебники[62].

Проблема своеобразия способностей и характера была поставлена Б. Г. Ананьевым еще в 1945 г.[63] Эти психологические феномены, обозначаемые соответствующими частнопсихологическими категориями, С. Л. Рубинштейн также выделял из остальных свойств личности[64]. Есть основания считать, что эти два общих качества личности совпадают в их достаточно высоком развитии: способности, развитые до таланта, становятся характером личности[65–66].

Итак, попытки понять структуру личности, не учитывая иерархии ее подструктур, одновременно являющихся уровнями личности, оказываются малоэффективными. Не дает и не может дать результата подход, основанный на абсолютизации любой из подструктур. Концепция динамической функциональной структуры личности, не получившая ни одного серьезного возражения и положенная в основу изучения и формирования личностей воинов Советских Вооруженных Сил[67], по крайней мере пока наиболее согласована с общей системой психологических понятий. Она предусматривает четыре иерархически рядоположенные основные подструктуры: биологические свойства; психические процессы, понимаемые как формы отражения, опыта, направленности. В эти основные и две наложенные на них подструктуры (характер и способности) укладываются все свойства личности. Так понимаемая структура личности дает возможность формализовать отдельные свойства, входящие в эти подструктуры, и оценивать их методом полярных баллов[68]. Это, в свою оче-

---

[61] *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология. М., 1971, с. 34.

[62] См.: *Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф.* Исправительно-трудовая психология. М., 1974, с. 241—243.

[63] См.: *Ананьев Б. Г.* Очерки психологии. Л., 1945, с. 131.

[64] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 289.

[65–66] См.: *Платонов К. К.* Способности и характер.— В кн.: Теоретические проблемы психологии личности / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1974, с. 187—208.

[67] См.: Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах: Учебник для слушателей военных академий. М., 1979, с. 152—157.

[68] Об этом методе и его применении см.: *Платонов К. К., Голубев Г. Г.* Психология. М., 1977, с. 22—23, 228—236.

редь, позволяет не только сопоставлять одну личность с другой, но и, обобщая ряд формализованных данных об отдельных личностях определенной группы, сравнивать эти группы между собой[69]. Характер и способности не являются рядоположенными четырем основным подструктурам, поскольку ни характер, ни способности не имеют ни одного свойства, которое в то же время не было бы свойством личности, входящим в одну из четырех основных подструктур.

Следует оговорить, что концепция динамической функциональной структуры личности конструирует только процессуальную форму личности, неповторимую индивидуальность личности, определяет ее содержание.

*

Категория «личность» становится объектом изучения всех гуманитарных наук. Но ни одна из них не изучает ее так разносторонне и глубоко, во всех ее проявлениях, связях и опосредствованиях, как психология. Тенденция противопоставить философское и психологическое понимание этой категории, а следовательно и ее определение ошибочна. Марксистская психология конструирует свое единое с философией понимание личности, и с ее пониманием должны согласовывать свое понимание другие науки, которые изучают личность в ее различных связях и опосредствованиях. Вместе с тем психологическое понимание личности должно обогащаться за счет данных, получаемых этими науками.

Существующие определения, а следовательно, и понимания личности, иногда не различают личности и человека, иногда отождествляют личность только с какой-либо одной (чаще с ее высшей, но не единственной) ее подструктурой. Поэтому они не могут (и обычно не пытаются) быть включены в единую систему психологических понятий. В эту систему входит определение: личность — это человек как носитель сознания.

Ребенок рождается, уже имея индивидуально-психологические особенности, которые в процессе его общения с другими людьми становятся его все более развивающимся сознанием, а он, по мере этого, становится все более

[69] См.: Психологические структуры личностей различных групп / Под ред. К. К. Платонова. М., 1981. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, 1981, № 8424.

разносторонней, а при правильном воспитании и гармонично развитой личностью. Поэтому необходимо различать «минимум личности» и «минимум социальной зрелости личности». Каждый взрослый и психически здоровый человек — личность, но личность эта неповторима и индивидуальна.

Личность — не аморфна, а структурированна. Ее подструктуры одновременно и ее иерархические уровни, связанные по многим параметрам. Концепция динамической функциональной структуры личности может, пока не предложена лучшая, считаться наиболее теоретически обоснованной и включенной в общую систему понятий и потому уже практически «работающей».

Личность является отражающей системой, преломляющей воздействия внешнего мира в деятельность человека, о которой речь пойдет в следующей главе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Деятельность как психологическая категория

1. Сущность деятельности

Личность, как и сознание, формируется в деятельности. При этом их взаимодействии деятельность является причиной, а формирование сознания и личности — следствием. Но если это взаимодействие рассматривать в других его аспектах, то причина и следствие меняются местами. Так, в процессе раннего антропогенеза поведение животного гоминида становилось деятельностью первобытного человека как следствие все большего осознания целей поведения. В процессе деятельности «человек... осуществляет... свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий» [1].

Сложное единство сознания и деятельности с меняющимися в ходе взаимодействия причинно-следственными связями в свете теории отражения определяет сущность деятельности и объясняет, почему категорию деятельности можно продуктивно анализировать, только опираясь на анализ категорий, предшествующих ей и в генетиче-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

ском и в логическом планах. Поэтому позиция А. Н. Леонтьева, согласно которой деятельность рассматривается на уровне «субстанции сознания», причем в это понятие включается и поведение животных, расширительное толкование деятельности как феномена любого взаимодействия живого индивида со средой, и даже как свойства материи [2], представляется неверной.

Особо следует остановиться на попытке рассматривать деятельность как среднее звено, стоящее между S и R в классической формуле бихевиоризма [3]. Например, А. Н. Леонтьев пишет: «С точки зрения проблемы детерминации психики... мы встаем... на позицию, утверждающую, что сознание определяется общественным бытием людей, которое, по выражению Маркса, есть не что иное, как реальный процесс их жизни [4]. Процесс жизни представляет собой совокупность, точнее, систему сменяющих друг друга деятельностей. В деятельности и происходит превращение объекта в его субъективную форму, в образ, а вместе с тем совершается также переход деятельности в ее объективные результаты, в ее продукты» [5]. Приведенные положения могут быть поняты так, что сознание отражает «деятельность, точнее, систему сменяющих друг друга деятельностей» [6], как внешний мир. Но «превращение объекта в его субъективную форму, образ», согласно теории отражения, является сутью процесса отражения и получения продукта этого процесса — образа. Но если, как говорится в приведенном отрывке, это «в деятельности и происходит», то деятельность здесь выступает уже не как отражаемое, а как отражающая система (промежуточное звено между S и R), в которой совершается переход бесспорно объективных «окружающих вещей и явлений» в отраженный субъективный образ. Возникает вопрос, если изложить эту концепцию на языке понятий теории отражения, чем является дея-

---

[2] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность и сознание.— Вопр. философии, 1972, № 12, с. 140; *Он же.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 157.

[3] *Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в психологии.— Вопр. философии, 1972, № 9, с. 97.

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 25 (сноска А. Н. Леонтьева).

[5] *Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в психологии.— Вопр. философии, 1972, № 9, с. 97—98; *Он же.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 81.

[6] Здесь и далее формулировки цитированного основного положения, с. 81.

тельность — отражаемым или отражающей системой. При этом оказывается, что понятием «деятельность» здесь подменяется то среднее звено, которое представляет собой активность личности как носителя сознания, которая, не будучи тождественна деятельности, в единстве с ней изменяет мир. Очевидно, все недостатки этой концепции, где понятие «деятельность» подменяет более широкое понятие «активность», обусловлены тем, что эта концепция недостаточно последовательно опирается на теорию отражения. Ведь активность как всеобщее свойство материи определяет различные уровни реагирования и целеобразования, а деятельность, и тем более коллективная, включает только ее высшие формы проявления. Наделять деятельностью животных, как это делает А. Н. Леонтьев [7], оснований нет.

Теперь общепризнанный принцип единства сознания и деятельности помогает понять, почему категория деятельности иерархически субординирована категориями личности и сознания. Личность взаимодействует как с сознанием, носителем которого она является, так и с деятельностью, в процессе которой она и проявляется, и формируется. Единство сознания и деятельности осуществляется именно через личность и потому понимание деятельности возможно только на основе личностного подхода к ней. Взаимодействие личности и деятельности диалектично и в процессе этого взаимодействия они могут выступать то причиной, то следствием друг друга. Личность как причина осуществляет деятельность как следствие, в процессе которой как причина она проявляется и формируется как следствие.

Генетически личность развилась в филогенезе и развивается в онтогенезе не только под влиянием деятельности, но и одновременно с ней, а также с сознанием, речью и понятийным мышлением в результате общения в коллективном труде, а на более ранних этапах онтогенеза в процессе его аналога — коллективной игры. Именно через личность свойственное животным поведение, имеющее в качестве системообразующего звена психику, становится сознательной деятельностью.

Генетический подход позволяет обнаружить четкую иерархию уровней системообразующих звеньев, иерархии

---

[7] См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд., М., 1977, с. 85, 93, 140, 186.

форм реагирования и регулирования более низких уровней. Ошибкой бихевиоризма было отнюдь не обращение внимания на систему S — R, а игнорирование третьего, промежуточного, звена этой системы, т. е. отражающих систем, которые обеспечивают психическое отражение и в поведении животных, и в деятельности человека.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнения, что «в процессе развития первичное живое существо могло «отстоять» право на существование только через приспособление своей организации к внешним факторам и через выработку таких форм реакции, которые позволили этим примитивным существам избежать вредных воздействий, несовместимых с жизнью» [8],— писал П. К. Анохин. Понятие реакции и реагирования распространяется и на неживую природу. Иерархия реагирования укладывается в систему форм реагирования, представленную на схеме (с. 210), читать которую лучше снизу вверх.

Систему форм реагирования нужно уточнить несколькими определениями входящих в нее понятий и терминов. *Реакция* — это ответ на внешнее для системы воздействие. Цепные реакции свойственны и неживой природе, выше их не поднимающейся по иерархической лестнице реагирования. Реакция возникает как результат процесса взаимодействия. «Внутренние изменения во взаимодействующих телах, адекватное воздействие извне, необходимое для ответного реагирования тела на внешний фактор, представляют собой процессы отражения» [9],— пишет Н. В. Медведев. С этим положением нельзя не согласиться. Поведение есть более высокая форма реагирования, свойственная только организмам.

Поведение — последовательность целесообразных двигательных реакций как форма взаимодействия организма и среды. Оно появляется уже на уровне растений, когда изменчивость и естественный отбор обеспечивают возникновение генетически закрепленной целесообразности, обеспечивающей сохранение видов. Но растения не поднялись в реагировании выше тропизмов, определяемых биохимическими реакциями в тканях. Отсутствие нервной системы определило отсутствие возбуждения, проводимость сигналов и их превращение в движение.

---

[8] *Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968, с. 11.

[9] *Медведев Н. В.* Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. М., 1963, с. 6.

Схема

Объекты	Высшие доступные классы	
	целеобразования	реагирования
Общество	общественные цели	общественные действия
Человек	научаемость цели как осознаваемому будущему	деятельность, обеспечиваемая сознанием
Вторичноротые животные	научаемая целесообразность, обеспечивающая выживание индивида	научаемое поведение, обеспечиваемое психикой
Первичноротые животные	генетическая целесообразность, обеспечивающая выживание индивида	инстинктивное поведение, обеспечиваемое нервизмом
Растения	генетическая целесообразность, обеспечивающая выживание вида	тропизмы как биохимическое поведение
Неживая природа	нет	цепные реакции

Взаимодействие сетчатой нервной системы и подвижного образа жизни животных дали две формы дальнейшего развития реагирования, определившиеся различием раннего эмбриогенеза еще на стадии гаструлы. Комиссуральная нервная система первичноротых смогла обеспечить, помимо вегетативных и половых функций, только хорошо развитые двигательные реакции. Но ее функции ограничены инстинктивным генетически закрепленным целесообразным поведением, хотя и обеспечивающим сохранение не только вида, но и индивида. Трубчатая нервная система вторичноротых, помимо обеспечения сетчатых и комиссуральных нервных систем, смогла обеспечить эволюцию способностей научения и подъем поведения на более высокую ступень иерархической лестницы, сохранив жизненно важные свойства предыдущих уровней.

Но только человеку присущ высший класс целеобразования, т. е. научаемость осознанным целям, прогнозирующим будущее. Иными словами, опережающее отражение, свойственное всему живому, у человека приняло вид той формы психического отражения, которую в пси-

хологии называют волей. *Воля*, направляемая осознанной целью и стремлением к ее достижению, определяет форму реагирования, называемую деятельностью.

Деятельность — высший иерархический класс реагирования, возникающий в процессе развития психики, свойственном только человеку. Это форма взаимодействия человека и мира, при которой человек ставит осознанные цели, обеспечивающие осознанное будущее, и достигает их. Деятельность — функция человека в целом, осуществляемая им с помощью орудий труда, использование которых и сделало человека человеком. На современном уровне орудия труда стали машинами. Хотя, конечно, деятельность может протекать и без машин, и без орудий. Системой, отражающей воздействия внешнего мира (стимулы), которые детерминируют деятельность и определяют ее результаты, является *личность*.

Есть все основания считать, что приведенная система понятий включает деятельность не только в объективную иерархическую систему форм реагирования, но и в систему понятий теории отражений. Но, как видно из анализа концепции А. Н. Леонтьева, так деятельность понимается далеко не всеми отечественными психологами. Более того, в советской психологии пока нет общепринятого определения деятельности. С. Л. Рубинштейн в 1935 г. писал: «Деятельность и сознание не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство» [10]. Это положение требовало дальнейшего уточнения, но в дальнейшем С. Л. Рубинштейн ограничился определением: деятельность — это «процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру — другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» [11].

А. Н. Леонтьев до уже упоминавшейся книги (1975 г.) раскрывал деятельность тоже через отношения. «Мы называем деятельностью не всякий процесс,— писал он,— ...этим термином мы обозначаем только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности» [12]. Нельзя не отметить, что этого термина нет и

[10] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935, с. 51.
[11] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 256—257.
[12] *Леонтьев А. Н.* Проблема развития психики. 2-е изд. М., 1964, с. 509—510.

в «Философской энциклопедии». Л. И. Анцыферова ни в статье [13], ни в докладе [14], специально посвященным проблеме деятельности, также не дает определения этого понятия и не показывает его места в системе психологических понятий.

Г. С. Костюк в «Педагогической энциклопедии» пишет, что «Деятельность — это важнейшая форма проявления активного отношения человека к окружающей действительности» [15]. Это понимание деятельности близко пониманию, данному в Философском словаре,— «Деятельность в философии — специфически-человеческий способ отношения к миру — «предметная деятельность» (Маркс) представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы — объектом своей деятельности». Это удачное философское определение деятельности ниже уточняется: в психологии — «понятие, характеризующее функцию индивида в процессе его взаимодействия с окружающим миром» [16].

Нечеткость понимания и применения понятия «деятельность» усугубляется тем, что, наряду с психологическим понятием «сознательная деятельность», сокращаемым в контексте психологических работ до термина «деятельность», существует и биологическое понятие — «жизнедеятельность», сокращаемое в контексте биологических работ до того же термина «деятельность».

Биология понимает под *жизнедеятельностью* взаимодействие организма (или его органа) и среды, в процессе которого организм поддерживает свою жизнь и жизнь рода. Внешние условия среды, опосредуясь внутренними условиями, определяют различного рода двигательные и секреторные ответные реакции. Отдельные подсистемы организма по-разному реагируют на условия среды, определяя разные формы их деятельности и жизнедеятельность организма в целом. Эта жизнедеятельность, понятно,

---

[13] См.: *Анцыферова Л. И.* Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.

[14] См.: *Анцыферова Л. И.* Личность и деятельность.— В кн.: Проблема личности: Материалы симпозиума. М., 1969, с. 441—442.

[15] Педагогическая энциклопедия. М., 1964, т. 1, с. 709.

[16] Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина, 2-е изд. М., 1968, с. 96.

не является предметом изучения психологии, но без включения ее в единую систему понятий трудно найти место и сознательной деятельности человека. Ведь если бы последняя не была высшей формой жизнедеятельности, она не могла бы развиться в филогенезе.

Рассмотренные в V главе формы психического отражения — это одновременно и элементарные общие способности, и *элементарные общие* (т. е. присущие всем полноценным людям) виды психической деятельности. Но к числу последних принадлежат и три рассмотренные в VI главе частнопсихологические категории: потребности как пусковой толчок, внимание как организация и психомоторика как объективизация психической деятельности. На их общей основе формируется любая *предметная деятельность* — функция уже не личности, а человека в целом. Именно так Маркс понимал трудовую деятельность: «Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд» [17]. Приведенное положение К. Маркса показывает несостоятельность попыток связывать непосредственно деятельность с личностью, то представляя ее функцией личности, то определяя личность через нее.

Человеческая деятельность (синоним — сознательная деятельность, а в контексте психологических работ — просто деятельность) — это такая форма взаимосвязи человека со средой, в которой человек осуществляет сознательно поставленную цель.

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс ввел очень мало разработанное и в философии и в психологии понятие *практически-критическая деятельность*. Психологическая структура ее обобщает предметную деятельность с активностью субъекта к окружающему миру. Чуть ли не единственный психолог, разрабатывающий эту проблему, М. И. Смирнов пишет, что если бы наше отражение было бы не преобразующим, а объективно точным, если бы оно давало только фотографическую копию действительности, не было бы необходимости в проверке истинности его данных. Но тогда человек не мог бы выступать в роли сози-

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 516.

дателя. Опираясь на понимание Марксом соотношения познания и практически-критической деятельности, Смирнов предлагает систему взаимосвязей, с которой нельзя не согласиться: «Объективные обстоятельства; — предметные (объективные) связи с ним человека; — отражение объектов (преобразующее, в идеальном плане, отражаемое в соответствии с потребностями); — предметные действия, изменяющие обстоятельства соответственно потребностям личности; — обстоятельства, измененные действиями человека; — новые предметные связи человека с ним; — вновь преобразующее отражение обстоятельств и т. д. на новом уровне» [18].

Сознание, личность и деятельность — три теснейшие взаимосвязанные общепсихологические категории, отражающие три взаимодействующие феномена, которые определяют специфические свойства человека, отличающие его от животных предков. Их единство нередко подменяется их тождеством или односторонней причинно-следственной связью. Эта ошибка объяснима, потому что в их взаимодействии отчетливо проявляется весьма сложное свойство взаимодействия, на которое указывали Гегель и Энгельс, а именно диалектика перехода причины и следствия друг в друга.

Итак, деятельность — это высшая из форм активного реагирования, свойственных материи. Сознательная человеческая деятельность (обычно сокращаемая в психологическом контексте до слова «деятельность») — это такое взаимодействие человека с окружающей средой, в котором он сознательно достигает сознательно поставленные цели. Адекватное понимание отражательной сущности деятельности требует раскрытия ее структуры.

2. Психологическая структура деятельности

Согласно системно-структурному подходу, деятельность, как и другие психологические феномены, имеет свою структуру. Общая психологическая структура, применимая к любой деятельности, может быть представлена следующей схемой:

цель→мотив→способ→результат

Деятельность начинается с осознания объективной

---

[18] *Смирнов М. И.* Еще раз о психологии личности.— Вопр. психологии, 1969, № 6, с. 128.

цели как отражаемого, ибо цель деятельности как психическое явление — это не зеркальная, а личностно переработанная, с определяющей ролью потребностей данной личности объективная цель.

Второй подструктурой деятельности являются ее *мотивы* как побуждение к ней. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)» [19],— указывал Энгельс. Самоопределяющая роль потребности проявляется на этапе борьбы мотивов при выборе путей к достижению уже поставленной цели. *Мотив* — это психическое явление, становящееся побуждением к определенной деятельности. Ведь «motiff» по-французски и значит «побуждение». Мотивы часто рассматриваются только как свойства личности, а проблема мотивации нередко относится к разделу психологии личности. Это неверно. Одно и то же психическое явление может рассматриваться в трех аспектах: как свойство сознания, как свойство деятельности и как свойство личности. Но для любого явления один из них будет доминирующим. Для понятия мотива доминирующей выступает категория деятельности.

Мотивы, как и любые другие психические явления, бывают и процессами, и состояниями, и свойствами личности. Первые — это нестойкие, иногда случайные, ситуационные мотивы; вторые— более стойкие мотивы, и только последние из них одновременно являются и свойствами личности, т. е. подструктурами ее направленности. Они могут быть по структуре простыми и сложными, включая в нее и свойства личности из низших уровней. Но при личностном подходе к любому явлению человеческой психики наиболее отчетливо прослеживается диалектическое единство сознания, личности и деятельности.

Мотив и способности — два психологических понятия, включенных и в категорию личности, и в категорию деятельности. Мотив — это личностное побуждение к определенной деятельности; способности — личностная возможность качества этой деятельности. Поэтому мотивы, наряду со способностями, могут быть как *потенциальными* (еще не включенными в структуру реально выполняемой деятельности), так и *актуальными* (включенными в таковую). В зависимости от их стойкости надо различать

---

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 493.

мотивы деятельности и мотивы отдельных действий. Они могут, хотя и не всегда, совпадать.

Следующая психологическая подструктура деятельности — *способ* ее выполнения. Будучи определяемой двумя предшествующими подструктурами, взятая как целое, она может иногда иметь очень сложную психологическую структуру, в которую входят различные психические явления. Если речь идет о предметной деятельности, исходную форму которой представляет физический труд, то к психическим явлениям как к элементам деятельности надо добавить физиологические явления, прежде всего — движения. При этом понятие *рабочее движение*, введенное И. М. Сеченовым в качестве физиологического понятия, не следует смешивать с психологическим понятием действия. Цель деятельности может быть весьма отдаленной, и потому структура деятельности может разлагаться на целый ряд отдельных элементов, являющихся отдельными действиями.

Действие — это элемент деятельности, в процессе которого достигается осознанная элементарная (т. е. не разложимая на более простые) цель. В процессе упражнения действие может приобрести форму *психического акта*, потерять цель и стать элементом деятельности, однородным по своей психологической структуре, таковы: акт внимания, акт мышления, акт воли и т. д.

Любое действие в процессе упражнения становится *навыком*, т. е. действием, изменившим свою структуру в процессе упражнения и иногда становящимся только способом выполнения более сложного действия. Такие способы выполнения более сложных действий в психологии нередко называют операциями. *Операция* — «способ, каким выполняется действие... Операции определяются не самой целью, а теми условиями, в которых дана цель. Действие трансформируется в операции» [20],— пишет А. Н. Леонтьев. Однако этот термин — синоним навыка — не лучше последнего, поскольку операции бывают самые различные: технологические, военные, хирургические и т. д. и среди них понятие «психологическая операция» легко теряет свой смысл, все же сохраняемый в термине «навык». Вместе с тем, в последнее время понятие «операция» получило достаточно широкое распростра-

---

[20] *Леонтьев А. Н.* Автоматика и человек.— В кн.: Психологические исследования. М., 1970, вып. 2, с. 7.

нение, что привело к возникновению нового, но также весьма произвольно определяемого понятия — «оператор». Психологическим критерием перехода навыков в способ выполнения более сложного действия является прекращение осознания ранее осознанной элементарной цели и подчинение его осознанию более общей цели, теперь ставшей элементарной.

Последняя подструктура деятельности — ее *результат*. Это понятие более адекватно отражает сущность явления, чем понятие «продукт», и их не следует отождествлять. Например, М. Г. Ярошевский утверждает: «Конечно, деятельность и ее продукт нераздельны, ибо весь смысл первой — в производстве второго»[21]. Продукт деятельности представляет собой более объективное и материализованное явление, чем результат. По продуктам деятельности можно изучать и личность, и деятельность. Но психологически понятие «результат» — более широко: продукт, например, не может быть «ошибочным», «легче выполним, чем в предыдущий раз», а результат может.

«Всякая деятельность имеет кольцевую структуру: афферентация→эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой,→коррекция и обогащение с помощью обратных связей исходного эфферентирующего образа... в общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших опосредствованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности — по критерию побуждающих их мотивов; во-вторых, действие — процессы, подчиняющиеся сознательным целям; и, в-третьих, операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели,— пишет А. Н. Леонтьев.— Эти «единицы» человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру»[22]. Нетрудно видеть, что существенного различия между этим и приведенным выше пониманием структуры деятельности нет, поскольку способ всегда подчинен и целям, и условиям деятельности.

Пока речь шла о психологической структуре деятельности, элементы которой последовательны во времени, хотя иногда перекрывают друг друга. Но если ту же деятельность рассматривать как систему, в ее основу

---

[21] *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. М., 1974, с. 17.
[22] *Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в психологии.— Вопр. философии, 1972, № 9, с. 99, 106.

могут быть положены различные критерии. Это могут быть критерии технологического процесса, которые в авиационной психологии называют предложенными мною в 1936 г. терминами — *последовательность действий* и *маршрут внимания*. Но это может быть и психологически обоснованная система качеств определенной деятельности. Примером последней может служить система качеств ориентировки. Она была разработана для летчиков[23], но пригодна и для ориентировки в любых условиях, демонстрируя системный подход. Ориентировка может быть:

— более или менее быстрой в зависимости от времени, протекающего с момента осознания необходимости ориентироваться в данных условиях до осознания этих условий;

— более или менее правильной, соответствующей действительности или же частично или полностью ошибочной;

— более или менее широкой или узкой в зависимости от того, насколько широко и полно сознание в данный момент отражает условия деятельности;

— более или менее отчетливой или смутной в зависимости от степени ясности отражения сознанием действительности;

— внезапной или динамической, преемственно определяемой предшествующим состоянием сознания;

— непосредственной — визуальной или опосредованной через словесные указания или через чтения показаний приборов.

Поскольку действия в соответствии с доминирующими в их структуре психическими явлениями-актами могут быть сенсорными, моторными, мыслительными, волевыми и мнестическими, навыки бывают тех же видов. Развитие двигательных навыков, укладывающееся в динамическую структуру этапов их образования, показано на схеме с. 219. Полезную *автоматизацию* навыка нельзя смешивать с *автоматизмом*, не подконтрольным сознанию и всегда вредным в трудовой деятельности. Даже высокоавтоматизированный трудовой навык остается подконтрольным сознанию и является частью сознательной деятельности.

---

[23] См.: *Платонов К. К.* Человек в полете. М., 1957, с. 217—218.

Схема

Этапы формирования навыка	Особенности выполнения действия	Нейродинамические механизмы
1. Начало осмысления навыка	Отчетливое понимание цели, но смутное понимание способов ее достижения. Грубые ошибки при попытках выполнения действия	Начало формирования связей с очагом оптимального возбуждения во второй сигнальной системе
2. Сознательное, но не умелое выполнение	Отчетливое понимание того, как надо выполнять действие, но неточное неустойчивое выполнение его, несмотря на интенсивную концентрацию произвольного внимания; множество лишних движений; отсутствие положительного переноса данного навыка	Хорошо сформированные связи во второй сигнальной системе и начало формирования их в первой сигнальной системе. Очаг оптимального возбуждения по-прежнему во второй сигнальной системе
3. Автоматизация навыка	Все более качественное выполнение действия при временами ослабевающем произвольном внимании и появлении возможности его распределения; устранение лишних движений; появление положительного переноса навыка	Формирование связей в первой сигнальной системе; постепенный переход очага оптимального возбуждения в первую сигнальную систему
4. Высокоавтоматизированный навык	Точное, экономичное, устойчивое выполнение действия, ставшее средством выполнения другого, более сложного действия	Оптимальный очаг возбуждения связан с выполнением другого действия, а это действие выполняется приторможенными, но прочно образованными связями
5. Деавтоматизация (необязательный этап)	Ухудшение выполнения действия. Возрождение старых ошибок	Ослабление связей за счет угасательного торможения, общего снижения тонуса коры или отрицательной индукции
6. Вторичная автоматизация	Восстановление особенностей четвертого этапа	

Навыки — своеобразная система взаимодействия человека с миром. Отражательный их аспект связан с процессом этого взаимодействия, усложненного наличием обратной связи действий. Высокоавтоматизированный навык выключен из психического отражения и осуществляется на более низком уровне отражения, аналогичном его этологической форме, но сложная иерархическая структура навыка, образовавшаяся в процессе его развития, позволяет в любой момент включаться сознанию и поднимать уровень этой структуры до уровня осознанности. Исключение составляют так называемые вредные навыки, перестающие быть подконтрольными сознанию и иногда временно, а иногда и весьма стойко, становящиеся аналогами поведения первичноротых животных.

Иная закономерность определяет умения, для которых навыки только способы (операции) их осуществления, а отражательная функция поднимается до уровня творчества.

В педагогике и психологии до сих пор часто говорят: знание — умение — навыки. Аналогично пишется и в учебнике психологии: «Школьник, только что обучившийся грамоте, уже умеет читать и писать, хотя навыком чтения и письма он еще не обладает... Умением можно обладать, не владея еще соответствующим навыком»[24]. Иными словами, умение понимается здесь как первый этап развития навыка. Это положение, введенное в психологию и педагогику Е. В. Гуреевым, неверно. Умение — это итог педагогической работы с обучаемым и воспитываемым. Мне уже приходилось доказывать это положение, настаивая на изменении ранее общепризнанного порядка слов на порядок: знания → навыки → умения[25]. Хотя в ряд учебников по педагогике и психологии это понимание соотношения навыков и умения вошло, но до сих пор встречается и старое представление о нем. Есть и компромиссная точка зрения: «Понятия „умение" и „навык" нередко употребляются как синонимы, что особенно часто наблюдается в практических условиях... Понятия „умение" и „навык" пока еще окончательно не сложились, поэтому в них нередко вкладывается несколько различное содержание»,— пишет В. В. Чебы-

---

24 Психология. М., 1956, с. 423.

25 См.: *Платонов К. К.* О знаниях, навыках и умениях.— Сов. педагогика, 1963, № 11, с. 98—103.

шева [26]. Но эта констатация не вносит ясности в вопрос.

«*Умение* — способность человека выполнять какую-либо деятельность или действия на основе ранее полученного опыта» [27]. Это определение, принятое Большой советской энциклопедией в 50-х годах, можно уточнить: «умение — это способность человека продуктивно, с должным качеством и в соответствующее время выполнять работу в новых условиях» [28]. Отмеченная способность образуется у человека на основании ранее уже приобретенных знаний и ряда взаимодействующих друг с другом навыков, проходя в процессе своего развития ряд этапов.

Формирование умения связано с *мастерством.* В его структуру наравне с знаниями и навыками входит творческое мышление, и оно составляет основу *творческой деятельности* как высшего уровня деятельности на основе психического отражения.

Приобретаемое человеком профессиональное умение не только определяет качество его трудовой деятельности и обогащает его опыт, но и становится качеством его личности, его *умелостью*, а он сам — *умельцем.* В этом проявляется единство деятельности и личности человека. Но еще более отчетливо умение проявляется в поступках. *Поступок* — это действие, осознаваемое самой действующей личностью как акт, выражающий ее определенное отношение к другим людям, к самому себе или к труду. Можно сказать и короче: поступок — это действие, общественное значение которого осознается самим его выполняющим. В поступке проявляется высший уровень структуры личности — направленность. Как из действия слагается деятельность, так из поступков слагается *нравственная деятельность* человека. Последнюю иногда называют поведением (например, традиционная «пятерка за поведение»). Но *поведение* человека — это внешнее выражение его деятельности, т. е. деятельность без учета ее субъективного компонента.

Итак, структура деятельности имеет ряд подструктур: цель — мотив — способ — результат. Элементы структуры деятельности — психические акты как однородные по своей психической сущности психические явления. Деятельность определяется целями и мотивами и осуществ-

---

[26] *Чебышева В. В.* Психология трудового обучения. М., 1969, с. 49.
[27] Большая советская энциклопедия. 2-е изд., т. 44, с. 225.
[28] *Платонов К. К., Голубев Г. Г.* Психология. М., 1974, с. 142.

ляется действиями и психическими актами. Мотивы наряду со способностями — категории, которые одновременно входят в общепсихологические категории «личность» и «деятельность».

Действия, определяемые элементарными, не разложимыми на более простые, осознанными целями, имеют психологическую структуру, построенную по той же схеме. Они могут быть подструктурами деятельности, и их элементами являются наиболее простые редуцированные психические акты. Навыки — это действия, структура которых изменена в процессе упражнения, могущие стать способами выполнения более сложных навыков, действий и деятельности в целом. На основе знаний и навыков образуется умение как основа для мастерства и творческой деятельности. Навыки и умения — это подструктуры опыта личности, являющиеся ее свойствами, входящими в структуру соответствующих способностей.

3. Виды деятельности

Изложенная система понятий раскрывает категорию деятельности на основе сущности труда, показанной Марксом [29]. Но поскольку все другие виды сознательной деятельности произошли из труда, это понимание распространяется и на все другие ее формы. Многие работы советских психологов посвящены анализу и описанию этих отдельных форм деятельности, но пока еще нет психологического труда, в котором бы все формы деятельности рассматривались в их единстве и различии. С целью их классификации представляется правильным все виды деятельности разделить на четыре группы: общие и частные; элементарные и сложные.

Общие элементарные виды деятельности — это формы психического отражения (память, эмоция, ощущение, мышление, восприятие, чувство и воля), понимаемые как психическая деятельность и действия.

Общие сложные виды деятельности — это труд и общение, а также производные от них: речь, учение, игра, спорт, искусство, религиозная, нравственная, правоправная, политическая деятельность и бой (пока существует классовое общество). Значение труда и общения делает

---

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 81, 178, 189, 195.

их философскими категориями исторического материализма и одновременно (как и остальных видов деятельности) ряда других наук, в том числе и психологии.

Частные элементарные и частные сложные виды деятельности (исходя из того, что деятельности присуще общее, особенное и отдельное) — это все особенное в общих видах деятельности. Сюда относятся профессиональные виды деятельности, виды учения, игры и спорта и т. д. Малая разработанность проблемы общения заставляет отметить некоторые частные его виды: информация, помощь, утешение, одобрение, порицание, напоминание, совет, подбадривание, доверительное общение и т. д. Отдельным в данном случае является соответствующая деятельность конкретного индивида. Такова основа классификации видов деятельности, углубление и расширение которой идет за счет частных ее видов.

Высшим проявлением всех указанных видов деятельности следует считать *творческую деятельность*, под которой понимается деятельность, давшая в результате нечто новое, не шаблонное по единству формы и содержания и прогрессивное по сравнению с ранее существовавшим и известным результатом подобной деятельности. Применительно к трудовой деятельности ее отдельные виды изучаются отраслью психологии труда, называемой *профессиографией* и входящей в комплексную дисциплину *профессиологию*[30].

Изучение различных видов деятельности может проводиться двумя методами: дедуктивным и индуктивным. Второй метод более продуктивен. От отдельного, единичного, через особенное он ведет к общему. При этом особое значение имеет изучение ошибочных действий как проявление общего «закона о законах», о котором уже шла речь. Практики говорят об ошибках. Но в понимании психологии ошибка — это объективный результат *ошибочного действия*, т. е. действия, не достигающего поставленной цели. Мой опыт изучения ошибочных действий паровозных машинистов, промышленных рабочих и летчиков привел к построению следующей системы: любое ошибочное действие, даже не повлекшее за собой аварию,

---

[30] О них подробнее см.: *Платонов К. К.* Профессиография: ее значение и методика работы.— Соц. труд, 1971, № 4, с. 74—79; *Он же.* О сущности и значении профессиологии.— Соц. труд, 1973, № 2, с. 78—80; Профессиональная ориентация молодежи. М., 1978, с. 130—152.

травму или другой вид снижения производительности труда, должно быть оценено по следующим критериям:

— по степени *выраженности* в зависимости от величины допущенного отклонения от норматива;

— по степени *грубости* в зависимости от этапа обучения, на котором оно совершено;

— по степени *стойкости*;

— по *связи* с другими ошибочными действиями;

— по обусловившей его *причине*.

Оценка каждого ошибочного действия по его причине является самой важной оценкой. Наиболее общие причины ошибочных действий следующие:

— недостаточный уровень подготовки;

— слабые способности;

— недисциплинированность и нерадивость, определяемые недостаточным идейно-политическим и нравственным воспитанием.

Каждое конкретное ошибочное действие может быть вызвано той или иной из этих основных причин или их сочетанием. В последнем случае одна из них все же будет *определяющей*, а другие — *способствующими*. К сожалению, изучение ошибочных действий мало опирается на марксистско-ленинское учение о причинности и детерминизме. Изучение ошибочных действий есть и практическая цель, и метод изучения конкретной деятельности, и метод изучения личности, так как причины ошибочных действий всегда личностны [31].

Каждая деятельность предъявляет те или иные, определяемые ее структурой требования к личности, ее выполняющей или ей обучающейся. Структура личности, отвечающая этим требованиям и обеспечивающая качество выполнения и обучения ей,— это и есть *способности* к данной деятельности. Структура личности, противоречащая требованиям данной деятельности и способствующая появлению при ее выполнении ошибочных действий, определяет *неспособность* к данной деятельности.

До сих пор речь шла о деятельности отдельной личности. Но существует деятельность, вообще немыслимая для одного человека,— *общение*. Практический человек, даже если он один, всегда действует, будучи включенным в общность. Когда же он действует в условиях общения,

---

[31] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960, с. 280—285.

его деятельность принимает форму *взаимодеятельности* как созидательного взаимодействия двух или нескольких личностей. Ее видами являются: коллективный труд, спорт, игра, воспитание, обучение, руководство, лечение и т. д.

В главе VII была приведена схема социально-психологической классификации реальных групп, на основании форм группового сознания. Эта же схема может пониматься и из форм деятельности. Так, личность в группе действует *самостоятельно* или *одновременно* с другими (когда деятельность определяется только внешней организацией, личности могут действовать вместе и по внутренней организации), если же они действуют *совместно* — значит их деятельность подчинена единой общей цели. Если эта цель выходит за рамки данной группы, эта группа является коллективом.

Разностороннюю проблему *коллективной деятельности* трудно переоценить. Но здесь мы остановимся только на двух ее аспектах. Первым из них, наиболее актуальным в настоящее время в нашей стране, является рассмотрение коллективной деятельности как фактора самоукрепления коллектива[32]. Чем более цели деятельности личностей, входящих в группу, совпадают друг с другом, тем более эта группа «сплочена». Чем более эти цели соответствуют целям общества в целом, тем более эта группа выступает как сплоченный коллектив. При этом активность деятельности членов группы и подчиненность личных целей единым целям коллектива и общества определяют успешное продолжение совместной деятельности и развитие у членов коллектива личностного качества, которое называется коллективизмом. Не только фронтовой опыт, но и героизм тыла в период Великой Отечественной войны служит ярким подтверждением этого положения. Сейчас может считаться доказанным, что труд не сам по себе, а *коллективный труд* влияет на личность и формирует ее качества, прежде всего качество коллективизма. Это положение подтверждается исследователями советских трудовых коллективов. Та же закономерность имела место в процессе антропогенеза.

Наличие соучастника трудовой деятельности заставляло фиксировать внимание уже в раннем антропогенезе

---

[32] См.: *Платонов К. К.* О процессе самоукрепления коллектива.— В кн.: Коллектив и личность. М., 1975, с. 87—96.

не только на орудиях труда (как и при орудийном поведении у обезьян), но и на результатах совместного труда. На основании манипуляционной активности, компенсаторных движений и демонстрационного манипулирования[33] постепенность эволюционного ряда (использование орудий — выбор лучшего — его улучшение — его изготовление, свойственные и высшим обезьянам) дала скачок к изготовлению орудий для орудий труда. Забота не только о своих детях, появившаяся еще на стадии обезьян как забота о младших, но недифференцированных поколениях, обусловила скачок к заботе о детях именно своих детей, что в свою очередь дало скачок от стаи к родовому племени, к появлению понятия «мы» и «они» как первого акта социальной психологии[34]. Именно коллективный труд на ранних этапах антропогенеза вызвал скачок в эволюции форм общения и объективную нужду в возникновении *речевого общения*, что, в свою очередь, явилось фактором быстрого развития понятийного мышления[35].

Заканчивая рассмотрение системы понятий, входящих в категорию деятельности, надо отметить, что, будучи функцией человека в целом, деятельность имеет и тот субъективный компонент, который называют *идеальной деятельностью*. Именно в идеальной деятельности архитектор «прежде, чем строить ячейку из воска... уже построил ее в своей голове»[36]. Элементарная идеальная деятельность является одновременно и элементарными общими способностями человека, и формами психического отражения.

Итак, несмотря на бесспорное значение для психологии категории деятельности, достаточно разработанной классификации ее видов, согласованных с общей системой психологических понятий, пока еще нет[37]. Исходя

---

[33] См.: *Фабри К. Э.* Манипуляционная активность низших обезьян и проблема антропогенеза. М., 1966.

[34] См.: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966, с. 81.

[35] Подробней см.: *Платонов К. К.* О роли труда в «минимуме человека».— В кн.: Вопросы зоопсихологии, этологии и сравнительной психологии. М., 1975, с. 137—140.

[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

[37] Попытка создать классификацию категорий деятельности была предпринята мною в тезисах: О понятиях деятельности, личности и коллектива.— В кн.: Проблемы деятельности в советской психологии: Тез. докл. к V Всесоюз. съезду Общества психологов. М., 1977, ч. 1, с. 12—19.

из приведенного понимания деятельности и общефилософского различения общего, особенного и отдельного, представляется правомочным различать и в видах деятельности эти три группы. Причем особенное в деятельности столь же многообразно, как и сама практика людей.

Кроме того, следует различать индивидуальную и групповую деятельность. Значение последней трудно переоценить, так как именно она определяет внешнюю и внутреннюю структуру различных видов групп людей, превращая их в коллективы и обусловливая самоукрепление последних. В антропогенезе коллективная деятельность явилась основным фактором, активизировавшим развитие речи и мышления через общение.

*

Деятельность как психологическая категория может быть достаточно глубоко понята и логично включена в общую систему психологических понятий только на основе раскрытия в свете теории отражения сущности категорий сознания и личности. Возникнув на основе иерархии более простых структур реагирования и ближайшего к деятельности феномена — поведения, деятельность — это взаимодействие с миром человека, взятого в целом, как взаимодействие, в котором личность является отражающей системой, стоящей между стимулом и реакцией, преломляющей и опосредующей все внешние воздействия на человека, объективизирующиеся в его сознательных (или ранее бывших сознательными) действиях и поступках.

Отражательная сущность деятельности определяется ее структурой, поскольку начинается с отражения объективно стоящих перед человеком целей и активизируется потребностями как отражением реальных для него нужд. Действия, в частности, ставшие навыками, наряду с психическими актами — это элементы структуры деятельности, поскольку их осознанные цели не разложимы на более простые. Они построены по той же отражательной схеме. Способы осуществления действий и деятельности (психомоторика) не являются отражением чего-либо, а только объективизацией идеальной деятельности как идеального отражения, которое отличает человека от животных и закономерно определяет и эти движения, и деятельность в целом.

Групповая деятельность обусловливает внешнюю и внутреннюю структуру различных видов групп людей, превращение группы в коллектив и самоукрепление этого коллектива. Коллективная деятельность, сыгравшая решающую роль в антропогенезе, играет и в настоящее время решающую роль во всестороннем и гармоническом развитии личности. Сущность всех видов деятельности во всех их видах и опосредствованиях определяет систему подчиненных этой категории понятий, причем многие из них (например: мотив, навык, умение, творчество и т. д.) могут рассматриваться как в системе понятий категории деятельности, так и в системе других категорий. Но доминирующее значение категории деятельности для этих понятий определяется тем, что в деятельности как сознание, так и личность и проявляются, и формируются.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Развитие психики как психологическая категория

1. Категория развития в философии и психологии

Развитие — одна из основных категорий философии. Ее можно было бы только упомянуть, если бы недавно не был выдвинут тезис «основным способом существования личности является развитие», как новая попытка раскрытия сущности личности. С позиций этого тезиса написан и специальный сборник[1]. Это потребовало более четких определений понятий, включенных в единую их систему.

Развитие — это форма движения от более простой к более сложной организации на основе разрешения противоречий. Поскольку движение — это способ существования материи, последнее определение распространяется и на развитие. Поэтому с таким же правом, как было сказано о личности, можно сказать, что «развитие является основным способом существования организма». Не только

---

[1] См.: *Анцыферова Л. И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности.— Вопр. психологии, 1978, № 1, с. 36, 48; Принцип развития в психологии/Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1978.

личность, но и организм, как и любой другой феномен, должен изучаться в развитии.

До Гегеля развитие рассматривалось представителями преформизма (разворачивание уже заложенных признаков), берущего начало в учениях Анаксагора и Гиппократа, и представителями эпигенеза (возникновения и развития нового), идущего от Аристотеля. Влияние этих обоих направлений на буржуазную психологию сохранилось и поныне.

Гегель первым раскрыл диалектику развития как перехода количественных изменений в качественные и обратно. «Всякое рождение и всякая *смерть* вместо того, чтобы быть продолжающейся постепенностью, есть, наоборот, перерыв такой постепенности и скачок из количественного изменения в качественное»[2],— писал он. Однако он рассматривал это положение с идеалистических позиций. Перевернув эту идею Гегеля «с головы на ноги», классики марксизма положили ее в основу материалистического учения о развитии, вкладывая в это понятие диалектический смысл и борясь с его упрощенным пониманием. «С „принципом развития“ в XX веке (да и в конце XIX века) „согласны все“,— писал В. И. Ленин.— Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское „согласие“ есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину»[3].

Несмотря на то что с принципом развития были «согласны все», развитие психики рассматривалось даже наиболее прогрессивными умами долгое время как наиболее сложная и непонятная проблема. Так, Э. Геккель в книге «Мировые загадки» из семи таковых три относил к психологии. После загадок происхождения жизни и целесообразности в природе следовали — возникновение ощущений и сознания, возникновение мышления и речи, свобода воли. Метафизический подход исключает возможность решения этих загадок, в частности, потому, что он не способен преодолеть двух ошибок в понимании этой проблемы: отождествления понятий возникновения и развития или их полный разрыв. Диалектика предусматривает в этих феноменах (а, следовательно, и в понятиях) одновременно и единство, и противоположность. *Возник-*

---

[2] *Гегель.* Соч., т. V, с. 434.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

новение нового — это диалектическое развитие старого, но и *развитие* — это беспрерывное возникновение нового путем снятия (в марксовом понимании) свойств старого.

А. Н. Леонтьев одним из первых отечественных психологов поставил этот вопрос, ранее решавшийся только биологией, в плане психологии. Его книга «Очерк развития психики» (М., 1947), в дальнейшем переработанная в монографию «Проблемы развития психики», подробно излагает позицию Леонтьева, которая нашла широкую поддержку среди психологов и стала наиболее признанной. Однако, несмотря на бесспорные научные заслуги А. Н. Леонтьева, нельзя не указать на существенные, на наш взгляд, недостатки в его понимании психики. Таковыми являются игнорирование аналогии в развитии поведения, отождествление ее явлений с гомологическим линейным развитием психики, представление о первичноротых предками вторичноротых. Далее, представляется неверным видеть скачок от физиологической формы отражения к психической в возникновении различий значения и смысла, считая ощущение первичным психическим явлением. Мы видим его в появлении простейшего субъективного в первичных эмоциях, совпадающих с переживанием простейших потребностей, что стало причиной различия между значением и смыслом.

Заканчивая систему общепсихологических категорий анализом развития психики, следует иметь в виду, что их связь не линейна, она как бы замкнута в кольцо, и потому развитие психики как итог становления сознания человека, совершенствования личности и деятельности, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на все формы психического отражения действительности. Здесь же надо отметить, что рассматривая в этой главе развитие психики в онтогенезе, мы одновременно возвращаемся и к пониманию ее развития в филогенезе.

Развитие по спирали проявляется во всеобщем развитии материи. Это хорошо видно из схемы приведенной на с. 231, которая обобщает ранее приведенные. Развитие материи на Земле, дойдя до 8-го этапа — общества, далее замкнулось в спираль. Общество стало изменять не только физические и химические свойства мира, создавая машины и новые химические вещества, ранее не существовавшие в природе, не только стало изменять виды растений и животных, но стало решать задачу формирования нового человека и нового общества — коммунизма.

Схема иерархии взаимодействия высших доступных уровней некоторых продуктов материи

Уровень	Системное качество как продукт более низких уровней	Носитель	Отражающая система	Форма отражения	Реагирование как проявление активности	Целеобразование
8	общественная сознательность	общество	межгрупповое общение	общественное сознание	общественные движения	подчиненное целям общества
7	групповая сознательность	контактная группа	внутригрупповое общение	групповое сознание	групповая деятельность	планируемое группой
6	индивидуальная сознательность	человек	личность	индивидуальное сознание	индивидуальная деятельность	индивидуально планируемое
5	субъективность	позвоночные животные	кора головного мозга	психическое	научаемое поведение	научаемое
4	нервизм	беспозвоночные животные	нервная система	этологическое	инстинктивное поведение	геннообусловленное, обеспечивающее выживание индивида
3	раздражимость	растения	организация живой материи	физиологическое	тропизмы	геннообусловленное, обеспечивающее выживание вида
2	валентность	химическое вещество	молекулярная организация вещества	химическое	химические реакции	нет, но может быть заложено человеком
1		физическое тело	физическая организация материи	физическое	пространственно-временные реакции	нет, но может быть заложено человеком

Принцип развития сейчас справедливо рассматривается и в качестве одного из основных принципов психологии. Много работает над этой проблемой Г. С. Костюк. «И. М. Сеченов первый сделал из теории Дарвина принципиальные методологические выводы в отношении задач и путей построения научной психологии»[4],— пишет Г. С. Костюк и приводит сеченовское указание о том, что психология должна изучать «историю развития ощущений, представлений, мысли, чувства и пр.», и не может быть не чем иным, как «рядом учений о происхождении психических деятельностей»[5]. Нельзя не согласиться с тем, что сейчас «остро выступила необходимость выяснения методологических вопросов изучения психического развития, важность ее для теоретического обоснования путей разработки методов исследования и интерпретации получаемых результатов»[6].

На XXIV, XXV и XXVI съездах КПСС особое внимание уделено было важнейшей задаче, предусмотренной Программой КПСС,— задаче всестороннего гармонического развития личности нового человека.

Итак, развитие психики — это специфическое проявление закона всеобщего развития материи. Стремление понять сущность развития уходит корнями в учения древних философов. Но оно получило реальную почву для решения только в учении марксизма о развитии как борьбе противоположностей и переходе количественных изменений в качественные. Развитие психики, долгое время остававшееся «мировой загадкой», становится все более понятным, оформляясь в раздел общей психологии —учение о развитии психики как иерархической системы.

Развитие психики в филогенезе в свете теории отражения было показано в предыдущих главах. Настоящая глава в основном посвящена раскрытию развития психики в онтогенезе.

---

[4] *Костюк Г. С.* Принцип развития в психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 118.

[5] *Сеченов И. М.* Избр. филос. и психол. произведения. М., 1947, с. 409, 255—256.

[6] *Костюк Г. С.* Указ. соч., с. 119.

2. Врожденное и приобретенное в развитии личности

Категория развития психики, уточняемая добавлением — в онтогенезе, включает подчиненные ей понятия врожденного и приобретенного, места которых надо определить в системе психологических понятий. Одновременно рассмотрим и некоторые другие понятия, родственные указанным.

Биологическое — это общее по происхождению (гомологичное) у человека с животным, хотя и не обязательно тождественное.

Врожденное — это все свойственное человеку уже в момент рождения, созревающее и стареющее как развитие его пренатальных свойств.

Наследственное — это все существующее и развивающееся в человеке на основе генного фонда его родителей.

Природное — это существующее и развивающееся у человека независимо от непосредственного или опосредованного влияния на него других людей.

Приобретенное — это возникающее и развивающееся в человеке после его рождения как следствие внешних воздействий.

Социальное — это все, что отличает человека от животных, возникает у него как члена общества в антропогенезе, истории человечества и онтогенезе в результате общения с другими людьми.

Приведенные краткие дефиниции требуют более подробного объяснения применительно к психологическим явлениям. Их логично начать с бесспорно противопоставляемых понятий приобретенного и врожденного. *Приобретенное* — это все те психические явления, их свойства и особенности, которых не было у новорожденного индивида и которые, следовательно, не врожденные. Они возникли не в результате созревания врожденного, а появились (но могли и не появиться!) в процессе жизнедеятельности или сознательной деятельности индивида после его рождения. Приобретенное психическое непосредственно связано с тем, что было психически отражено и закреплено в памяти. Точную формулировку предложил Я. А. Пономарев: «Отраженные субъектом свойства объекта становятся дополнительным условием последующего акта

взаимодействия и вместе с тем этапом функционального развития субъекта»[7].

Врожденное — это все то, что имелось у индивида уже сразу (именно сразу) в момент рождения. Метод развития так называемых «каспар-хаузеровых животных», т. е. метод развития в изоляции от родителей и других животных того же вида, немало прояснил вопрос о врожденном и приобретенном у животных, показав одновременно сложные взаимодействия не только у одного индивида, но и у разных видов.

Особое значение имеют наблюдения австрийского биолога К. Лоренца, введшего понятие *импринтинг* (запечатление) как врожденное свойство запечатлевать первые восприятия, маскирующие врожденное. К сожалению, ненаучные общефилософские позиции Лоренца привели его к неправильным теоретическим выводам. На практике же он доказал, что утенок, впервые увидевший не движущуюся мать, а, например, прокатившийся рядом мяч, сразу, на основании врожденного инстинкта следовать за первым движущимся мимо предметом получает приобретенную стойкую форму поведения идти за мячиком, а не за уткой-матерью. Даже птичье пение, как показали исследования английского биолога В. Торма, у одних видов птиц (например, у голубя) врожденное, у других (например, у канареек) — приобретенное. А в пении зяблика сочетаются элементы того и другого.

Сосательные и хватательные рефлексы у человека — врожденные. Эмоции, вызванные голодом, холодом (мокротой) и падением, как и ощущения света, звука и прикосновения,— тоже врожденные. Врожденного, но измененного приобретенным в психике человека значительно больше, чем думают те психологи, педагоги и философы, которые приходят к своеобразному «*неогельвецианству*»[8].

Это понятие основывается на словах Маркса, так определившего политически передовые для своего времени, но односторонние взгляды Гельвеция: «Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот глав-

[7] *Пономарев Я. А.* О взаимодействии и развитии: (В связи с исследованием взаимодействия познающего субъекта с познаваемым объектом).— Докл. АПН РСФСР, 1959, № 1, с. 73.

[8] См.: *Платонов К. К.* Социальное и биологическое в структуре личности.— Вопр. философии, 1970, № 9, с. 141—147.

ные моменты его системы»[9]. Здесь уместно напомнить и критику Гельвеция Дидро, которого Ленин считал из всех французских философов-материалистов наиболее близким к диалектике. В трактате «Систематическое опровержение книги Гельвеция «О человеке»» Дидро, остроумно разбирая по очереди все положения Гельвеция, якобы «грешащие лишь слишком большой общностью», по существу опровергал их. Примером чему слова Дидро о Гельвеции: «Он говорит, воспитание значит все. Скажите: воспитание значит много»[10].

Много спорного с точки зрения взаимоотношений врожденного и приобретенного в психике человека содержится в упомянутых выше положениях Б. С. Алякринского, Б. А. Сазонтьева, А. Ф. Косарева, а также в статье Э. В. Ильенкова[11]. Н. П. Дубинин справедливо пишет: «Можно твердо сказать, что в современном человечестве за всю прошлую историю и в будущем не было и не будет двух наследственно идентичных людей»[12].

Неповторимость личности детерминирована не только *генетической программой*, записанной в генах, но и тем, что Н. П. Дубинин называет *социальной программой* развития человека. Сложность диалектического взаимодействия этих программ, или взаимодействия в личности биологического и социального, приводила психологов ко многим ошибкам. Раскрыть это взаимодействие вне структурного анализа личности, без учета ее динамической функциональной структуры весьма трудно. Подход к личности как некоему обобщенному феномену чреват односторонним решением проблемы — *биологизацией*. Либо *вульгарной социализацией*. Решение проблемы нередко сводится к общим словам о «снятии в личности биологического социальным».

Недооценка врожденного в психике человека, в частности, в способностях, в значительной мере вызвана ошибочным содержанием, вкладывающимся в понятие «задаток». Б. М. Теплову принадлежит фраза, сказанная в 30-х годах: «Способности — это задатки в развитии». И хотя сам он впоследствии отказался от этого положе-

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 144.
[10] *Дидро Дени.* Собр. соч. М.; Л., 1935, т. 2, с. 215.
[11] См.: *Ильенков Э. В.* Психика и мозг.— Вопр. философии, 1968, № 11, с. 146—155.
[12] *Дубинин Н. П.* Философские и социологические аспекты генетики человека.— Вопр. философии, 1971, № 1, с. 38.

ния, оно быстро стало популярным. Отказался же он от него, поскольку для ряда способностей нет задатков, под которыми тогда многие психологи понимали только врожденные «анатомо-физиологические особенности».

Отрицание врожденного психического и представление, что врожденное сводится только к анатомо-физиологическим особенностям, нашли отражение и в «Педагогической энциклопедии» [13]. Приведенное в статье «Задатки» положение Маркса: «*Человек* является непосредственно *природным существом.* В качестве природного существа... он... наделен *природными силами*, *жизненными силами*, являясь *деятельным* природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков...» было оборвано на полуфразе. Окончание фразы «...и способностей, в виде *влечений*» [14] было снято.

Задатки — это врожденные, частично обусловленные генным фондом индивида, частично условиями пренатального развития, морфологические, физиологические и психологические свойства индивида — животного или человека.

Идея «психическое появляется только после рождения» — не что иное, как антитеза идее «душа есть только у человека», и она не совместима с диалектическим пониманием содержания понятия развития психики. Вместе с тем, эта идея вполне устраивает сторонников психофизиологического параллелизма, идущего от Лейбница и В. Вундта понимания психического как некоего эпифеномена, наслоенного на анатомо-физиологическое.

Ошибочность психофизиологического параллелизма понята советскими психологами давно, но окончательно он еще не преодолен. Примером тому являются доклады на уже упоминавшейся конференции по проблемам способностей (1970 г.), где никто не возразил против положения: «Природной предпосылкой развития способностей является наличие задатков (в индивидуальных вариациях) — некоторых врожденных анатомо-физиологических особенностей мозга и нервной системы... Гены определяют не способности сами по себе, а лишь задатки, и потому не

---

[13] Педагогическая энциклопедия. М., 1965, т. 2, с. 62.
[14] *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 631; В первом издании сочинений (т. 3, М.; Л., 1929, с. 642), по которому эта фраза Маркса цитировалась в «Педагогической энциклопедии», она оканчивалась так: «...и способностей, в виде инстинктов».

могут решающим образом влиять на развитие способностей»[15]. Постнатальное наслоение психического на «решающим образом не влияющее на него» пренатальное анатомо-физиологическое — это ли не психофизиологический параллелизм?

Наследственное — это переданное через гены. Все наследственное — врожденно, но не все врожденное наследственно, так как развитие плода в целом, а следовательно и его задатков, в большой степени зависит от его внутриутробной среды. Наследственное и врожденное близко к биологическому, но не тождественно ему. Последствия алкоголизма и сифилиса как социальных болезней могут быть не только врожденными, но и наследственными. Если бы приобретенное психическое никак и никогда не наследовалось, то образование инстинктов у животных было бы чудом. Приобретенные психические свойства не обязательно социальны. Посттравматические изменения личности приобретены, но обусловлены биологическими изменениями мозга. И они могут быть совершенно одинаковыми независимо от того, получена ли травма на производстве вследствие социальной причины или была случайна.

К психическим явлениям у человека равно недопустимы как биологизаторский подход, так и их вульгарная социологизация. Уместно напомнить обращение П. К. Анохина к философам: «Я могу доказать, что многое из того, что мы считаем специфически человеческим, приобретенным человеком после рождения, на самом деле содержится в нашей генетике, заключено в нашей природе в форме фиксированных соотношений нервных структур. В течение 15 лет мои сотрудники изучают живой плод человека, начиная с трехмесячного возраста, изъятый по различным медицинским показаниям. Когда мы смотрим на пятимесячное существо, помещающееся на ладони и весящее всего лишь 500—600 г и уже имеющее образ человека, то трудно отделаться от впечатления, что это человек. Это существо выражает своей мимикой абсолютное неудовольствие, что его вынули, плачет и всхлипывает, выражая все специфические человеческие черты неудовольствия и обиды. Возникает вопрос: как мимика, это специфически человеческое качество, могло передаться в генотип, идти

---

[15] *Крутецкий В. А.* К вопросу о природе способностей.— В кн.: Материалы конференции по проблеме способностей. М., 1970, с. 5, 6.

через все стадии онтогенеза и стать впоследствии мимикой человека? Следовательно, если взять в сумме всю грандиозную проблему теории познания, то нельзя затемнять эту сторону дела потому, что она относится к таким свойствам человеческой психики, которые имеют биологическое происхождение» [16].

Развитие задатков, в том числе и психических, определяется процессуальным в психике, продолжающимся всю жизнь, хотя и не в одинаковом темпе. Наиболее интенсивно оно проявляется в раннем детстве и в так называемом переходном возрасте. Оно определяет *созревание* сознания, личности и психики в целом наряду с *формированием* их в развитии.

Итак, хотя обыденное сознание наиболее отчетливо различает врожденное и приобретенное при развитии психики в онтогенезе, их понимание значительно усложняется благодаря наличию близких им феноменов: наследственное, природное, биологическое, социальное.

Абсолютизация любого из этих феноменов приводит к биологизации или вульгарной социологизации не только личности, но и человека в целом. Вульгарная социологизация вызывает возражения, близкие тем, которые Дидро выдвигал против идей Гельвеция. Эта точка зрения маскируется тезисом «активности педагогики», неверное понимание которого имеет общие корни с пониманием тезиса «активности биологии» в ошибочном понимании ее Т. Д. Лысенко. Основным плацдармом борьбы здесь является проблема способностей и теория задатков, причем трактовка последних нередко может принимать формы замаскированного психофизиологического параллелизма.

3. Социальное и биологическое в человеке

«Социальное» и «биологическое» — это понятия, получившие в психологии не только методологическое, но и политическое значение. Их ошибочная трактовка в конечном счете ведет к теориям расизма, фашизма и к практике геноцида. Вместе с тем эти понятия до сих пор не имеют строго научного определения и вызывают дискус-

---

[16] *Анохин П. К.* Творческое содружество философов с физиологами.— В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966, с. 221—222.

сии, последняя вспыхнула в 1975 г. на Всесоюзном симпозиуме по соотношению биологического и социального в человеке. Этот симпозиум показал, что многие из ошибок прошлого в решении проблемы преодолены советскими психологами. Все доклады и выступления были свободны от биологизаторских тенденций и тенденций вульгарной социологизации человека. Единственным исключением был доклад А. Ф. Косарева[17], подвергшийся разносторонней критике.

Аристотель примерно за 2200 лет до Дарвина назвал человека животным, пояснив особенность человека через прилагательное. Это прилагательное переводится и как «социальное» и как «политическое». Этим прилагательным Аристотель выразил в общем особенное, отличающее человека от всех других животных. Но диалектическая формулировка Аристотеля в дальнейшем была искажена *теорией двух факторов*. Сторонники этой теории пытались трактовать определение Аристотеля через союз «и». Отсюда возникла формулировка: «человек и биологическое, и социальное существо», сохранившаяся поныне в сокращенном виде — «биосоциальное».

Эта формулировка фигурировала в ряде докладов и на упомянутом симпозиуме. Неудачна она потому, что легко понимается в свете «теории двух факторов». Порочность последней заключалась не в констатации наличия этих двух факторов, а в потере задачи поиска их диалектического взаимодействия при доминирующей роли социального. Неявно «теория двух факторов» присутствует и в тех философских и психологических концепциях, которые отождествляют биологическое в человеке с его организмом (непосредственно или через понятие «индивид», как это делал Б. Г. Ананьев), а социальное — с личностью. Организм человека также социален. Примером этого является кисть руки, что было показано еще Энгельсом. «Социальные болезни» и, в частности, профессиональная патология — это не образные выражения, а одно из проявлений социальной сущности человеческого организма. На упомянутом симпозиуме в выступлении В. В. Орлова было выдвинуто «интегральное» понимание

---

[17] См.: *Косарев А. Ф.* К философскому пониманию теории человека.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975, с. 22—36.

социальной природы человека[18], правильное и весьма перспективное.

Понятая Аристотелем социальная особенность, отличающая человека от всех других животных,— не является ни добавлением к его биологическим свойствам, ни даже накладыванием на них, но в большей или меньшей степени изменяет все эти биологические свойства. Маркс дал классический пример голода, а Энгельс — эроса, уже приведенные выше. Заметим, что и в том и в другом случае социально изменены не только личностные особенности, но и особенности организма.

Некоторые авторы «снятие» биологического в личности понимают по схеме: человек в прихожей снял калоши и вошел в комнату уже «как чисто социальное явление» — в туфлях. Схема «калоши и туфли» — это сущность теории двух факторов, где биологическое и социальное подобны воде и маслу в бутылке, которые, встряхнув, можно превратить в эмульсию, но которые, постояв, вновь распадутся на два слоя. Исходя из понимания Гегелем и Энгельсом взаимодействия как всеобщей causa finalis надо различать во взаимовлиянии социального и биологического в человеке, когда каждое из них бывает то причиной, то результатом, и когда они в общем взаимодействии феноменов, свойственных человеку, меняются местами.

В качестве примера можно сравнить биографии знаменитых отечественных атлетов, которые ярко иллюстрируют влияние социального на биологическое. И. М. Поддубный, почти не знавший поражений, имел генетически обусловленную мышечную силу. Феноменальной силой отличался его отец, а сила его деда даже вызвала внимание Петра I. Сам Поддубный «вошел в спорт» без существенной подготовки. Причиной этого была генетическая программа, а следствием — социальная. А у А. В. Ивановича причинно-следственное соотношение этих программ было противоположное. Многократный чемпион страны, мира, олимпийских игр достиг успехов только в процессе упорной тренировки, которой он занимался с 15 лет. Спорт знает немало подобных примеров. Было бы неправильно считать, что различие программ действовало в

---

[18] См.: *Орлов В. В.* Об интегральной социальной природе человека.— Там же, с. 116—121; См. также: *Орлов В. В.* Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, ч. III. Развитие.

обоих случаях непосредственно на костно-мышечную систему.

В приведенных примерах она была субординирована высшей системой — направленностью личности, через которую и осуществлялись действия социальных программ как социальных процессов.

Человек социален пренатально с эпохи раннего антропогенеза. Однако степень социализации новорожденного и взрослого, так же как и темпы социализации различных людей, различны. Они зависят и от их генных свойств (способность к усвоению речи — самый яркий, но не единственный пример), и от условий развития (пример опосредованной отрицательной социализации — ребенок-олигофрен у матери алкоголички; пример непосредственной положительной социализации — профессиональные династии).

Опосредованные социальные результаты могут получаться в результате воздействия социальных причин на любые подсистемы человека, взятого как целостная система. Таковы профессиональные болезни, вызываемые социальными условиями. На какую бы подсистему они ни действовали, они будут включены в закономерности взаимодействия этой подсистемы с низшими и высшими по иерархии.

Непосредственные же социальные воздействия, следовательно и процессы и результаты, могут осуществляться только через воздействие на личность, которая, будучи отражающей системой, опосредует социальные воздействия, индивидуализируя их проявление в качестве социальных результатов. Поскольку высшие подсистемы субординируют все низшие, через них могут возникнуть социальные результаты во всех подсистемах человека. Именно потому проблема социального и биологического так тесно связана с проблемой воспитания и с проблемой психо-соматических взаимодействий.

Излагая теорию функциональных систем, П. К. Анохин сказал, что «„Иерархия систем“ превращается в иерархию результатов каждой из субсистем предыдущего уровня» [19]. Изучение иерархии подсистем человека, взятого в качестве целостной системы, сейчас становится одной из важнейших проблем всех наук о человеке. Оно служит

---

[19] *Анохин П. К.* Теория функциональной системы.— Успехи физиол. наук, 1970, т. 1, № 1, с. 40.

наиболее верным путем получения конкретных ответов на отдельные вопросы проблемы единства, а не рядоположенности в человеке социального и биологического при доминировании социального.

Есть основания считать, что именно по этому пути должна идти психология, чтобы обеспечить вклад в общую задачу, поставленную П. Н. Федосеевым при открытии Всесоюзного симпозиума по обсуждаемой проблеме. «В общем и целом в принципе нельзя не признать, что на формирование *способностей* и *характера* человека, развивающихся в ходе трудовой деятельности при определенных социально-экономических классовых условиях, некоторое влияние оказывают и соответствующие природные предпосылки (задатки и т. д.),— сказал он, подводя итог дискуссии.— Другое дело, что очень многие более конкретные вопросы (как именно осуществляется это влияние природных задатков и т. д.) остаются сегодня еще почти неизученными... По мере дальнейшего развития биологии (генетики, физиологии и т. д.), психологии, социологии и других смежных наук будут проводиться все более глубокие исследования самого механизма взаимодействия биологического и социального в человеке»[20]. Бесспорно, что это взаимодействие будет различно в разных подструктурах человека и личности.

Итак, как показал Всесоюзный симпозиум 1975 г., дискуссия о соотношении биологического и социального в личности приобретает все более глубокие и утонченные формы. Ошибки как биологизации, так и вульгарной социологизации личности современной наукой уже в достаточной степени раскрыты и преодолены. Однако термин «биосоциальная сущность человека» в скрытом виде способствует рецидиву идей «теории двух факторов», поскольку не учитывает их иерархии. Социального, не включающего в себя в снятом (как сохраненном и преобразованном) виде биологического, просто не существует. Становится все более широко признанной идеей, что говорить «биосоциальное», то же, что говорить «физико-биосоциальное», ибо как нет социального без биологического, так нет психического без физиологического, физиологического без физического. Нет ни в форме движения, ни в форме отражения.

---

[20] *Федосеев П. Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии.— Вопр. философии, 1976, № 3, с. 70—71.

4. Виды формирования личности как уровни отражения и развития

В соответствии с принципом развития анализ всех иерархических явлений логично излагать от низших уровней к высшим (в соответствии с этим все иерархические таблицы этой книги удобнее читать снизу вверх). Так будет изложен и этот параграф.

Иерархия видов формирования личности, представленная на схеме с. 196, одновременно является иерархией уровня развития личности. Простейшим видом формирования личности является *повторение* нужных для этого действий. Целенаправленное повторение называется *тренировкой*, причем это понятие не только психологическое, но и физиологическое, и педагогическое.

Психологическая тренировка — это вид формирования свойств личности, входящих в подструктуру биологических ее свойств и основа всех других более сложных их видов. Сущность ее — в простом повторении действий, в которых и проявляется и формируется данное свойство личности. В этом общность данного вида формирования свойств личности с тренировкой как способом формирования свойств организма: например, тренировка мышц в процессе утренней зарядки или связок в процессе лечебной физкультуры, тренировка дыхания летчиков под давлением и т. д.

Попытки обучения навыкам путем одного повторения называется *муштрой*, не могущей ни сформировать, ни развить нового навыка, однако могущей закрепить уже сформировавшееся. Это же относится и к *зубрежке*, под которой понимают заучивание текста лишь путем повторения.

Близость физиологической и психологической тренировки хорошо может быть понята в свете теории отражения. Поясню это на практическом примере. В середине 50-х годов в одном из летных училищ, готовящих летчиков-истребителей, обучался курсант с выраженными чертами инертности нервных процессов. Коренастый и сильный, он с увлечением занимался спортом, выбрав соответствующие его темпераменту штангу и шахматы. Летал он плохо, проявляя в полете инертность и «зажимая управление». Но летать хотел. По моему совету он перестал заниматься штангой и все свободное время уделил пинг-понгу, теннису и игре в шахматы в условиях дефицита времени. Упорная тренировка подвижности нервных про-

цессов этими способами положительно, хотя и не сразу, сказалась и на летной практике.

В свете теории отражения приведенный случай в достаточной мере ясен. Результаты психического отражения здесь выразились в качестве мотивов двух видов деятельности. Более стойкий мотив — желание с помощью тренировки обеспечить себе возможность стать летчиком-истребителем — определил настойчивость в проведении систематических тренировок. Спортивный мотив — выиграть соревнование — обеспечивал возможно большую скорость реакций. Но не эти явления отражения формировали развитие подвижности нервных процессов, а повторение и все более нарастающее по скорости проявление физиологического отражения в форме ускорения протекания процессов нейродинамики. Психическое отражение обеспечивало только повторение и ускорение этих физиологических процессов. Но изменение физиологическх процессов корковой нейродинамики обеспечило изменение и психологических свойств темперамента.

Без повторения не может быть *упражнения*. Но упражнение не сводится только к повторению. Упражнение — это формирование психических процессов как форм отражения и опирающихся на них действий и свойств личности, входящих в соответствующую (третью из разобранных при рассмотрении личности) ее подструктуру. Его сущностью является установление обратной связи с результатом повторения.

Критерии, определяющие эффективность упражнения, следующие: без направленности упражняющегося на повышение качества деятельности и на стремление его с каждым разом работать лучше вообще не может быть упражнения; чем полнее учет результатов и понимание причин ошибок, допущенных в каждом действии, тем эффективнее упражнения; поэтому такое важное значение при упражнении имеет самоконтроль; но еще большее значение имеет указание обучающего, организующее и правильно направляющее самоконтроль, а также учет этих указаний обучаемым при повторных действиях; эффективность упражнения повышается постепенным переходом от менее сложного к более сложному, но посильному; зависит она и от распределения повторения во времени, которое должно быть не слишком частым, чтобы не утомлять упражняющегося, и не слишком редким, чтобы не разрушились образующиеся связи; сначала повторение

должно быть чаще, но к концу обучения может быть реже. Приведенные критерии были проверены на практике летного обучения, и сейчас уже достаточно прочно там утвердились[21].

Здесь критерии сформулированы в психолого-педагогическом плане. Но они же могут быть сформулированы и с позиции теории отражения: при упражнении каждый результат действия должен быть отражен не только в виде комплекса ощущений, но и как понятия, сравниваемые и с прошлым и с будущим как эталоном желаемого.

Понимание термина «упражнение» осложняется тем, что это слово употребляется в нескольких смыслах. Так, в психологии под упражнением понимается и процесс, и результат этого процесса, а в педагогике — кроме того, метод и конкретное задание. В педагогике упражнение рассматривается в качестве метода формирования навыков. Но психологически это не так: упражнение для этой цели действительно необходимо, но его недостаточно. Для формирования навыков, так же как и знаний, умений и привычек, необходимо обучение.

Обучение — это формирование свойств личности, обобщаемых словом «опыт» (т. е. входящих во вторую из разобранных выше подструктур личности). Оно опирается на упражнение, а следовательно, и на тренировку, но не сводится к ним. Его сущностью является установление связей усваиваемого в процессе упражнения с усвоенным ранее. В результате обучения человек овладевает знаниями, навыками и умением и усваивает их.

Процесс обучения в свете теории отражения включает все сказанное о необходимых, но недостаточных для него процессах тренировки и упражнений. Но он имеет и принципиальное дополнение: обучающийся отражает сущность отражаемого, анализирует ее, связывает с уже усвоенной сущностью ранее отраженного и запоминает не только (а иногда и не столько) то, что было отражено при новом повторении, но и эти установленные связи. Именно они определяют богатство приобретенных при обучении ассоциаций, обеспечивающих *индивидуальный тезаурус*, готовность памяти, о которых уже говорилось.

Эмоциональное отражение воспринимаемого при обучении определяет появление и закрепление привычек в личном опыте. Содержание эмоционального отражения мо-

---

[21] См.: *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960, с. 267.

жет заменить повторение, и привычка может развиваться и без повторения. Оно же обеспечивает эффективность и так называемой рациональной психотерапии и психосоматической тренировки. Первую из них принято называть разъяснительной, или обучающей[22]. Вторую — правильнее называть не аутогенной тренировкой, а психосоматическим обучением, так как она формирует психосоматические навыки путем связи усвояемого с уже усвоенным.

Воспитание — это формирование направленности личности, т. е. свойств первой из подструктур личности, оно опирается на обучение, а следовательно, и на упражнение и на тренировку, но также не сводится к ним. Его сущность в установлении связей усвояемого с личностью в целом и, прежде всего, со свойствами личности, входящими в подструктуру направленности. В этом заключается его единство и противоположность со всеми другими видами формирования, высшим из которых оно является.

Поскольку воспитание включает в себя остальные виды формирования личности и специфично для наиболее существенной для нее в целом подструктуры, то формирование личности в целом обычно называют ее воспитанием. Тем более этот термин применим к формированию характера. Но применимость его к формированию способностей вызывает сомнения, потому что способности содержат и отдельные свойства, входящие в более низшие подструктуры. Потому чаще говорят о «формировании способностей» и о «воспитании характера».

На различных этапах развития личности определенный вид ее формирования является доминирующим. Так, грудному младенцу доступна только тренировка. С начала овладения ходьбой и речью ребенку свойственны и следующие ступени иерархии формирования, а доминирующим становится упражнение. С дошкольного возраста доступным становится обучение. И только у школьников, и то постепенно и не у всех одинаково, доминирующим становится воспитание, необходимое уже со времени появления «минимума личности».

Виды формирования личности не исчерпываются перечисленными. В последнее время в различных областях (в спорте, в средней школе, в армии, в авиации) широ-

---

[22] О ней см.: Руководство по психотерапии / Под ред. В. Е. Рожнова. М., 1974, с. 101—110.

кое внимание привлекло понятие «психологическая подготовка», появились термины «морально-психологическая подготовка», «волевая подготовка». При этом, как это часто бывает, достаточно четкое понятие, каким оно было в начале 60-х годов, т. е. в период введения его в научный обиход, постепенно теряло четкость объема и содержания.

Психологическая подготовка — это активизация всей системы способностей к определенному виду труда. Она предусматривает формирование не отдельных свойств личности самих по себе, а укрепление взаимосвязи всех свойств, необходимых для определенной деятельности, и формирование умения пользоваться ими именно в данной деятельности. Она требует системного подхода, достигаемого через формирование нужных мотивов деятельности, для которой она проводится, и правильного к ней отношения.

Это давно сформулированное определение и понимание психологической подготовки[23] позволяет определить ее место среди других видов формирования личности. Ранее разобранные виды формирования целенаправленно развивают ее *безотносительно* к той или иной деятельности, адресуясь к определенной подструктуре личности. Но так же, как способности являются общим качеством личности, всегда *соотносительным* с определенной деятельностью, так и психологическая подготовка обязательно должна соотноситься с определенной деятельностью и требующимися для ее качественного выполнения способностями. Без понимания этой двойной соподчиненности психологическая подготовка не будет целенаправленной.

Психологическая подготовка требует уточнения деятельности, к которой она относится, так как она по своей сущности не одинакова для различных ее видов. Но и в одной и той же деятельности она не может быть одинаковой для разных личностей, будучи направленной на преодоление слабых компонентов способностей к данной деятельности.

Близка к психологической подготовке психологическая мобилизация, точнее — мобилизация психологической готовности.

---

[23] См.: *Платонов К. К., Адаскин Б. И.* Об изучении и формировании личности учащегося. М., 1966, с. 49—50.

Психологическая мобилизация — это временная активизация свойств личности (главным образом моральных и волевых), помогающих высококачественному выполнению определенной деятельности в определенных условиях. Ее особенность в том, что она имеет целью не формирование стойких свойств личности, как психологическая подготовка, а формирование на основе имеющихся свойств личности определенных и полезных для ожидаемой деятельности психических состояний. Эти состояния, усиливая (хотя и временно) свойства личности, обеспечивают более успешное выполнение деятельности. При этом как способности находятся в единстве и противоречии с неспособностью, так и психологическая мобилизация находится в таком взаимодействии с *психологической демобилизацией.*

Как уже было сказано, вторым видом развития личности является созревание. Сравнение формирования и созревания личности позволяет глубже понять отражательную сущность формирования. *Формирование* психики — это процесс развития в результате внешнего воздействия на них. Есть три основных вида формирования психики и личности: стихийное формирование, целенаправленное формирование, самоформирование.

Стихийное формирование личности — это формирование ее в результате случайных внешних на нее воздействий, ею отражаемых. Оно не только обязательно существует, но и играет доминирующую роль в формировании любой личности. Запрограммировать все воздействия на человека и обеспечить доминирование ее целенаправленного формирования практически не возможно даже с целью эксперимента. Улица, соученики, соседи, случайные книги, информация через средства массовых коммуникаций — все это оказывает стихийное влияние на формирование личности.

Но сразу же надо сказать: сверхзадача здесь не в том, чтобы устранить стихийное формирование психики. Задача в том, чтобы регулировать стихийное формирование и управлять им. Примером может служить сравнение телепередач, которые смотрят советские и американские школьники. Но есть и более трудная задача: так противопоставить целенаправленное формирование возможным отрицательным влияниям стихийного, чтобы использовать последнее в нужном направлении. Этот психолого-педагогический прием носит название *психического* (или, в частности, морального) *закаливания.*

Целенаправленное формирование личности — это формирование ее по заранее спроектированной модели с помощью адекватных мер и приемов воздействия. Это и есть те виды формирования, о которых речь шла выше. Целенаправленное формирование личности, в свою очередь, может быть *массовым* и потому нередко волей-неволей шаблонным. Но оно может быть, и к этому надо стремиться, *индивидуальным*, опирающимся на личностный подход к каждому человеку. Заметим, что любой процесс формирования есть процесс взаимодействия между формирующим и формируемым, существенной частью которого является процесс *самоформирования* (работы над собой) формируемого. Сейчас все большее внимание уделяется управлению формированием личности и в том числе саморегулированию этого процесса [24].

Итак, развитие личности осуществляется в единстве биологического созревания и социального формирования. Первое из них — положительное (повзросление) в детстве и отрицательное (постарение) в преклонном возрасте — является причиной ее отражательных возможностей; второе — их следствием; первое процессуально, второе — в основном содержательно.

Общность и различия отражательной сущности различных видов формирования личности ясно видны из сопоставления каждого из этих видов со специфической для него подструктурой личности. Если тренировка как повторение формирует только физиологические процессы, как процессуальное в психическом отражении, а упражнение закрепляет и их формы, то обучение определяет уже содержание указанных форм и через единство развития форм и обогащение содержания, через взаимодействие процессуального и содержательного расширяет и углубляет опыт личности. Воспитание же, формируя на основе опыта отношение личности к отражаемому, подчиняет этому всю отражательную деятельность личности в целом.

*

Психическое развитие — это общепсихологическая категория. Она придает психологический аспект философ-

---

[24] См.: *Платонов К. К.* Структурное понимание саморегулирования процесса формирования личности.— В кн.: Проблема управления процессом воспитания: (Материалы симпозиума). М., 1971, с. 111—120.

ской категории развития. Поскольку созревание психики и виды ее формирования: тренировка, упражнение, обучение и воспитание в своей совокупности исчерпывают эту общепсихологическую категорию, они должны рассматриваться в качестве частнопсихологических категорий.

Развитие психики имеет две подсистемы понятий: развитие психики в филогенезе и в онтогенезе. Поэтому эта категория как бы замыкает кольцо спирали категорий, возвращая ход мысли к первой из рассмотренных категорий, связывая между собой по спирали их иерархией. Поскольку психическое отражение развивается на основе физиологического и включает в себя его регуляторную функцию и физиологическую объективизацию, не все в психике как в интеграле форм психического отражения и других их активизирующих, организующих и объективизирующих психических явлений субъективно.

Все психические феномены и в фило- и в онтогенезе развиваемы, причем их развитие определяется как созреванием и постарением, так и формированием, высшим видом которого является воспитание. Оно опирается на обучение, которое опирается на упражнение, опирающееся в свою очередь на тренировку. Каждый вид формирования адресуется, в основном, определенной подструктуре личности, а через ее свойства — к свойствам низших и высших подструктур. Иерархия и субординация основных подструктур личности взаимосвязаны с иерархией и субординацией видов формирования свойств каждой подструктуры.

Логические связи общепсихологических категорий соответствуют объективным иерархическим связям между феноменами, которые они отражают. Как подструктуры личности располагаются не в случайном, а в объективно обусловленном иерархическом порядке, так и порядок общепсихологических категорий закономерен. Однако их специфической особенностью является то, что они замкнуты в кольцо.

Развитие психики индивидов определяло возникновение и развитие различных форм психического отражения в филогенезе. В онтогенезе человека — развитие форм отражения определяет развитие сознания личности и ее деятельности; деятельность же, как функция человека в целом, в свою очередь определяет развитие форм отражения, а следовательно, и развитие сознания и личности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Система построения и функций психологической науки

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Система принципов и методов в психологии

1. Взаимодействие категорий и принципов психологии

Психология, как и любая наука, это система теорий, каждая из которых является системой понятий, отражающих психологические феномены в их развитии, взаимодействии и опосредовании внешними для них условиями. В психологию входят помимо ее категорий также и ее принципы, которым в последнее время уделяется все большее внимание.

Принцип (от лат. principium — основа) в логике — это «основное положение, исходный пункт, предпосылка какой-либо теории, концепции»[1]. В истории философии разделялись принципы бытия (principia essendi), которые в дальнейшем стали пониматься как законы, и принципы познания (principia cognoscendi).

Принцип психологии — это кратко сформулированная теория психологии, отражающая ее закономерность, подытоживающая ее прошлый опыт, проверенный практикой и временем, не имеющая контрфактов и ставшая исходным требованием для дальнейших исследований и построений ее дальнейших теорий.

Принципы психологии взаимосвязаны не только друг с другом (и, конечно, не противоречивы между собой), но и с соответствующими категориями. Они не изобретаются, а открываются в уже накопленном опыте этой науки по соотнесении его с опытом смежных наук и, прежде

---

[1] *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971, с. 416.

всего, с философией. Законы диалектического материализма для психологии выступают всеобщими принципами, которые становятся особенным, конкретизируясь для психологии как науки, и единичным для ее отдельных теорий и проблем.

Если психологическая категория — это наиболее широкое для психологии понятие, отражающее наиболее существенный феномен, то принцип — наиболее краткая формулировка наиболее существенных взаимодействий и опосредований этих феноменов. Многие трудности и ошибки психологии вызваны определенным разрывом между принципами и категориями: так бывает, если принцип анализируется без опоры на раскрытые категории, а категории используются в отрыве от принципа.

Принципы психологии глубоко связаны с понятиями «психологическая закономерность» и «закон психологии», поэтому на их взаимодействии надо остановиться подробнее. *Закономерность* — это объективно существующая повторяемая причинно-следственная связь определенных явлений при их взаимодействии, которая, если она достаточно хорошо познана (открыта), отражается в формулировке *закона.* Иными словами, закономерность — отражаемое, закон — отраженное. Поэтому с достаточным основанием можно сказать: психологическая закономерность — это еще недостаточно раскрытый психологический закон. Закономерность — это когда закон предполагается, но не может еще быть точно сформулирован.

Ряд принципов представляют собой преломление в психологии общих законов диалектики. Марксистская психология исходит из марксистской философии и из решения ею основного вопроса философии, из материалистического монизма, из единства субъективного образа с отражаемым в нем объективным миром, из познаваемости этого единого развивающегося мира путем приближения к абсолютной истине через ряд относительных. Эти законы и принципы диалектического материализма лежат в основе наиболее общего принципа психологии, сформулированного С. Л. Рубинштейном[2] и разрабатываемого Е. В. Шороховой,— *принципа детерминизма.*

---

[2] См.: *Рубинштейн С. Л.* Проблемы психологии в трудах К. Маркса.— Сов. психотехника, 1934, № 1; Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 19—46.

«Строго говоря, если содержанием понятия «детерминизм» считать причинную обусловленность явлений, то точка зрения, согласно которой одни психические явления обусловлены другими психическими явлениями, должна быть квалифицирована как детерминистическая. Однако это будет детерминизм идеалистический. Этот идеалистический детерминизм равен индетерминизму. Значит, когда речь идет об индетерминизме, имеются в виду взгляды, противоположные материалистическому детерминизму, представляющему собой учение о материальной причинной обусловленности всех явлений действительности, включая и явления психические» [3],— пишет Е. В. Шорохова. Надо отметить, что это определение чрезвычайно важно для проблемы «отражение отражения». Ведь, если ее отнести к психическому самоотражению, то значит одни психические явления обусловлены другими психическими явлениями, а это значит, что этот детерминизм идеалистический. Поэтому эта формулировка может быть принята только на уровне физиологического отражения как обусловленность одних материальных явлений другими материальными явлениями.

Следующий принцип — *принцип развития* — конкретизирует в психологии для развития психики общий закон диалектики, трактующий развитие как всеобщее свойство материи [4]. Он неразрывно связан с *принципом общественно-исторической обусловленности* сознания, а следовательно, личности и деятельности. Имея решающее значение для психологии человека, он должен учитываться и социальной психологией.

Принцип развития применительно к понятиям, терминам и теориям самой психологической науки, т. е. применительно к явлениям субъективной диалектики, формулируется как *принцип историзма*. В нем осуществляется требование диалектической логики анализировать любое понятие в единстве его логического и исторического аспектов. Е. А. Будилова так формулирует суть этого принципа: «При изучении истории науки методологический принцип развития предполагает применение идеи развития к процессу отражения объективной действитель-

[3] *Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии.— В кн.: Теоретические и методологические проблемы психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1969, с. 10.
[4] Проблема развития в психологии / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1978.

ности мыслью человека. И в этом заключается отличие применения этого принципа в истории науки от его применения в исследовании возникновения психических процессов, эволюции психики в животном мире, общественно-исторического происхождения сознания и формирования психики ребенка, поскольку здесь научное познание схватывает и отражает развитие самого исследуемого объекта — психики человека и животных... Поэтому взаимосвязь теории и истории психологии надо понимать как взаимоотношение современной науки, являющейся результатом исторического развития знаний, с историей ее формирования»[5]. Можно указать на примеры реализации этого принципа: монография Е. А. Будиловой[6], «категориальный подход» М. Г. Ярошевского[7]; мне довелось реализовать этот принцип применительно к авиационной психологии[8].

Следующий принцип психологии — *принцип единства сознания и деятельности* — был в общем виде сформулирован С. Л. Рубинштейном. «Деятельность и сознание,— писал он,— не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство»[9]. Л. И. Анцыферова, цитируя это положение, делает к нему следующую сноску: «Термин «сознание» относился в этом контексте не только к осознаваемым явлениям психики, но и к («подчиненным», добавил бы я.— *К. П.*) неосознаваемым психическим процессам, состояниям, обозначая в сущности свойственный человеку уровень развития психики»[10]. Этот принцип стал общепризнанным. Как справедливо подчеркивает Л. И. Анцыферова, этот принцип приобрел важное методологическое значение: «Принцип единства сознания и деятельности

---

[5] *Будилова Е. А.* О взаимосвязи истории и теории психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 153—154.

[6] См.: *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.

[7] См.: *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. 2-е изд., М., 1974.

[8] См.: *Платонов К. К.* Методологические вопросы истории отечественной авиационной психологии.— В кн.: Психология и практика / Под ред. А. В. Петровского. М., 1975, с. 15—26.

[9] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935, с. 51.

[10] *Анцыферова Л. И.* Принцип связи сознания и деятельности в методологии психологии.— В кн.: Теоретические и методологические проблемы психологии. М., 1959, с. 58.

становится, таким образом, основой всех объективных методов психологии»[11]. Кратко этот принцип можно сформулировать так: сознание деятельно, а деятельность сознательна.

Близок к принципу единства сознания и деятельности *принцип единства личности и деятельности*. О необходимости изучения личности учащегося в процессе обучения было указано еще в постановлениях ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25 августа 1931 г. и от 25 августа 1932 г. Вскоре этот принцип был применен к изучению личности курсантов авиационных училищ: «Чем больше деятельность изучаемого сходна по своей психологической структуре с условиями полета, тем более полно и достоверно она позволит судить о его летных качествах. Здесь сразу же надо подчеркнуть, что речь идет о психологическом сходстве, а не о внешнем подобии. Условия деятельности, например, при наземной тренировке с условиями полета иногда понимают только как чисто внешнее подобие, сводящееся подчас к театральности, бутафории, ничего общего не имеющие с общностью психологических структур»[12].

В русле этих же исследований в авиации был сформулирован *принцип единства сознания и личности*. «Говоря о сознании, мы всегда подразумеваем сознание конкретной личности, а говоря о деятельности, не должны забывать все известное нам о сознании... Вместе с тем единство, не означая тождества, предполагает и ряд различий. Структура сознания не соответствует структуре личности. Степени нарушения сознания не соответствуют тяжести патологии личности. Снижение ясности сознания, например, не затронет моральных качеств личности, которые может резко нарушить бредовая идея[13].

На современном этапе развития методологии психологии эти два принципа должны быть объединены в один *принцип единства сознания личности и деятельности*, который может быть сформулирован так: Сознание как высшая интегральная форма психического отражения, личность — являющаяся человеком как носителем созна-

[11] Там же, с. 59.

[12] Основные принципы и методы изучения личных качеств курсантов.— В кн.: Медицина на воздушном транспорте. М., 1949, с. 59.

[13] *Платонов К. К.* Проблема личности в медицине.— В кн.: Философские и социальные проблемы медицины. М., 1966, с. 238, 239.

ния,— деятельность, как форма взаимодействия человека с миром, в которой человек достигает сознательно поставленной цели, существуют, проявляются и формируются в своем не тождестве, а триединстве, определяемом взаимодействиями со сменой их причинно-следственных связей.

Логика объединения принципа единства сознания и деятельности с принципом единства личности и деятельности в единый принцип единства сознания, личности и деятельности обосновывалась мною в ряде работ [14], поэтому отрадно отметить, что теперь этот принцип нашел авторитетное признание [15].

В принципе единства сознания личности и деятельности отчетливо видна связь психологических принципов и категорий, о которых уже говорилось. Только понимая под личностью человека как носителя сознания и принимая формулировку, что сознание деятельно, а деятельность сознательна, можно и понять, и принять этот принцип.

Системно-структурный подход, которому была посвящена глава III, одновременно выступает и как *системно-структурный принцип*, согласно которому любое явление, взятое за целое и понимаемое как система, имеет свои элементы, объединенные в необходимое и достаточное число подструктур, причем, это целое, его подструктуры и элементы взаимосвязаны разносторонними взаимодействиями. Раскрытие структуры любого целого осуществляется на основе системно-структурного подхода, методом системно-структурного анализа. Другие принципы психологии, о которых есть упоминания в литературе, здесь только перечислим: принцип деятельности, конвергенции, дополнительности, соответствия, прожективной многослойности, диалектического монизма, многокачественности объектов действительности [16].

---

[14] Кроме работ, указанных в двух предыдущих сносках, см.: Психология личности.— В кн.: Человек в социалистическом обществе и буржуазном: Симпозиум (докл. и сообщ.). М., 1966, с. 310—318; Сознание и личность.— В кн.: Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966, с. 189; Принципы изучения человека с целью его профессиональной ориентации.— В кн.: Профессиональная ориентация молодежи. М., 1978, с. 118.

[15] См.: *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980, с. 260.

[16] См.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 77, 126, 276, 279, 299, 323, 324.

Итак, принципы психологии — это предельно кратко сформулированные теории, в которых отражается накопленный ею опыт, проверенный практикой и составляющий основу дальнейших разработок. Вопреки распространенному мнению, нет основания говорить о «принципе отражения» и рядополагать его, даже ставя первым, по иерархии с другими принципами психологии. Ведь решение основного вопроса философии марксизмом — это соответственно не «принцип марксизма», а сама его сущность.

Основным принципом психологии является принцип детерминизма. Он определяет все другие принципы: принцип единства сознания и деятельности (точнее — принцип единства сознания личности и деятельности), принципы развития и историзма, системно-структурный принцип. Принципу личностного подхода и принципу иерархии посвящены следующие параграфы.

2. Личностный подход как принцип психологии

В отличие от принципов, рассмотренных выше, которым посвящено немало работ, принцип личностного подхода, вопрос о котором был поставлен Е. В. Шороховой [17], изучен в его различных применениях еще явно недостаточно [18].

В. М. Бехтерев в 1907 г. в речи на Международном съезде врачей в Амстердаме сформулировал тезис, прозвучавший как новое слово в мировой психологии, увлеченной тогда психометрией отдельных функций. «Если мы будем подвергать несколько лиц определенным экспериментам,— сказал Бехтерев,— то окажется, что каждое лицо даст свои особые результаты, вытекающие из особенностей его личности. Иначе говоря, при совершенно одинаковых внешних условиях различные лица будут испытывать неодинаковые переживания, что с некоторым сожалением отмечается психологами, как обстоятельство, затрудняющее перенесение результатов, полученных при исследовании одного лица, на другое» [19].

---

[17] См.: *Шорохова Е. В.* Предисловие.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 5.

[18] См.: *Платонов К. К.* Личностный подход как принцип психологии.— Там же, с. 190—217.

[19] *Бехтерев В. М.* Объективное исследование нервно-психологической деятельности.— Обозрение психиатрии и неврологии, 1907, № 9, с. 515.

В 20-х годах Д. Н. Узнадзе также ставил вопрос, относящийся к личностному подходу. «Конечно, буржуазная психология не может обойти факт решающего значения личности,— писал он,— она не может вполне игнорировать то обстоятельство, что активным деятелем в процессе жизненных отношений является непосредственно не какая-нибудь из функций человека, а он сам как активно действующий субъект. Но когда ставится вопрос, что же он собой представляет психически, что такое личность человека, то традиционная психология обращается к исходным понятиям психических процессов и идею личности старается построить на этих последних»[20]. Эту оценку «традиционной психологии» следует признать справедливой и поныне. Все работы самого Д. Н. Узнадзе и его школы, как это было показано А. С. Прангишвили, опираются на личностный подход.

В. М. Бехтерев и Д. Н. Узнадзе ставили вопрос об этом принципе в целом. Его сущность и объективная закономерность, лежащая в его основе, была раскрыта С. Л. Рубинштейном. «Мы исходим из того,— писал он,— что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. С этим пониманием детерминизма связано истинное значение, которое приобретает личность как целостная совокупность внутренних условий для понимания закономерностей психических процессов». И далее: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия... Все в психологии формирующейся личности так или иначе обусловлено внешне, но ничто в ее развитии не выводимо непосредственно из внешних воздействий... Внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств»[21]. Эти положения предельно точно передают объективную суть личностного подхода в понимании не только личности в целом, но и отдельных психических явлений. Они стали общепризнанными.

---

[20] *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1971, с. 166.

[21] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание, с. 307, 308, 315, 226.

Личностный подход к человеку, с которым устанавливаются какие-либо отношения или который, в частности, является объектом изучения,— это подход к нему как к целостной личности с учетом всей ее сложности, истории ее развития и всех ее индивидуальных особенностей, иными словами,— подход с учетом всей индивидуальной динамической функциональной структуры данной конкретной личности.

В наиболее общем значении личностный подход как принцип советской психологии заключается в понимании личности как воедино связанной совокупности внутренних условий (структуре ее свойств), преломляющих все внешние воздействия, т. е. как отражающей системы.

В соответствии с личностным подходом ни одно психическое явление — будь то процесс, состояние или свойство личности, проявляющееся в деятельности (а следовательно и сама деятельность, и ее элементы — действия и поступки), не могут быть правильно поняты без учета личностной их обусловленности.

Принцип личностного подхода в психологии, даже не будучи осознанным как принцип, уже давно применялся многими исследователями. Так история отбора летного состава знает ряд тенденций [22], из которых наиболее четко прослеживаются две. Начало первой, заимствованной психотехникой у функциональной психологии, дробящей психику исследуемого на рядоположенные функции, было положено А. П. Нечаевым [23]. К сожалению, эта тенденция не изжита полностью и поныне. Вторая применялась в клинике В. М. Бехтерева его учеником В. В. Абрамовым, исследовавшим пилотов с точки зрения их личностных творческих способностей, и была развита С. Е. Минцем и К. К. Иоселиани [24].

Борясь с односторонностью и ограниченностью изучения памяти ассоционистами, А. А. Смирнов исходил в исследованиях из тезиса, что для личностного психическо-

---

[22] См.: *Платонов К. К.* История и теория отбора летчиков.— В кн.: Вопросы психологии: (Материалы Второй закавк. конф.). Ереван, 1960, с. 80—85.

[23] См.: *Нечаев А. П.* К вопросу об экспериментально-психологическом исследовании летчиков.— Психология, неврология и психиатрия, 1923, т. 2.

[24] См.: *Иоселиани К. К.* Клинико-психологические исследования в практике врачебно-летной экспертизы. Дис. ...д-ра мед. наук. М., 1975.

го процесса закономерна «связь каждого из них со всеми сторонами личности» [25]. Еще более определенно выражен принцип личностного подхода при изучении памяти в книге «Проблемы психологии памяти»: «Мы не являемся пассивной ареной, на которой разыгрываются события и протекают процессы, происходящие «в нас», но, якобы, «без нас»,— пишет он.— Мы сами являемся в процессе познания действующими субъектами, намеренно выполняем разного рода действия и операции, произвольно избираем их для достижения поставленных целей, для решения стоящих перед нами задач... Познает, мыслит, запоминает и воспроизводит всегда человек, определенная личность» [26]. Личностный подход А. А. Смирновым не только провозглашался, но и осуществлялся, особенно удачно при анализе видов мнемонической направленности и их влияния на запоминания, а также мотивов запоминания и их влияния на его продуктивность.

Доказательства плодотворности личностного подхода были получены в наших с И. В. Терешкиной исследованиях двигательных реакций человека. Изучая влияние профессиональных и индивидуальных качеств личности на автоматизацию реакции выбора, И. Терешкина выявила, что у диспетчеров и у телефонисток процесс автоматизации идет совершенно различно [27]: у первых — «на точность», у вторых — «на скорость».

Интересные данные, говорящие в пользу эффективности личностного подхода при изучении двигательных реакций, были получены А. Е. Ольшанниковой. Об ограниченном действии закона силы писали многие авторы, но А. Е. Ольшанникова экспериментально подтвердила личностную значимость и обусловленность этого закона. «В условиях, моделирующих производственную ситуацию, сравнивались два фактора: фактор физической интенсивности раздражителя и фактор психического порядка, определяемый условиями деятельности. Решающим оказался этот второй фактор... Наиболее быстрые реакции были

---

[25] *Смирнов А. А.* Психология запоминания. М.; Л., 1948, с. 6.
[26] *Смирнов А. А.* Проблемы психологии памяти. М., 1966, с. 8.
[27] См.: *Терешкина И. В.* Экспериментальное исследование процесса автоматизации реакции выбора: Дис. канд. психол. наук. М., 1955; *Она же.* О процессе автоматизации двигательного навыка.— В кн.: Материалы совещания по психологии. М., 1957, с. 571—576.

получены на более слабый по интенсивности, но аварийный по значению раздражитель»[28].

Итак, целостная динамическая функциональная структура личности является отражающей системой, определяющей сознание как интегральный продукт этого отражения и деятельность как объективизацию активности этого отражения. Личность в качестве отражательной системы находится между внешними стимулами, действующими на человека и, в конечном счете, превращающимися во внешние его реакции.

Поскольку понимание личности как внутренних условий, опосредствующих внешние воздействия, в свете теории отражения соответствует пониманию ее как отражающей системы, ее учет дает лучшие результаты при делаемых выводах. Поэтому личностный подход должен рассматриваться в качестве одного из основных принципов советской психологии.

Принцип личностного подхода означает не всякое изучение личности, а только такое, когда через личность познаются ее элементы и связи этих элементов как между собой, так и с целостной личностью. Этим он взаимодействует с системно-структурным подходом.

Принцип личностного подхода допускает обоснованное абстрагирование и оценку изолированного психического явления (психической функции, процесса, способности и т. д.), целенаправленно «вырванного» из общего взаимодействия изучаемых явлений. Но и при их изолированном изучении он никогда не допускает игнорирования личности в целом.

3. Принцип иерархии и иерархия принципов в психологии

Если одни психологические принципы — принцип детерминизма, развития и историзма — заимствованы психологией из философии, а другие — принцип единства сознания и деятельности и принцип личностного подхода — спонтанно возникли в самой психологии, отражая существенные и специфические для нее объективные закономерности, то третий вид принципов понимается и

---

[28] *Ольшанникова А. Е.* Появление закона силы в условиях, сопоставляемых и не сопоставляемых с условиями работы оператора.— Вопр. психологии, 1962, № 5, с. 43.

формулируется психологией под влиянием смежных наук и практики. К этому виду относится принцип иерархии [29].

В истории человечества иерархия ранее всего была понята в плане различия роли возрастов в условиях племени. Тогда же возникла и *субординация*, подчинение более молодых старшим. Вначале и то, и другое было обусловлено еще не социально, а биологически, что свойственно и стадным животным, достигая четкого выражения у обезьян. Классовое общество социализировало биологическую иерархию в различных формах и прежде всего в иерархии классов. Субординация в нем наиболее четко проявляется во взаимодействии двух иерархических уровней — уровня эксплуатируемых и уровня эксплуататоров. В дальнейшем, по мере развития государств сложились прочие социальные иерархические системы, проявления которых ярко выразились в армии и церкви.

Само слово «иерархия» греческого происхождения и в Византии определяло сложную многоуровневую систему подчинения низших церковных чинов высшим. Оттуда это понятие перешло в армию и в систему государственного чиновничества во всех европейских языках. В словаре В. Даля (1881 г.) это слово ограничено смыслом: «иерарх — священноначальник». В словаре С. И. Ожегова имеется определение иерархии как порядка подчинения низших (чинов, должностей и т. п.) высшим, «иерархическая лестница» [30]. В этом определении «чины и должности» относятся к историческому, а «иерархическая лестница» — к логическому плану раскрытия понятия, все шире входящему в языки различных наук, в том числе и в язык психологии.

Понятие «иерархическое деление классов» давно вошло в логику и получило определение как «последовательное деление классов на подчиненные им классы», как пишет Н. И. Кондаков. Далее он дает пример: «Формация, общественно-экономическая формация, антагонистические формации, капитализм, монополистический капитализм, английский монополистический капитализм» [31]. Два понятия «иерархическая лестница» и «иерархиче-

---

[29] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Иерархия, как принцип психологии.— В кн.: Проблемы психического воздействия. Иваново, 1978, с. 30—49.

[30] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1952, с. 208.

[31] *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971, с. 166.

ские классы» удобны для применения в психологии. Третье понятие — «субординация» (от латинского ordinatio — приведение в порядок) лучше всего поясняется примерами из армейской практики, в которой принцип иерархии и субординации наиболее четко выражен и определен соответствующими уставами, что по аналогии помогает понять этот принцип и в области психологии.

В последние годы понятие иерархии включено в теорию систем. «Существование иерархий в природе неоднократно обсуждалось многими авторами, хотя при этом лишь очень мало добавлялось к тому, что уже было известно, а именно, что иерархические структуры действительно существуют» [32],— констатируют авторы, пожалуй самой подробной работы, посвященной этой проблеме. В предисловии к ней Г. С. Поспелов пишет, что эта книга «как одна из первых попыток строго формального описания сложных иерархических систем... является полезным пособием по теоретическим принципам построения управления систем с иерархическими структурами» [33]. Но это далеко не единственная работа, раскрывающая проблему с позиции теории систем и структур [34].

В «Энциклопедии кибернетики» дается определение: «Иерархические системы управления (ИСУ) — системы произвольной природы (технические, экономические, биологические, социальные) и познания, имеющие многоуровневую структуру в функциональном, организационном или каком-либо ином плане» [35]. В этом четком определении, однако, между иерархическими биологическими и социальными системами явно упущены психологические.

Бесспорный интерес для теории иерархических систем представляет следующее положение Н. Н. Моисеева. «Как только система становится «достаточно сложной»,— пишет он,— в ней неизбежно возникает иерархическая структура. Мы не знаем сколь-нибудь сложных систем, не обладающих подобной структурой. Это делает изуче-

---

[32] *Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем: Пер. с англ. М., 1973, с. 49.

[33] Там же, с. 10, 11.

[34] См.: *Геймейр Ю. Б.* О некоторых задачах теории иерархических систем управления.— В кн.: Проблемы прикладной математики и механики. М., 1971; *Мангейм М. Л.* Иерархические структуры. М., 1970; *Фрадкин Ю. М.* Оптимальное управление в иерархических структурах.— Докл. АН СССР., 1972, № 2; и др.

[35] Энциклопедия кибернетики. Киев, 1974, т. I, с. 345.

ние иерархических систем особенно важным не только с прикладной, но и с теоретической точки зрения»[36]. Это положение достойно внимания и психологов.

Не каждая структура, изучение которой задано психологии, относится к иерархической. Может быть, так считается, потому что психологические системы недостаточно изучены, хотя психология и накопила немалый опыт системно-структурного подхода не только к заданным ей явлениям, но и к данным ей смежными науками, помогающим понимать заданное. Так, теория отражения показывает иерархию основных форм отражения. Выше была дана схема иерархий отражающих систем и других продуктов эволюции материи от неживой природы до общества (см. схему на с. 231).

В этой книге неоднократно применялся образ спирали. В связи с принципом иерархии уместно остановиться на нем несколько подробнее. *Спираль* развития обычно представляют с вертикальным расположением оси, что упрощает этот образ. При диалектическом понимании развития по спирали она, имея вид конуса, одной стороной лежит в горизонтальной плоскости. Диалектика иерархии развития при этом символизируется не только увеличением диаметра каждого витка, но и наличием спуска за счет борьбы противоположностей перед каждым подъемом на новую высоту. Верхняя точка каждого витка символизирует уровень, а наклонное направление оси под углом к горизонту символизирует направление движения развития. Такой образ спирали значительно богаче иллюстрирует и развитие, и подъем, и уровни, и борьбу противоположностей.

По принципу иерархии построены все схемы этой книги. Напомним, что этому принципу подчинены формы отражения в ряду от памяти и эмоций до творческого мышления и воли: уровни целеобразования; три ступени психических явлений; процессы, состояния, свойства личности; формы направленности от влечений до убеждений; три ступени опыта: знания, навыки, умения; четыре основных подструктуры личности; четыре специфических для каждой из них вида формирования: тренировка, упражнение, обучение и воспитание.

Приведенный перечень основных проявлений принци-

---

[36] *Моисеев Н. Н.* Элементы теории оптимальных систем. М., 1975, с. 465.

па иерархии в области психологии далеко не исчерпывающий. При рассмотрении категорий было видно, что их порядок не случаен и что в нем также проявляется принцип иерархии. Категория развития психики, распространяясь на категорию форм психического отражения, раскрывается в их формах не в случайной беспорядочности, а в иерархии и замыкает на более высоком уровне формирование сознания и личности. Иерархия категорий проявляется и в том, что, только разобравшись в категории, стоящей ранее в их ряду, можно подойти к системе категорий, следующих за ней.

Принцип иерархии распространяется и на взаимосвязь самих *психологических принципов*. Основные из них могут быть расположены на иерархической лестнице в таком порядке: принцип детерминизма, развития психики, общественно-исторической обусловленности развития сознания, историзма, структурности, единства личности, сознания и деятельности, личностного подхода, иерархии.

Принцип детерминизма расположен на высшей ступени иерархической лестницы, будучи проявлением в психологии философского принципа взаимодействия. Этот принцип соответствует категории форм психического отражения и по существу означает для психологии решение диалектическим материализмом основного вопроса философии.

Следующий принцип психологии — принцип развития психики, уточняемый для человека принципом общественно-исторической обусловленности развития сознания, личности и деятельности. Без опоры на них нельзя с должной глубиной понять развитие форм психического отражения у животных и человека как объективных психических феноменов. С ним связан следующий принцип историзма, направленный на развитие уже не самих феноменов, а понятий и категорий психологии, их отражающих. Дальше следует принцип структурности, помогающий понять методом системно-структурного анализа взаимосвязи частей между собой и их с целым.

Дальше следует принцип единства сознания, личности и деятельности, который можно понимать как единый в данной выше его формулировке, но можно понимать и как три связанных, но самостоятельных принципа. Принцип личностного подхода не может находиться в иерархической последовательности принципов раньше предыдущего, т. к. он на него опирается и является его развитием.

Принцип иерархии не только замыкает этот ряд, но, замыкая спираль, возвращает линию связи к принципу детерминизма и иерархии развития психики.

Принцип иерархии говорит и о том, что помимо общепсихологических принципов как предпосылок любых исследований в любых психологических науках и их отраслях есть и *частнопсихологические принципы* отдельных психологических наук и проблем. Хотя, точнее говоря, здесь надо сказать не «есть», а «должны быть», так как они сформулированы далеко не всеми психологическими науками. Здесь можно и нужно прежде всего указать на общее свойство принципов психологических наук, лежащих на пересечении психологии с другими науками: принципы таких наук уточняют и дополняют общепсихологические принципы принципами наук, пересекающихся с психологией. Иными словами, они отражают закономерности, изучаемые не только психологией, но и науками, пересекающимися с ней.

Так, *принципы социальной психологии* уточняют и дополняют психологические принципы основными принципами марксистской социологии: принципом классовости, национальным принципом, принципом общественной пользы и др. В условиях социалистического общества для поколений, воспитанных после Октябрьской революции, принцип классовости потерял остроту, характерную для общества с антагонистическими классами. И все же этот принцип является основным принципом социальной психологии, в равной степени важным для марксистского понимания не только групповой психологии, но и психологии личности, психологии труда, психологии искусства, вообще любой психологической науки, в своем развитии имеющей аспект социальной психологии.

Бесперспективность и ненаучность буржуазной психологии в значительной мере определяется тем, что она избегает раскрытия *принципа классовости* при изучении общественно-психологических явлений или сознательно маскирует его. Поэтому подход ее к любой изучаемой психологической проблеме оказывается ущербным. Вместе с тем, классовый подход к любым психическим явлениям в обществе с антагонистическими классами является принципом, и потому, пронизывая все психологические науки, он устраняет необходимость выделения психологии классов в самостоятельную психологическую науку наравне с национальной психологией.

Пожалуй, наиболее подробно разработаны *принципы медицинской психологии*[37]. Они объединяют принципы психологии с основными принципами медицины, которыми для советской медицины являются принцип профилактики и принцип гуманности, идущий еще от Гиппократа,— prima non nocere (первое — не вредить).

Как было сказано, частнопсихологические принципы могут проявляться и в отдельных проблемах, например, в психодиагностике, в теории психологических требований к пультам управления и т. д. Они не противоречат общим принципам психологической науки, а только конкретизируют их.

Подводя итог сказанному, можно дать следующее определение: *принцип иерархии* в психологии требует рассматривать все психические феномены как ступени, включенные в иерархическую лестницу, в которой нижние ступени субординированы (т. е. подчинены и управляются) высшими, а высшие, включающие в себя низшие в измененном, но не устраненном виде и опирающиеся на них, к ним не сводятся; переходы от ступени к ступени осуществляются, как скачки на основе появления новых системных качеств.

4. Взаимодействие принципов и методов психологии

Вспомним актуальные и сегодня слова И. П. Павлова, сказанные им в 1911 г.: «Метод — самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных»[38]. И еще: «Наука движется толчками,

---

[37] См.: *Ушаков Г. К.* Концепция уровня и организации систем в изучении патогенеза нервно-психических расстройств и теория отражения В. И. Ленина.— В кн.: Материалы V Всесоюз. съезда невропатологов и психиатров. М., 1969, т. I, с. 268—270; *Зейгарник Б. В.* Принципы построения патопсихологического эксперимента.— В кн.: Введение в патопсихологию. М., 1969, с. 25, 37; *Платонов К. К.* Принципы медицинской психологии.— В кн.: Методологические проблемы медицинской психологии. М., 1977, с. 51—68.

[38] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М., 1952, т. V, с. 26.

в зависимости от успехов, делаемых методикой»[39]. Придавая большое значение методу, И. П. Павлов настойчиво подчеркивал значение теории. «Не превращайтесь в архивариусов фактов»,— писал он в письме к молодежи[40], солидаризируясь с К. А. Тимирязевым, также утверждавшим, что «истинный ученый не должен сводить науку на голую регистрацию фактов»[41].

И Павлов, и Тимирязев говорили о взаимодействии методов, фактов, ими получаемых, и теорий. *Факт* (от латинского factum — совершившееся, сделанное) — это совершившееся, и, пока не раскрыта его сущность и связи, включающие его в систему других фактов, он научно не познан. Напомним положение Маркса, данное им в «Капитале»: «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»[42].

Учение о методах психологии с позиций теории отражения еще требует особого исследования. Но здесь нужно хотя бы кратко остановиться на вопросе теснейшей взаимосвязи методов и принципов психологии, недооценка которой чревата грубыми методологическими ошибками, связанными с легкомысленным перенесением методов буржуазной психологии в советскую, прикрываемым словом «адаптация», о чем я неоднократно писал[43].

В психологии, как и в большинстве других наук, факты получаются при помощи двух основных методов, а точнее — групп методов: *наблюдения* и *эксперимента* (или опыта). И. П. Павлов еще в 1899 г. указал на предельно четкое их различие: «...наблюдение собирает то, что ему предлагает природа, опыт же берет у природы то, что он хочет»[44]. Добавить здесь можно только к слову «природа» — «человек и общество», и напомнить, что наблюдение может быть не только визуальное, но и аудиальное при опросе и беседе.

Но, помня указания И. П. Павлова и К. А. Тимирязева, необходимо учитывать взаимодействие названных ме-

---

[39] Там же, т. II, ч. 2, с. 22.
[40] Там же, т. I, с. 22—23.
[41] *Тимирязев К. А.* Исторический метод в биологии. М., 1922, с. 55.
[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 384.
[43] См.: *Платонов К. К.* Проблемы способностей. М., 1972, с. 217—224; *Он же.* Против вульгаризации в применении тестов в психодиагностике.— Соц. труд, 1974, № 12, с. 95—98 и др.
[44] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч., М., 1951, т. II, кн. 2, с. 274.

тодов сбора фактов и метода логического их анализа и интерпретации путем умозаключений. Этот метод использует язык психологической науки и обобщает его в соответствующей теории. Этот нередко забываемый в учебниках психологии метод иногда называют *теоретическим психологическим анализом*, а иногда — *умственным экспериментом*.

С позиции теории отражения познавательная сила эксперимента состоит в активном изменении взаимодействия связей как отражаемой системы с ее средой, так и связей элементов самой этой системы. Такое целенаправленное изменение связей позволяет более разносторонне, а следовательно и глубже, познать отражаемую систему. Правильно задуманный и поставленный эксперимент всегда является *моделью*, специально ослабляющей несущественные и оставляющей неизменными или даже усиливающей существенные элементы отражаемой системы. Это отчетливо проявляется в методе беседы, отличающейся от опроса (интервью) экспериментальной направленностью.

Быстротечность элементов психических явлений, даже тех, которые подобием своих повторений определяют свойства личности, требует их фиксации. Методы *фиксации* часто называют экспериментальными, что методологически неверно. Однако практически условия фиксации при психологических исследованиях часто совпадают с проведением эксперимента. Так фиксация деятельности летчика на самолетах-лабораториях может производиться в обычном полете, но чаще в этом случае он выполняет экспериментальные задания[45]. Фиксация психических явлений в условиях и наблюдения, и эксперимента взаимосвязана с их измерением, психометрикой в широком смысле этого слова. *Измерение* — это метод познания величины чего-либо путем сравнения с величиной, принятой за меру.

Проблема измерения, дающего возможность применения к психологии математики — это острая современная методологическая проблема психологии. С одной стороны, продолжает существовать прогрессивная тенденция выполнять завет Галилея: «Измеряй все доступное измерению и делай все недоступное измерению доступным». Эти его слова заставили и меня заняться разработкой метода

---

[45] См.: *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960, с. 33—36, 168—170.

полярных баллов, о котором шла речь в главе VIII. Но, когда, ссылаясь на высказывание Маркса «Наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой», некоторые ученые пытаются создать самостоятельную психологическую науку — математическую психологию, это вызывает сомнения.

Но эту проблему нередко и упрощают, начиная с того, что Марксу приписывают слова из воспоминаний о нем П. Лафарга[46]. Часто забывают и об ошибке, о которой лучше всего сказать словами крупной специалистки по проблеме измерения Е. С. Венцель: «Перед нами все время проходит громадное число работ, которые страдают одной и той же особенностью: грамотно и правильно примененный аппарат и наряду с ним — совершенно произвольная, неубедительная постановка задачи»[47]. Эта ошибка в психологии определяется забвением того, что субъективные явления имеют протяженность только во времени, хотя и объективизируются в пространстве и далеко не всегда дискретны.

С точки зрения отражаемой системы психических явлений, теория отражения позволяет установить следующую иерархию методов психологической науки: наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент.

Но теория отражения требует оценивать все эти методы и с точки зрения их теории, без учета чего применение любых методов методологически принимает форму ползучего эмпиризма. Для предохранения от этого порока, органически присущего буржуазной психологии, но, к сожалению, встречающегося и у нас, планируя применение того или иного метода, всегда следует помнить, что метод всегда вырастает из определенной теории, которую он должен проверить, подкрепить, уточнить или опровергнуть.

«Если мы хотим нечто назвать методом, то оно должно быть способом действия согласно основоположениям»[48], утверждал Кант в «Критике чистого разума». Как правило, связь метода с теорией осуществляется осознанно создателем конкретного метода или его модификации. Но нередко случается, что методы одной теории бездумно переносятся в другую, которой они по сути противо-

---

[46] См.: *Лафарг П.* Воспоминания о Марксе. М., 1967, с. 11.
[47] Исследование операций: Методол. аспект. М., 1972, с. 107.
[48] *Кант И.* Соч. М., 1964, т. 3, с. 694.

речат. Это отчетливо проявилось на примере увлечения «миннесотским многофазным личностным тестом» (сокращенно MMPI), предложенным клиническими психологами С. Хатэуэем и Дж. Маккинили и в 1960 г. переведенным на все языки стран НАТО. Первоначально рассчитанный как патодиагностический, этот тест-вопросник с позиций теории Э. Кречмера (1888—1964), стирающей грань между психическими болезнями и свойствами здоровых личностей, был перенесен буржуазными психологами и на оценку последних. Не поняв этого, некоторые советские психологи-практики оценили его как «проявление личностного подхода».

Связь метода с породившей его теорией иногда бывает скрыта и замаскирована последующими его «адаптациями». Поэтому каждый метод следует сопоставить в процессе его теоретического анализа с принципами, а следовательно, и с категориями психологической науки. При этом метод не обязательно должен соответствовать всем принципам, но и не должен ни одному из них противоречить.

Так, однократное исследование одной-двух психических функций не соответствует ни принципу развития, ни принципу личностного подхода, но и не противоречит им, если не имеет цели оценить личность в целом. Оценка же личности лишь на основе ее самооценки противоречит не только психологическому принципу единства сознания, личности и деятельности, но и тому пониманию, которому В. И. Ленин придавал огромное значение, называя его «марксистской истиной»[49] и неоднократно повторяя в различных формулировках: О человеке судят не по тому, что он о себе говорит и думает, а по тому, что он делает[50]. Оценка личности только на основе методов изучения типологических свойств или только отношений противоречит и принципу структурности, включающему в себя понятие целостности, и принципу иерархии.

Это, конечно, не означает, что методы самооценки, изучения типологических свойств или отношений личности должны быть исключены из арсенала психологических методов. Но чем сложнее изучаемый психологический феномен, тем более широким комплексом взаимодополняющих и взаимопроверяющих методов, отражающих его от-

---

[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 341.
[50] Там же, т. 1, с. 423; т. 18, с. 228; т. 47, с. 221.

дельные стороны, связи и опосредования, он должен исследоваться и тем большее значение имеет интерпретация результатов путем умственного эксперимента.

Итак, психологические методы, будучи путями познания разного порядка сущностей психических явлений, взаимосвязаны с двумя системами феноменов психического отражения: с отражающей (познающей) и с отражаемой (познаваемой) системами. Понимание их с позиций теории отражения позволяет глубже проникнуть в сущность различных видов психологических методов, дающих возможность познавать различные как естественные, так и целенаправленно смоделированные формы психических явлений отражаемой системы. Невозможность непосредственного наблюдения субъективного компонента любого психического явления этой системы определяет значение психологического эксперимента, позволяющего проникать в его сущность на основе анализа гомологии и аналогии. В иерархической отражающей системе психологические методы субординируются психологическими гипотезами и теориями, проверяя, уточняя и опровергая их. Непонимание этой сущности психологических методов приводит к методологически ошибочным и практически бесполезным попыткам «адаптации» методов буржуазной психологии, вместо их *модификации,* исходящей из принципов психологии, опирающихся на теорию отражения.

*

Принципы психологии — это краткие обобщенные итоги накопленного теориями опыта, согласованного с единой системой философских категорий и законов диалектики, проверенного практикой и потому положенного в основу дальнейшего развития марксистской психологии. В свете теории отражения принципы психологии являются отражением в научном (общественном, групповом и индивидуальном) сознании наиболее постоянных взаимодействий психических феноменов, наиболее существенных для дальнейшей общественной практики. Иерархия взаимосвязей принципов отражает иерархию взаимодействия соответствующих им феноменов. Эти взаимосвязи объективизируются в методах психологии.

В дальнейшем система принципов будет уточняться, в частности, за счет включения новых общепсихологических принципов как ее компонентов уточнения понимания

каждого из них и разработки систем принципов отдельных психологических наук и проблем. Но вряд ли можно будет вернуться к случайному перечислению принципов и к отказу от анализа их иерархической взаимосвязи.

В основе учений о принципах и об общих и конкретных методах психологии лежит их методология. В методологии психологии сейчас уже достаточно четко выделились следующие подсистемы: методология предмета психологии и ее задач; ее категорий и понятий; системы ее наук, разделов, проблем и тем; ее истории; ее принципов; ее методов. Все они, кроме методологии истории психологии [51], хотя и в иной последовательности и в разной степени, рассматриваются в этой книге.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Система психологических наук в свете теории отражения

1. Предмет, объекты и задачи психологии

В 1912 г. Г. И. Челпанов писал, что психология есть «учение о душе» [1]. К. Н. Корнилов в своем первом учебнике, в 1926 г., утверждал, что психология изучает «не саму душу, а проявления этой души» [2], но уже в учебнике под его редакцией 1938 г. было дано определение, близкое к современному: «Психология является наукой о закономерностях психической деятельности человека, в единстве субъективных и объективных моментов» [3].

С. Л. Рубинштейн, разносторонне рассмотрев отражательную сущность психики, так сформулировал предмет и задачи психологии: «Психологическое познание — это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных, объективных связей и опосредо-

---

[51] См. подробнее: *Каращан В. А.* Методологические проблемы истории развития отечественной военной психологии. Дис. канд. психол. наук. М., 1974; *Платонов К. К.* Методологические вопросы истории отечественной авиационной психологии.— В кн.: Психология и практика. М., 1975, с. 15—26.

[1] *Челпанов Г. И.* Психология. М., 1912, с. 1.

[2] *Корнилов К. Н.* Учебник психологии. Л., 1926, с. 9; 2-е изд. М.; Л., 1928, с. 7.

[3] Психология / Под ред. К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова, Л. М. Шварца. М., 1938, с. 12.

ваний»[4]. В последнем учебном пособии по психологии под редакцией А. В. Петровского, он и М. Г. Ярошевский пишут: «Психология как наука изучает факты, закономерности и механизмы психики». Это определение психологии вошло и во второе издание учебника[5]. Понятие отражения во всех этих определениях отсутствует.

Вот несколько определений психологии, дававшихся мною: «Марксистская психология есть наука о закономерностях психической деятельности человека»[6], «Психология — это наука о психических явлениях, представляющих собой функцию мозга, отражение объективной действительности»[7], «Психология — наука, изучающая психику. Психика — это отражение мозгом объективной действительности»[8]. Определения эти, включавшие понятие «отражение», уточнялись раскрытием предмета, объектов и задач, стоящих перед психологией, и ее места среди других наук.

Здесь стоит напомнить, что *предмет науки* — это тот специфический теоретический аспект, под которым данная наука рассматривает изучаемые ею объекты. Психология должна изучать все свои объекты с позиций ленинской теории отражения. Психика как психическое отражение во всех его формах и опосредованиях и есть *предмет психологии*, раскрывающийся в системе ее категорий и понятий, взаимосвязанных с принципами, теориями и ее методами.

Но психология, как и любая другая наука, стимулируется общественно-исторической практикой. Марксистская психология не может не учитывать классический 11 тезис Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»[9]. Поэтому психология по своей сущности не может ограничиваться только познанием и объяснением изучаемых ею психических феноменов, а одновременно ищет путей их изменения в нужном направлении и проверяет эффективность этих путей. Психология,

---

[4] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. 2-е изд., М., 1940, с. 15, М., 1946, с. 22.
[5] Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970, с. 8; 2-е изд. М., 1976, с. 7.
[6] *Платонов К. К.* Конспект курса психологии. Кача, 1936, с. 3.
[7] *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960, с. 7.
[8] *Платонов К. К., Голубев Г. Г.* Психология. М., 1974, с. 8.
[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 4.

помимо предмета, обладает и этими общими *целями* и *задачами*, как частными (особенными) целями, поставленными в конкретных условиях, ответы на которые она должна получить. Они формулируются как *проблемы* и конкретизируются в *темах* исследований. Последние все чаще требуют комплексного изучения соответствующих объектов с позиций ряда наук. В результате появляются и развиваются частные *психологические науки* и их отрасли, смежные с другими науками и областями практики. Все они имеют общий предмет, лишь специфически уточняющийся в каждой из них. Многие уже четко оформились в самостоятельные психологические науки. Другие имеют эту тенденцию. Третьи остаются только их отраслями или отраслями психологии в целом.

Между предметом психологии и изучаемыми ею *объектами* существует простая связь. Уже не раз отмечалось, что все феномены основных психологических категорий — формы отражения: психические явления, сознание, личность, деятельность, развитие психики — являются объектами изучения не только психологии, но и ряда других наук. Форма проявления — это изучаемый объект, а его различные сущности изучаются разными науками через соответствующие их предмету опосредствования изучаемого объекта.

Данные, полученные при комплексном изучении разными науками одного и того же объекта, должны быть обобщены. Эта задача выполняется синтетическими науками, которые иногда называются дисциплинами. *Синтетическая наука* не имеет своего предмета, поскольку синтетический предмет не возможен по самой сущности предмета науки, но она всегда подчинена четко определенным задачам, решаемым в процессе комплексных исследований. Такой синтетической наукой, в которую входит и психология труда, является эргономика, которой сейчас уделяется большое внимание.

Анализируя предмет любой психологической науки, его не следует отрывать ни от объектов, ею изучаемых, ни от ее задач. Его надо дополнять уточнением того, что ей *задано*, то есть что должно быть решено ею в контексте ее теорий, принципов, языка, при помощи ее методов, и того, что ей *дано*, то есть может быть взято ею от других наук и или непосредственно учтено, или переосмыслено в аспекте своего предмета. Учет различий заданного и данного имеет особое значение в психологиче-

ских науках, лежащих на пересечении с другими, и в тех случаях, когда психология входит в синтетическую науку.

Место психологической науки среди других наук[10] определяется на основе концепции Энгельса об иерархии форм движения материи (а, следовательно, и классов отражения). Система наук, изучающих природу, объединяется понятием *естествознания* (природоведения), соответственно система наук об обществе объединяется в понятии *обществоведения* (обществознания). Последний член триады из классического определения диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления относится к психологии. Попытки, а было их немало, отнести психологию только к естественным или только к общественным наукам заводили ее в тупик и ставили перед ней непреодолимые преграды. Дело в том, что психология занимает промежуточное место:

естествознание — психология — обществоведение.

Есть и третья сторона треугольника, ограничивающего связи психологии. Это техника (включенная в так называемую искусственную природу), которая во время НТР с полным основанием замыкает этот треугольник. Образно говоря, положение психологии может быть представлено внутри треугольника, основанием которого является обществоведение, а стороны составляют естествознание и технология.

Техника — продукт и орудие труда человека, поэтому ее изучение неотделимо от изучения процесса труда. Если бы наука развивалась на пустом месте, заново классифицируя свои отрасли, то в основу классификации психологических наук следовало бы положить треугольник, определяющий три основных психологических науки: зоопсихология — социальная психология — психология труда. Тогда дальнейшая классификация психологических наук и их отраслей состояла бы только в дроблении этих трех сторон. Но фактически психологам приходится классифицировать проведенные исследования и проблемы, значительно более широкие и не укладывающиеся в эту схему, поскольку логический аспект изучения любой проблемы неотделим от исторического. Классификация психологических наук в значительной степе-

[10] Подробнее см.: *Кедров Б. М.* Классификация наук. М., 1961—1965. Т. 1, 2.

ни определяется не только стоящими перед ней задачами, но и уже накопленным материалом и четко сформулированными теориями и проблемами. Отсюда — поиск и в советской психологии, и за рубежом классификации психологической науки.

Итог изложенного, опирающийся на все сказанное в этой книге, можно свести к следующим положениям.

Предмет психологии — это система ее понятий, прежде всего категорий, ее теорий, углубленных их методами и предельно кратко сформулированных в ее принципах; эта система направлена на познание сущности, закономерностей взаимодействия и проявлений психических явлений как форм психического отражения, объективизированных в поведении и деятельности индивидов и групп. Предельно кратко можно сказать, что предмет психологии — психика и ее развитие в отражающей и регулирующей функциях.

Объекты психологии — это широкий круг феноменов, укладывающихся в содержании понятия «взаимодействие с миром индивидов и их групп», изучаемых с позиций ее предмета.

Задачи психологии могут быть в самой общей форме поняты как обоснование с позиций ее предмета оптимальных путей изменения всей системы изучаемых феноменов и их отдельных подсистем в направлении обеспечения достижения желаемых целей.

2. Попытки классификации психологических наук

Характерная особенность классификации и схем буржуазных психологов состоит в том, что они ограничиваются перечислением психологических наук, обычно не предпринимая попыток свести их в систему. Так, Ф. Гарриман предложил такую краткую (и далеко не полную) классификацию психологии: экспериментальная психология, сравнительная психология, физиологическая психология, психология ребенка, патопсихология, социальная психология, педагогическая психология, прикладная психология, клиническая психология[11]. Ф. Маркузе, несколько дополнив этот перечень, также не дал общей системы: профессиональная ориентация, промышленная

---

[11] См.: *Harriman Ph.* An outline of modern psychology. Littlefield, 1956, p. 34—37.

психология, судебная психология, криминалистическая психология, социальная психология, психология ребенка, педагогическая психология, патопсихология, клиническая психология, физиологическая психология, сравнительная психология, психология искусства[12]. Очевидно, такая особенность буржуазной психологии определяется ее ненаучной общефилософской методологией, которая всегда будет препятствием на пути развития этой науки как системы, несмотря на возможные находки в частных вопросах. Иное дело — психология, базирующаяся на общих марксистских основаниях и имеющая все перспективы развития.

Польский психолог В. Шевчук уже стремится разбить отрасли психологии на две группы: а) теоретическая психология, которая делится на общую психологию, зоопсихологию, психологию человека (социальную), психологию ребенка, психологию молодежи, психологию взрослых; б) практическая психология, которая делится на педагогическую психологию, клиническую психологию, судебную психологию, психологию труда, психологию пропаганды, психологию культуры[13].

В марксистском науковедении, помимо достаточно случайных перечислений отдельных отраслей психологической науки, надо особо отметить статью А. В. Петровского в Философской энциклопедии «Структура современной психологии» (точнее было бы сказать — «система»). А. В. Петровский считает, что в качестве основания классификации психологических наук могут быть избраны различные психологические аспекты: 1) конкретная деятельность (психология труда, педагогическая, медицинская, юридическая, военная психология, психология торговли, спорта, научного и художественного творчества); 2) развитие (возрастная психология, психология аномального развития, сравнительная психология); 3) отношение личности и общества (индивидуальная и социальная или общественная психология[14]). Эта классификация приведена и в учебном пособии по психологии под его редакцией (1970, 1976 гг.). Подводя итоги, А. В. Петровский отмечает, что, поскольку в конкретном психологическом исследовании все три аспекта соотношения деятель-

---

[12] См.: *Marcuse F. L.* Areas of psychology.— Psychology, 1954, 5.
[13] См.: *Shewchuk W.* Psychologia. W., 1962, t. 1. s. 161.
[14] См.: Философская энциклопедия, М., 1967, т. 4, с. 427.

ности и развития личности в обществе органически слиты, любые схемы классификации оказываются относительными. С этим утверждением трудно согласиться. Классификация наук имеет не только теоретическое, но и практическое значение [15]. Приведем два примера.

После длительной работы библиографов, консультировавшихся у специалистов разных областей наук, была составлена библиотечно-библиографическая классификация (ББК) для научных библиотек, содержащая и раздел «Психология» [16]. Работа с этим разделом ББК, составленным без учета четкой классификации психологических наук, вызывает немалые затруднения.

Второй пример. После включения в номенклатуру ученых степеней кандидата и доктора психологических наук (1963 г.), было принято разделение на 10 психологических наук, которым были присвоены номера, отмечаемые на авторефератах. Этот список уже тогда вызвал ряд сомнений и в 1974 г. в него был введен ряд поправок. Список принял следующий вид: 19001 — общая психология, 19002 — психофизиология, 190003 — психология труда, инженерная психология, 190004 — медицинская психология, 190005 — социальная психология, 190006 — юридическая психология, 190007 — педагогическая, детская и возрастная психология, 190008 — зоопсихология, 190009 — военная психология, 190010 — специальная психология (психология слепых, глухих, умственно отсталых детей), 190011 — психология труда в особых условиях.

Но эта классификация, видимо, требует дальнейших уточнений. Психологии спорта в ней по-прежнему нет, в то время как общую психологию и психофизиологию можно было бы не разделять. Специальную психологию следовало бы назвать дефектопсихологией.

Эти примеры подтверждают практическое значение хорошо продуманной классификации психологических наук. Вместе с тем они подтверждают изложенное в главе III

---

[15] См.: *Платонов К. К., Зотова О. И.* Проблема личности в прикладной психологии.— В кн.: Вопросы психологии. Тезисы доклада на республиканской психологической конференции. Киев, 1964, с. 21—22; *Платонов К. К.* Значение личностного подхода в прикладных отраслях психологии.— В кн.: Методологические и теоретические вопросы психологии. М., 1969, с. 212—217.

[16] См.: Библиотечно-библиографическая классификация: Таблицы для научных библиотек. М., 1967, вып. 23, с. 123—208.

понимание различия системы и структуры. Ведь и ББК, и номенклатура ВАКа, как и классификация А. В. Петровского,— это не структуры психологической науки, а ее системы, исходящие из разных критериев и потому имеющие право на параллельное существование, которого структура не имеет.

Достаточно выделить только две основные группы условий дифференциации психологических наук для создания их систем: внешние и внутренние условия развития психологической науки в целом.

Внутренние условия дифференциации психологических наук связаны с необходимостью более глубокого и разностороннего познания их основного предмета — психики. И это познание относится не только к различению ее проявления, но и к ее сущности.

Внешние условия дифференциации психологических наук обусловлены связью психологической науки с другими науками и обслуживаемыми ими отраслями практики; совместное решение с ними теоретических вопросов, необходимых для практики этой смежной науки, однако, при преобладающем значении теории психологической науки. Из-за последнего обстоятельства эти науки, возникающие на пересечении наук, имеют статус психологических.

Здесь представляется уместным остановиться на некоторых ошибках прошлого, либо еще не полностью изжитых, либо имеющих тенденцию повторения. Такова психоморфология, корни которой уходят к френологии Галля. В 30-х годах ее последователи предпринимали активные попытки связать психические функции с их пространственной локализацией. На Павловской сессии были критически проанализированы стремления непосредственно связать психическое с морфологическим, минуя физиологическую динамику.

Об этом можно было бы и не вспоминать, если бы в наше время не намечалась подобная ошибочная тенденция в области *психофизики*, проявляющаяся в связи психических явлений с физическими, минуя физиологические. Из сказанного, конечно, не следует, что психофизика не имеет права на существование и развитие. Московский университет поступил, безусловно, правильно, издав хрестоматию, включившую ряд классических работ психофизиков. Во вступительной статье к ней написано: «В наследство от классической физики, психологии вооб-

ще и психофизики в частности, достался „постулат непосредственности“... Напомним, что смысл постулата непосредственности заключается в том, что причина всегда однозначно определяет следствие или, в нашем случае, внешнее физическое воздействие однозначно определяет вызываемое им ощущение... Между тем, постулат непосредственности, порожденный спецификой объекта исследования классической физики — характером связи в неживой природе, не адекватен при исследовании природы психических явлений. Некритическое использование этого постулата в психологии приводит к тому, что активность субъекта оказывается вынесенной за скобки»[17]. Иными словами — постулат непосредственности игнорирует отражательную систему. Поэтому психофизику нужно рассматривать не как психологическую науку, а как отрасль общей психологии, подчиненную задачам теории и методу.

Уместно вспомнить и попытки 20-х — начала 30-х годов рассматривать психотехнику «как самостоятельную науку, существующую параллельно как с общей психологией, так и с психологией труда». Эта мысль не раз высказывалась М. Ю. Сыркиным и М. П. Ряснянским (Харьков), А. А. Толчинским и А. А. Кувшинниковым (Ленинград), Д. П. Прошляковым (Свердловск), И. Н. Шпильрейном, С. Г. Геллерштейном, А. М. Мандрыкой и А. И. Колодной (Москва). Эта неверная установка, оторвавшая не только психотехнику, но и психологию труда от общей психологии, привела к краху первой и к задержке развития второй[18].

Сейчас об этом приходится напомнить не столько в связи с психофизикой, сколько в связи с подобной же ситуацией, возникшей в инженерной психологии. Последнюю иногда понимают так расширительно, что она стано-

---

[17] Проблемы и методы психофизики. М., 1974, с. 5—6. Именно в этом аспекте недавно были написаны две книги, содержащие новый и весьма существенный для общей психологии материал: *Бардин К. В.* Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М., 1976; *Забродин Ю. М., Лебедев А. Н.* Психофизиология и психофизика. М., 1977. Но, к сожалению, не все «психофизики» думают так.

[18] Подробнее см.: *Платонов К.* Научная организация и психофизиология труда.— Соц. труд, 1965, № 6, с. 88—94; *Он же.* Психологические основы научной организации труда.— В кн.: Психологические и эстетические основы научной организации труда. М., 1967, с. 35—50.

вится как бы синонимом психологии труда. Это началось со Второго съезда психологов в 1963 г., где психология труда не была выделена в особую секцию, и доклады о профессиональном отборе, групповой совместимости и другие подобные вопросы обсуждались в программе секции инженерной психологии. Еще более неверно под этим термином понимать «психологию для инженеров», примером чему служит книга «Инженерная психология» под ред. Г. К. Середы (Киев, 1976). Это объясняется отсутствием единой системы психологических наук, поскольку инженерная психология имеет более узкое, но весьма почетное назначение — содействовать «гуманизации техники», т. е. обеспечивать соответствие новой конструируемой техники требованиям психологической науки.

Техника, как уже говорилось, в период НТР достойна самого пристального внимания всех наук, в том числе и психологии. Потому возникает объективная общественная потребность развития ветви психологической науки — *психологии техники,* всесторонне рассматривающей все психологические проблемы, с ней связанные: от конструирования новой техники до ее влияния на природные условия. Но, играя двуединую роль орудия труда и продукта труда, техника ни в той, ни в другой роли не может быть оторвана от процесса труда работающего с ней человека. Неразрывная связь в процессе труда всех его компонентов: целесообразной трудовой деятельности человека, предметов труда и орудий в итоге дает продукты труда. Эта основа марксистского учения о труде полностью относится и к психологии. Место инженерной психологии в системе наук, изучающих труд, бесспорно весьма существенно, но она опосредована психологией труда, от которой инженерная психология не может быть оторвана и которой она, подавно, не может быть противопоставлена [19]. Инженерная психология и психология труда являются, наряду с физиологией, гигиеной труда, антропометрией и технической эстетикой, компонентами синтетической науки эргономики. Подменять эргономику в целом этими науками, как это иногда делается [20], неверно.

---

[19] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Психология труда в системе наук о трудовой деятельности человека.— Соц. труд, 1969, № 8, с. 120—125; *Он же.* Взаимодействие наук, изучающих труд.— В кн.: Проблемы инженерной психологии. Ярославль, 1975, с. 5—19.

[20] См.: *Зинченко В. П., Мунипов В. М., Смолян Г. Л.* Эргономические основы организации труда. М., 1974.

На проблеме эргономики следует остановиться несколько подробнее. Необходимость синтетической науки о труде — эргологии — была выдвинута на первой, «инициативной», как она называлась, конференции по НОТ учеником В. М. Бехтерева — В. Н. Мясищевым еще в 1921 г.[21] Бурное развитие НОТ в 20-х годах взяло содержание этой идеи, но название «эргология» не привилось. Переиначенная, «эргология» стала «эргономикой». Термин «эргономика» был предложен выдающимся польским естествоиспытателем Войтехом Ястшембовским, опубликовавшим в 1857 г. в еженедельнике «Природа и промышленность» работу «Черты эргономики, т. е. науки о труде». Дело касается здесь не смены термина как такового, дело в том, что эргономике сопутствовала идея системы «человек — машина». Эта система, логичная для буржуазной науки, оставляющей человека наедине с машиной, не соответствует условиям социалистического производства, где отсутствует такая линейная связь и всегда существует треугольник, сторонами которого являются: коллектив — человек — машина[22]. Этот треугольник, а точнее, с добавлением среды,— квадрат, и является основным объектом изучения эргономики. Б. Ф. Ломов вносит ясность в этот вопрос, говоря об инженерной психологии как «возникшей в связи с техническим прогрессом и призванной решать важнейшую практическую задачу «гуманизации техники» (приспособления машины к человеку)»[23].

Говоря о терминологических неточностях, нельзя не упомянуть уже ушедшую в прошлое дискуссию по поводу *юридической психологии*. А В. Дулов настаивал на включении в понятие «судебпая психология» всего объема, относящегося к юридической психологии[24], в то время как А. Р. Ратинов, на наш взгляд правильно, разделял эти понятия, посвящая свою монографию только одной части

---

[21] См.: *Мясищев В. Н.* Принцип организации научного исследования труда.— В кн.: Сборник тезисов к докладам, представленным на конференцию по научной организации труда на производстве. М., 1921, с. 66—68.

[22] См.: *Платонов К. К.* Коллектив — человек — машина: (Полемические заметки по поводу двух совещаний).— Соц. труд, 1970, № 3, с. 72—76.

[23] *Ломов Б. Ф.* О роли практики в развитии теории общей психологии.— Вопр. психологии, 1971, № 1, с. 28.

[24] См.: *Дулов А. В.* Судебная психология. Минск, 1970; *Он же.* Введение в судебную психологию. М., 1970.

юридической психологии[25]. Окончательную ясность в этот спор внес учебник А. Д. Глоточкина и В. Ф. Пирожкова по исправительно-трудовой психологии[26], как только одного, хотя и важного, раздела юридической психологии.

Терминологическая ошибка содержится и в названии якобы самостоятельной психологической науки «парапсихологии». Советская психология не признает ни этого термина, ни соответствующей этому термину особой науки. Но это не значит, что явления, получающие ошибочное толкование в буржуазной парапсихологии, полностью отрицаются советской психологией. «Психологическим институтом АН СССР, АПН СССР и другим психологическим учреждениям также следует рассмотреть возможность строгого научного исследования этих явлений,— писали известные советские психологи.— По-видимому, было бы целесообразно организовать в составе одного из психологических учреждений лабораторию для изучения людей, действительно обладающих необычными способностями (вовсе не обязательно всегда паранормальными). Результаты таких исследований после тщательной проверки, естественно, должны публиковаться в научной (и лишь затем в популярной) литературе»[27].

Ряд указанных явлений, получив название *гиперспособностей* и «резервов психики», уже изучается[28], хотя их углубленное и комплексное исследование в русле общей психологии, психофизики и нейрофизиологии — дело будущего.

Итак выделение той или иной отрасли психологии в самостоятельную психологическую науку зависит от внутренних и внешних условий ее развития и определяется рядом критериев:

---

[25] См.: *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967.

[26] См.: *Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф.* Исправительно-трудовая психология / Под ред. К. К. Платонова. М., 1974.

[27] См.: *Зинченко В. П., Леонтьев А. Н., Ломов Б. Ф., Лурия А. Р.* Парапсихология: фикция или реальность?— Вопр. философии, 1973, № 9, с. 136.

[28] См.: Материалы исследований кожно-оптической чувствительности. Челябинск, 1965, с. 67; Вопросы комплексного исследования кожно-оптической чувствительности. Учен. зап. Свердл. гос. пед. ин-та. 1968, с. 180; *Платонов К. К.* Гиперспособности.— В кн.: Проблемы способностей. М., 1972, с. 147—153. *Bassin F. V., Platonov K. K.* Verborgene Reserven des höheren Wervensystems. Stuttgart, 1973, S. 236.

— спецификой особенностей и условий проявления изучаемых ею психических явлений;

— спецификой методов их изучения;

— социальным значением ее результатов;

— уже накопленным ею материалом;

— выделением этой отрасли в самостоятельный учебный курс как учебную дисциплину и наличием соответствующих программ, учебных пособий.

Каждый из этих критериев, взятый сам по себе, не обусловливает выделение данной отрасли в особую науку. Это право дает только совокупность указанных критериев. Вместе с тем, такое выделение всегда условно и в этой условности проявляется сущность системы психологической науки в отличие от структур изучаемых ею психических феноменов.

История отечественной психологии, накопившая большой опыт, учит избегать повторения уже преодоленных ошибок. Она напоминает замечательную мысль Маркса, который, приводя идею Гегеля о том, что история повторяется, уточнил: «...первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [29]. Психотехника была трагедией отечественной психологии, но не должно быть ее рецидивов, чтобы они не стали фарсом.

3. Дерево психологической науки

Психология в целом, отдельные психологические науки и их отрасли отражают в системах своих теорий и понятий (как в явлениях субъективной диалектики, материализованных в словах и записях) все многообразие внешних и внутренних связей психики с этой объективной действительностью. Процесс дифференциации психологии, свойственный ей, как и всякой другой науке в период НТР, ведет ко все увеличивающемуся (но отнюдь не беспредельно) числу психологических наук и их отраслей, общее число которых уже приближается к 100.

Теперь уже очевидно, что построить систему психологических наук, располагая эти науки и их отрасли в линейном порядке, невозможно. Трудно ее уложить и в двухмерную систему блоков. Это показали, в частности, как приведенные в предыдущем параграфе классификации, так и мои попытки дать проект такой системы [30].

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 119.

[30] См.: *Платонов К. К.* О системе психологии. М., 1972, с. 208—210.

Наиболее четко и образно ее можно смоделировать в виде объемного дерева, краткому описанию которого и будет посвящен этот параграф.

Корнями дерева психологических наук являются *философские проблемы психологии.* Они разветвляются на теорию отражения, рефлекторную теорию психики и ее методологию с учением о принципах психологии. Методология, в свою очередь, делится на общую методологию психологии, частную методологию и быстро растущий корень, получивший название *математической психологии.* Есть принципиальные возражения против особого выделения тестологии — учения о тестах в его критическом и позитивном планах. Это только раздел частной методологии — учения о методах психологии, наряду с учением о психосоматической тренировке, естественном и лабораторном экспериментах, методе обобщения независимых характеристик и специальном психологическом наблюдении и эксперименте [31].

«Комлем», как говорят ботаники, т. е. переходом корней в ствол, в психологической науке является *история психологии*, ибо без истории нет теории, и единство исторического и логического в анализе любого явления — это общий принцип марксистской философии. Здесь от ствола отходят небольшие, еще очень мало разработанные веточки — *источниковедение и периодизация* истории психологии, а несколько выше *информатика психологии.*

Выше лежит основной ствол *общей психологии.* Ее выделение из других психологических наук диктуется внутренними условиями развития всей психологической науки в целом. Она суверенна и имеет пересечения с другими науками только через частные психологические науки и их отрасли. Общая психология может быть объединена с историей психологии, ее философией и методологией в *теоретическую психологию*, противопоставляемую *отраслевой психологии*, объединяющей частные психологические науки и их отрасли, дифференцированные по внешнему критерию и лежащие на пересечении с другими суверенными науками. Предметом общей психологии являются общие закономерности психики, на понимание ею которых опираются все частные психологические науки. Развитие общей психологии обогащает все другие

---

[31] См.: *Платонов К. К.* Психологический практикум. М., 1980, с. 4—6.

частные психологические науки, но и каждая из них, развиваясь и находя новое, вступающее в противоречия с уже имеющимся старым в общей психологии, в той или иной степени обогащает общую психологию и содействует общему росту дерева. В этом и проявляется единство и противоречие всех отраслей марксистской психологии.

Противоречия нередко возникают внутри той или иной психологической науки. Но еще чаще они появляются при сопоставлении их между собой. Многим из психологических наук свойственны типичные и трудно изживаемые ошибки. Так, медицинской психологии свойственны ошибки биологизации психики и личности, социальной психологии — вульгарная социологизация, психологии искусства — интуитивизм, психологии труда — функционализм. В борьбе этих противоположностей не только устраняются отдельные ошибки, но и развиваются как частные психологические науки, так и общая психология. Следовательно, наличие частных психологических наук является залогом развития не только их, но и общей психологии.

На верхнем уровне общей психологии с передней стороны ствола от него отходит ветвь *сравнительной психологии*, а от нее сильно разветвляющаяся (по видам животных) ветвь зоопсихологии. Она помещена в стволе общей психологии, основываясь на положении Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»[32]. С передней стороны ствола сравнительная психология помещена потому, что «без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом»[33]. Уместно указать, что у основания каждого из разветвлений и каждой из ветвей отходят веточки методологии с учением о принципах и истории соответствующей психологической науки, учения или даже одной проблемы.

Несколько выше ствол общей психологии разветвляется на два ствола: индивидуальной психологии и социальной психологии, конечные ветви которых частично не только переплетаются, но и срастаются между собой так же, как срастаются вершины этих двух стволов.

Ниже других от ствола *индивидуальной психологии* отходят ветви *психофизики* и *психофизиологии*. Несколько выше их с задней (тыльной) стороны от ствола индивидуальной психологии отходит довольно мощный ствол

---

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 731.
[33] Там же, т. 20, с. 512.

медицинской психологии (о ней речь пойдет ниже), она отходит с тыльной стороны потому, что патология является отклонением от нормы. Выше от ствола индивидуальной психологии ответвляется *генетическая психология* и *возрастная психология,* разветвляющаяся на *детскую психологию, психологию юношеского возраста* и *геронтопсихологию.* Психология зрелого возраста не имеет особой ветви, потому что ее материалы по существу пронизывают большинство ветвей дерева. Еще выше этот ствол становится *дифференциальной психологией* в ее широком, а не узком психофизиологическом понимании. Почти у ее основания от нее отходит ветвь *психодиагностики* с *психопрогностикой.* Кончается ствол индивидуальной психологии двумя вершинами: *психологией индивидуального творчества* и *психологией личности*, причем веточки, отходящие от обоих этих стволов, срастаются с ветвями, отходящими от вершины ствола социальной психологии.

Медицинская психология отходит достаточно выраженным стволом от индивидуальной психологии потому, что подавляющее число отражаемых ею явлений относится к индивиду, и потому, что ее выводы помогают легче понять психику нормальной личности. Выше ветвей методологии и истории медицинской психологии от этого ствола отходит ветвь *нейропсихологии,* предмет которой — установление динамической локализации психических функций, а основной объект — исследование изменения психики при локальных поражениях мозга. Она развивается на пересечении психологии с неврологией, в то время как близкая к ней по расположению и задачам *психофармакология* — с фармакологией, а *патопсихология* — с психиатрией.

Надо отметить, что понятия патопсихологии и психопатологии часто смешивают, в то время как в свете теории отражения психопатология — это явления, сущность которых отражается в теориях патопсихологии и изучается ее методами.

Еще выше на стволе медицинской психологии лежит ветвь *экстремальной психологии*, т. е. психологии, имеющей предметом изучение психики в особо сложных и крайне неблагоприятных условиях. В последние годы она быстро развивается в русле авиационной и космической психологии, ветви которых тесно переплетаются с ветвями медицинской психологии.

Еще выше лежит ветвь *клинической психологии* с ее ведущей проблемой «врач и больной», нередко выделяемой

в самостоятельную науку деонтологию, которой в 1969 и в 1978 годах были посвящены специальные конференции и посвящаются книги[34]. Этот термин был введен английским философом И. Бентамом, автором книги «Деонтология как наука о морали» (1834 г.), но философы не приняли ни этой книги, ни этого термина. Маркс, показав теоретическое убожество рассуждений Бентама, назвал его «архифилистером» и «тоскливо-болтливым оракулом пошлого буржуазного рассудка XIX века» «с самодовольством вещающим обыденнейшие банальности»[35]. Так что вряд ли стоит сохранять это название; логичнее эту важную отрасль науки и медицинской практики называть медицинской этикой, понимая, что она пересекается с медицинской психологией.

Еще выше расположена ветвь *дефектопсихологии* или психологии аномального развития, имеющая своими ветвями соответственно *олигофренопсихологию* — т. е. психологию умственно неразвитых детей, *тифлопсихологию* — т. е. психологию слепых, и *сурдопсихологию* — психологию глухих. В свою очередь, они тесно связаны с соответствующими педагогическими науками: олигофренопедагогикой, тифлопедагогикой и сурдопедагогикой, что лишний раз демонстрирует междисциплинарные связи. Однако связи этих отраслей психологии с медицинской психологией, бесспорно, существеннее, чем с педагогикой. Сейчас все больше внимания уделяется ветви медицинской психологии — *трудотерапии*, ветви которой переплетаются с ветвями психологии труда, педагогической психологии и терапии — медицинской науки, а также с новой, но быстро развивающейся ветвью — *психологической реабилитацией больных* и психогигиеной, ставшей самостоятельной наукой, лежащей на пересечении не только с НОТ, но и с гигиеной как медицинской наукой.

От ствола медицинской психологии отходит и ветвь, переплетающаяся с психотерапией, которую иногда считают отраслью медицинской психологии, но это неправильно. Психотерапия, выросшая из психиатрии, давно стала общемедицинской дисциплиной, только пересекающейся с медицинской психологией и психогигиеной. Последняя также должна развиваться как самостоятельная

---

[34] См.: Этико-психологические проблемы медицины. /Под ред. Г. И. Царегородцева. М., 1978, с. 143.

[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 623.

медицинская наука, только пересекающаяся с медицинской психологией и психотерапией [36].

Как было сказано, второй ствол дерева психологических наук — это ствол *социальной психологии* как системы наук о групповом сознании и деятельности, т. е. об особенностях психики в группе людей, в частности, в коллективе и личности только в группе. От ствола социальной психологии после ветвей ее методологии и истории отходят ветви *палеопсихологии* (лежащей на пересечении с археологией), *исторической психологии* (с историей и искусствоведением) и *этнопсихологии* (с этнографией). Здесь же, с задней стороны, отходит ветвь *психологии религии,* имеющая предметом различные проявления религиозной психологии. Сейчас ей уделяется немалое внимание как обоснованию антирелигиозного воспитания, и она имеет, в свою очередь, уже достаточно разработанные ветви: психологические корни религии, психологию веры, психологию молитвы и религиозных ритуалов и психологию суеверия [37]. Для буржуазной психологии религии характерна и так называемая «пасторская психология», знакомство с которой важно и для марксистской психологии религии. Являясь психологической наукой, психология религии лежит на пересечении с религиоведением и через него с социологией, историей и этнографией.

Несколько выше на стволе социальной психологии находится ветвь *национальной психологии* [38], выше которой ствол опять раздваивается: один из них продолжает систему социально-психологических наук в качестве коммуникативно-психологических наук, другой — представляет группу наук психологии труда.

Первой на стволе *коммуникативно-психологических наук* расположена ветвь, по своей сути наиболее близкая к психологии труда. Эта ветвь *психологии спорта* уже выделена в самостоятельную психологическую науку, по-

---

[36] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Методологические вопросы медицинской психологии. М., 1977, с. 95; Психология и медицина: Материалы к симпозиуму. М., 1978, с. 436.

[37] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Психология религии. М., 1964; *Угринович Д. М.* Психология религии. М., 1969; Вопросы научного атеизма, М., 1971, № 11; Социальная психология. М., 1975, с. 299—312.

[38] Подробнее см.: *Горячева А. М.* Некоторые моменты социально-психологической характеристики наций.— Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1969, вып. 241, с. 49—84; Социальная психология, с. 141—153.

скольку спорт — особая форма деятельности, происшедшая от труда, граничащая, с одной стороны, с игрой, а с другой — с искусством, но и, как сейчас все чаще говорят, «спорт — это политика». А так как сейчас также общепризнанно, что без психологического обоснования спорт развиваться достаточно эффективно не может, число исследований по психологии спорта быстро растет.

Чуть выше в переднем направлении отходит мощная ветвь *педагогической психологии*, предмет которой — психологическая основа воспитания, обучения, упражнения, тренировки и психологической подготовки — неразрывно связан с психологией труда педагога, являющейся отраслью и педагогической психологии, и психологии труда. Отдельные ветви педагогической психологии тянутся к большинству других ветвей всего дерева, с многими переплетаются, а с некоторыми даже срастаются. К числу последних принадлежат дефектопсихология, психогигиена, трудовая терапия, профориентация, исправительно-трудовая психология, психология управления.

Следующая ветвь на стволе социально-психологических наук — *юридическая психология*, лежащая на пересечении с юридическими науками. Эта ветвь имеет ряд ветвей достаточно самостоятельных наук, по многим из которых имеются учебники и которые успешно разрабатываются. Это прежде всего правовая психология, предметом которой является правосознание, а практическим применением — формирование правосознания у подрастающих поколений. Но она — не самостоятельная наука, а только отрасль, и притом отрасль не только юридической, но и педагогической психологии. Вместе с тем, она граничит с *криминальной психологией*, предметом которой являются причины преступности, зависящие от личности и от тех порогов в нравственном сознании, определяющих нравственные и правоправные способности каждого человека, снижение которых приводит к преступности.

Большое значение имеет ветвь юридической психологии, получившая общепринятое название *оперативной психологии*. Следующая ветвь юридической психологии — *судебная психология*, изучающая судебно-следственный процесс и, как уже было сказано, имевшая одно время ошибочную тенденцию включать в себя всю юридическую психологию. От нее веточкой отходит судебно-психологическая экспертиза, сейчас быстро отделяющаяся от судебно-психиатрической экспертизы. Достаточно мощная

ветвь юридической психологии — *исправительно-трудовая психология*, переплетающаяся с педагогической психологией и имеющая своим предметом процесс перевоспитания осужденных.

При всем значении и уже неплохом развитии юридической психологии ее ветвь находится не на передней, а на задней (тыловой) стороне ствола социально-психологической науки по тем же причинам, по которым ветвь медицинской психологии находится также на тыловой стороне ствола индивидуальной психологии. На передней стороне лежит ветвь *психологии искусства*, которой психологи уделяют, к сожалению, мало внимания и которую разрабатывают пока больше сами деятели искусств, не всегда достаточно владеющие системой психологических понятий.

Ветвь *психологии труда* представляет собой по существу достаточно мощный ствол, также отходящий от основного ствола социально-психологических наук. На нем, как и на других ветвях, вскоре за развилкой, находятся ветви методологии и истории психологии труда. Выше лежит ряд ветвей — наук, изучающих определенные виды социально-высокозначимого труда [39]. К ним относится и *военная психология*, как психология воинского труда и всех связанных с войной проблем, нацеленных на обеспечение обороноспособности нашей Родины. Самостоятельной ветвью является *авиационная психология* и быстро и успешно развивающаяся на ее основе *космическая психология*.

Здесь отчетливо видна следующая закономерность: когда в отечественном журнале была опубликована первая научная статья, подводящая итог поисковым исследованиям, проводившимся в русле авиационной психологии, и намечающая перспективное развитие космической психологии [40], космическая психология уже имела предысторию. История ее началась и получила законное право на дальнейшее развитие 12 апреля 1961 г.— в день первого в мире космического полета человека — полета Юрия Гагарина [41]. Для наличия определенной ветви пси-

---

[39] См.: *Лоос В. Г.* Промышленная психология. Киев, 1980, с. 183.

[40] См.: *Платонов К. К.* Психологические проблемы космического полета.— Вопр. психологии, 1959, № 3.

[41] См.: *Береговой Г. Т., Ломов Б. Ф., Завалова Н. Д., Пономаренко В. А.* Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике/Под ред. Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова. М., 1978, с. 303.

хологии труда должны реально существовать изучаемая ею определенная деятельность и личности, ее выполняющие, помимо указанных выше критериев выделения самостоятельной психологической науки. Но если есть и эти личности, и есть труд, ими выполняемый, но нет других указанных выше критериев, как это видно на примерах индустриальной или промышленной психологии шофера [42] или психологии полевода [43], они не могут еще рассматриваться в качестве самостоятельных психологических наук, являясь только ветвями, а иногда даже веточками на стволе психологии труда.

Помимо упомянутых ветвей и веточек наук, отраслей и проблем, относящихся к психологии различных видов труда, от этого ствола отделяется массивная и быстро развивающаяся ветвь *инженерной психологии* как психологии новой техники, о которой уже было сказано. Учитывая, что «можно выделить следующие главные направления инженерной психологии: специфическое психофизиологическое, системотехническое, эксплуатационное, инженерное, психолого-педагогическое» [44], она имеет эти ветви. Притом психолого-педагогическая ветвь здесь общая с ветвью *психологии профессионально-технического образования* в основной ветви психологии труда, срастающейся с педагогической психологией, предметом которой является трудовое обучение и воспитание.

Еще выше от ствола психологии труда отделяется ветвь *психологической трудовой экспертизы*, в свою очередь разделяющейся на ветви прогностической и ретроспективной экспертизы. От первой отходят ветви: психологического отбора, психологической профориентации, дифотбора [45].

[42] См.: *Игнатов Н. А.* Человек за рулем. М., 1976, с. 184. *Костин В. А.* Исследования формирования навыков в первоначальном обучении вождения автомобиля: Автореф. канд. дис. М., 1974; Исследования структуры и формирования навыков управления движения машинами, М., 1973, вып. 1; М., 1978, вып. 2, с. 239.

[43] См.: *Иващенко Ф. И.* Психология начинающего полевода. Ставрополь, 1966, с. 156.

[44] *Ломов Б. Ф., Николаев В. И., Рубахин В. Ф.* Актуальные теоретические проблемы инженерной психологии.— В кн.: Материалы III Всесоюз. съезда Общества психологов СССР. М., 1968, т. III, с. 57.

[45] См. подробнее: *Платонов К. К.* Профессиональные способности и профессиональная ориентация.— В кн.: Профессиональная ориентация и консультация молодежи. Киев, 1966, с. 8—9;

Профориентация, имея своими ответвлениями профпросвещение (включающее профпропаганду), профконсультацию и профадаптацию, в целом далеко выходит за рамки психологической науки, захватывая области педагогики, медицины, социологии, экономики, техники. Для психологии здесь наибольшую роль играет психологическая *профконсультация*, имеющая в трех ее формах — подготовительной, завершающей и коррегирующей — тенденцию выделиться в самостоятельную психологическую науку. Указанная ветвь психологии труда срослась с ветвью психодиагностики и психопрогностики на стволе индивидуальной психологии.

Ветвь *ретроспективной трудовой экспертизы*, цель которой исследование в различных видах труда роли личного фактора в уже совершившихся авариях, травматизме и браке и в предпосылках к ним с целью профилактики, также пересекается с медициной, педагогикой, социологией, экономикой и техникой. Эта ветвь психологии труда имеет значение в ряде областей — в авиации, в автодорожном и железнодорожном транспорте,— входя в синтетическую науку «безопасность движения» [46].

Самостоятельной ветвью ствола психологии труда является *психология организации производства* как обязательный компонент эргономики и научной организации труда (НОТ). Ее проблемные веточки: борьба с утомлением, усталостью и монотонностью, режим труда и отдыха, проблема психологического климата на производстве и т. д.

Возражения против включения психологии труда в общий ствол социальной психологии, а инженерной психологии — в ствол психологии труда легко преодолеваются доводом, что труд есть изначально социально-психологическое явление и потому должен изучаться как целостная система, для которой процесс труда — объекты труда — орудия труда — продукты труда — являются только под-

---

Он же. Некоторые теоретические проблемы профориентации в средней школе.— Школа и производство, 1969, № 11, с. 19—22; *Он же.* Вопросы психологии труда. М., 1970, с. 128—151; *Он же.* Проблемы способностей. М., 1972, с. 195—216, 245—270.

[46] См.: *Платонов К. К.* Личностный подход к проблеме безопасности движения.— В кн.: Аннотации докладов научно-исследовательской конференции МАДИ. М., 1969, с. 33—34; Организация автомобильных перевозок и безопасность движения.— Тр. МАДИ, 1976, вып. 113; 1980, вып. 116.

системами. Все они должны изучаться и как подсистемы другой системы: коллектив — человек — машина — среда. Поэтому вершина ствола психологии труда срастается с общей вершиной ствола социальной психологии: *психологии групп* (и коллективов), *психологии управления* и *психологии коллективного творчества,* а веточки вершинных ветвей всего ствола социальной психологии, в свою очередь, срастаются с вершинными веточками психологии личности и индивидуального творчества ствола индивидуальной психологии. При этом проблема личности, опираясь на принципы личностного подхода как общий принцип психологии, пронизывает все ветви ствола социальной психологии [47].

Ансамбль вершинных ветвей дерева психологических наук вплетается в вершину коммуникативно-психологических наук, становящуюся самостоятельной психологической наукой,— *психологией идеологической работы.* Этот важнейший в свете решений XXVI съезда КПСС вопрос, связанный с идеологической функцией психологии, требует специального рассмотрения, которому и будет посвящена последняя глава книги.

Итак, система психологических наук, все более дифференцирующаяся под давлением запросов практики, уже не может быть уложена ни в линейную, ни в двухмерную схему. Ее модель подобна дереву с разветвленными, переплетающимися и срастающимися стволами, ветвями — психологическими науками, и их веточками — отраслями, проблемами и темами.

В общем виде «дерево психологических наук» имеет своим корнем философские проблемы психологии, комлем — ее историю и стволом — общую психологию, которая вскоре делится на два срастающихся своими вершинами ствола: индивидуальной — с вершинами психологии личности и индивидуального творчества и социальной психологии — с вершинами психологии коллектива, коллективного творчества, психологии управления и психологии идеологической работы. Все остальные психологические науки — ветви этих стволов.

---

[47] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Личность как объект социальной психологии.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1975, с. 72—88.

*

Психологическая наука — это система знаний, накопленных человечеством и проверенных практикой о психических явлениях как формах психического отражения мира, об их развитии, активации, организации и объективизации в деятельности.

Ее предмет — явления психики, отражаемые системой категорий и подчиненных им понятий, обобщенных в ее языке, принципах и теориях, углубляемых опирающимися на эти теории методами. Предмет этот является общим для всех психологических наук и их многочисленных отраслей и разделов. Наглядно их легко представить в виде описанного «дерева психологических наук», имеющего ствол общей психологии, делящийся на два ствола: индивидуальной и социальной психологии. Каждая из психологических наук уточняет общий предмет психологии особенным, определяющимся смежной наукой, на пересечении с которой она находится, и практическими задачами, стоящими перед ней. Последние как единичные в предмете психологии темы конкретизируют его особенное в отдельные проблемы.

Задачи психологии в целом и отдельных психологических наук составляют свою иерархию от повседневных, подчиненных бытовым нуждам до высших, общечеловеческих задач, предусмотренных Программой Коммунистической партии Советского Союза и конкретизируемых решениями съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Отражательная сущность идеологической функции психологии

Книга, излагающая систему психологии, построенную на основе теории отражения, оказалась бы незаконченной, если бы в ней не было бы хотя краткого рассмотрения проблемы, поставленной в заголовке данной главы.

Развивая курс XXV съезда КПСС, относящийся к формированию нового человека, XXVI съезд указал на необходимость дальнейшего изучения проблемы развития социалистической государственности, форм и методов во-

спитательной, идеологической работы [1]. Непосредственные задачи перед психологической наукой поставила необходимость разработки комплексного подхода к постановке дела воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся. Эти задачи были конкретизированы на XXVI съезде КПСС. Документ долгосрочного действия, Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (май 1979 г.) предусмотрел ряд конкретных мероприятий по идеологической работе, успешно проводящихся в жизнь. Марксистская психология обязана внести свой вклад в претворение в жизнь целей, поставленных партией, и решать их, опираясь на ленинскую теорию отражения.

Эта глава, завершающая книгу, но первая по ее общественно-исторической значимости, еще раз показывает, что изложение любой иерархической лестницы феноменов или понятий надо начинать «снизу», но при этом помнить о главенствующей роли верхней ступени. Анализ отражательной сущности идеологической функции психологии — это раскрытие взаимодействия психических феноменов, свойственных человеку, с идеологическими явлениями.

Термин *идеология* объединяет два близких, но не тождественных феномена. Во-первых, это форма общественного сознания. Приведем ее определение: «Идеология есть система воззрений, идей, прямо или опосредствованно отражающая экономические и социальные особенности общества, выражающая положение, интересы и цели определенного общественного класса и направленное на сохранение или изменение существующего общественного устройства» [2]. «Идеологией рабочего класса является марксизм-ленинизм — идейное оружие Коммунистической партии и рабочего класса в революционном социалистическом преобразовании общества» [3].

Во-вторых, этим термином обозначается и идейно-политическое содержание направленности личности как отражение в ее индивидуальном сознании идеологии того общества и класса, к которым принадлежит данная личность или которые она представляет.

---

[1] См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 73, 74; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 75.

[2] Основы марксистско-ленинской философии/Авт. кол.; рук. Ф. В. Константинов, 4-е изд., 1976, с. 327.

[3] Краткий философский словарь/Под ред. М. Розенталя, П. Юдина. М., 1954, с. 186.

Сущность идеологии, раскрытая в высказываниях классиков марксизма-ленинизма, обусловливает ее тесную связь с психологической наукой, а те задачи, которые ставит коммунистическая идеология перед людьми,— с педагогической и социальной психологией. При выяснении идеологических функций психологии необходимо иметь в виду, что все психические явления, в том числе и сознание, имеют две подструктуры: процессуальную и содержательную. Их содержит и индивидуальная идеология конкретной личности.

Процессуальное в идеологии личности — это процессуальная сторона всей направленности данной личности, обобщающая ее иерархию от влечений до убеждений, которая с позиций личностного подхода не может быть оторвана от всей ее динамической функциональной структуры (см. схему с. 196). Но не все свойства личности при этом равнозначны, доминирующее значение имеют проявления высших уровней направленности: мировоззрения и убеждений.

Содержательное в идеологии личности определяется полнотой (уровнем, широтой, интенсивностью, устойчивостью и действенностью) отражения в ее мировоззрении и убеждениях идеологии общества и класса, к которым она принадлежит, или которые она представляет.

Вместе с тем, при всем значении для личностного подхода учета всех сторон направленности, для понимания и воспитания идеологии конкретного человека ее надо сопоставлять со всем ее мировоззрением. *Идеология* личности — это ее политическое мировоззрение, и лишь те части других его видов, которые либо определяются политическими идеями, либо их определяют. Известно, что любая общественная проблема приобретает политический характер, если ее решение прямо или опосредованно связано с проблемой власти[4]. Ленин считал, что «самое существенное» в политике — это «устройство государственной власти»[5]. Поэтому любая система идей, входящих в мировоззрение и убеждение личности, может быть названа идеологической, если она содержит идейно-политическую позицию, соответствующую тому или ино-

---

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 433.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.

му пониманию общественного идеала и выражающуюся в поведении личности в общественной среде.

Эти идеи могут быть результатом непосредственного (смутноосознанного) отражения в индивидуальном сознании общественного бытия. Но целью воспитания является осознанное следование данной личности господствующему коммунистическому мировоззрению, особенно в тех ситуациях, когда стоят вопросы прогнозирования и планирования тех или иных участков, сторон общественного бытия личности.

Значение политического сознания, коммунистической идеологии молодых строителей коммунизма было подчеркнуто Л. И. Брежневым в речи на XVIII съезде ВЛКСМ: «Осуществление всех наших планов в конечном счете зависит от людей, их знаний, культуры, политической сознательности. Наш главный компас на пути к коммунизму — это марксистско-ленинское учение о законах развития общества... каждый молодой ленинец должен быть активным политическим бойцом, способным на деле проводить политику партии и вести непримиримую борьбу с враждебной идеологией» [6].

Сознание идеологов-марксистов, вооруженных знанием законов общественного развития, может опережать и индивидуальное, и общественное бытие. На этом основано учение В. И. Ленина о привнесении идеологии марксизма в сознание рабочего класса. «Революционеры,— писал он,— *до* наступления революции предвидят ее, сознают ее неизбежность, учат массы ее необходимости, разъясняют массам пути и способы ее» [7].

Поэтому марксистская идеология является активно-творческим *опережающим отражением* общественного бытия в общественном, групповом или индивидуальном сознании. Именно в этом состоят ее психологическая сущность и социальное значение. Такое понимание отражательной сущности марксистской идеологии позволяет глубже понять идеологические функции психологии, построенной на теории отражения, которая составляет ее научную основу.

После принятия Конституции СССР и конституций союзных республик содержание идеологической функции

---

[6] *Брежнев Л. И.* Актуальные вопросы идеологической работы КПСС. М., 1978, т. 2, с. 596.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 46—47.

психологии обогатилось. В Конституцию оказались включенными многие психологические понятия, в частности: развитие личности (статья 20), способности (статьи 14, 20, 40), дарования (статья 20), призвание (статья 40). Это усилило внимание психологов к ним[8]. Но в связи с этим встали новые задачи, связанные с формированием у всех советских людей образа жизни, соответствующего Конституции. Решение этих задач идеологической функции психологии должно интенсифицироваться в ряде аспектов: применительно к подрастающему поколению и взрослым учащимся (студентам, рабочим, воинам и т. д.); применительно к отдельным личностям, их группам и особенно коллективам; в процессе учения, общения, труда, спорта и воздействия средств массовой информации и т. д.

Идеологическая функция социальной и педагогической психологии и психологии труда заключается в содействии улучшению *трудового воспитания* и подчинения его идейно-политическому воспитанию подрастающего поколения. Эта функция углубляется применением психологии к *профориентационной* работе, которая требует, в свою очередь, углубления идеологической работы. Здесь необходимо учитывать опасность перегибов, которые выражаются в попытках доказать эквипотенциальность всех личностей и в попытках отрицать, что каждый взрослый и не тяжело душевнобольной человек является личностью.

Реальные условия для всестороннего развития способностей каждой личности и положение личности в Советском Союзе определяют правильное отражение воспитательных возможностей в общественном, групповом и индивидуальном сознании. Разумеется, из сказанного не следует, что все проблемы в этой области уже решены.

Идеологическая функция психологии в области коммунистического воспитания связана с профилактикой противонравственных действий и правовых нарушений. Эта функция осуществляется посредством анализа их причин и обоснования мер их профилактики. Противоправные деяния часто возникают в результате неверного отражения, неумения преодолеть диалектическую сложность и противоречивость личностных переживаний, свя-

---

[8] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962, с. 117.

занных с возможностями, правами и обязанностями граждан. Психологическое обоснование и выработка приемов воспитания правосознания в комплексе с другими сторонами воспитания с детского возраста, формирования стойких тормозов и мотива «*нельзя*», лежащих в основе трудовой и правовой дисциплины,— таковы важнейшие идеологические функции психологической и педагогической наук в условиях построения коммунистического общества.

Нет нужды подробно останавливаться на проблеме техники осуществления идеологической функции психологии и повышения воспитательной эффективности средств *массовой коммуникации*. Ю. А. Шерковин не только последовательно и разносторонне раскрыл социально-психологическое значение восприятия, памяти, убеждения и внушения в массовых информационных процессах, но и показал, как их правильное понимание позволяет избежать таких ошибок, как «предел насыщения», «эффект бумеранга» и т. д.[9] Эта проблема также глубоко исследована Б. Ц. Бадмаевым, разбирающим соотношение психологии, педагогики и методики в партийной пропаганде[10].

С большим удовлетворением надо отметить, что количество книг по психологии, адресованных партийным и комсомольским работникам, за последнее время быстро растет[11]. Есть все основания считать, что число этих работ значительно увеличивается в русле осуществления решений XXVI съезда КПСС об усилении идеологической работы.

Ф. Энгельс определял соотношение идеологии и *пропаганды*: «Когда хочешь заниматься такой пропагандой, когда хочешь вербовать себе единомышленников,— тогда одних декламаций мало: приходится заняться обоснованием и, стало быть, подходить к вопросу теорети-

---

[9] См.: *Шерковин Ю. А.* Об убеждении и внушении в пропагандистском воздействии.— В кн.: Личность и массовые коммуникации. Тарту, 1969; *Он же.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

[10] См.: *Бадмаев Б. Ц.* Элементы психологии и педагогики в партийной пропаганде. М., 1973.

[11] См.: Педагогика и психология в партийной работе/Под ред. В. К. Григорьева, И. Т. Левыкина, Е. И. Сурниченко. М., 1976; *Уманский Л., Лутошкин А.* Психология работы комсорга. М., 1972.

ски, то есть в конечном счете научно»[12]. В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость того, чтобы «партийность была *не словом* только, *а делом*»[13]. На эти положения обращали особое внимание все последние съезды КПСС. Реализация их с учетом конкретных условий и особенностей личности непосредственно входит в содержание идеологической функции общей, социальной и педагогической психологии. Это достигается, в частности, вооружением психологическими знаниями не только партийных работников, но и беспартийных пропагандистов.

Но не менее важен и обратный процесс, о котором говорил заведующий отделом пропаганды и агитации Норильского горкома КПСС, психолог по образованию А. И. Дзюра: «Если социально-психологическая наука, внедряясь в теорию и практику идеологической деятельности, служит повышению эффективности агитации и пропаганды, то партийная практика, ставшая объектом изучения социальной психологии, очевидно, призвана вносить элементы новизны не только в трактовку выводов социально-психологической науки, но и в сами выводы»[14]. Такая своевременная постановка вопроса подтверждает отражательную сущность идеологической функции психологической науки.

*

Понятие «марксистская идеология» нельзя ни расширять до отождествления его со всем мировоззрением, ни ограничивать только общественным сознанием. Марксистская идеология является подсистемой всех трех типов сознания: индивидуального, группового и общественного при доминирующей роли последнего. Она включает взгляды и идеи, которые относятся к политическому сознанию. Роль психологии как науки, изучающей личностную обусловленность деятельности при ее применении к идеологической работе, в конечном счете, определяется тем, что «политика ведется через людей»[15], причем

---

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 18, с. 532.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 110.
[14] *Дзюра А. И.* Проблемы взаимодействия идеологии и общественной психологии в агитационно-пропагандистской работе.— В кн.: Сибирь под знаменем В. И. Ленина, по пути великого Октября. Красноярск, 1977, ч. 1, с. 89.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 123.

надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им[16]. Поскольку политическая деятельность более, чем любой другой вид деятельности, связана с прогнозированием как ее самой, так и осуществляемого на ее основе общественного бытия, то идеология отражает не только сиюминутные, но и планируемые политическую деятельность и общественное бытие.

Марксистская идеология как подлинно научная обладает прогностической функцией. Поэтому она выступает высшей формой опережающего отражения — отражением в общественном, групповом и индивидуальном сознании общественного бытия. Даже объясняя прошлое или настоящее общественное бытие, она включает в эти цели прогнозирование и борьбу за будущее, за построение коммунизма.

Результат взаимодействия психологии и марксистской идеологии определяет качество идеологической функции психологии, использование которой является одним из важнейших условий выполнения решений партийных съездов и Программы КПСС. Осуществление комплексного подхода к постановке всего дела воспитания трудящихся требует повышения идеологической функции психологии. Последняя же наиболее эффективна при понимании ее в свете ленинской теории отражения как опережающего отражения.

---

[16] Там же, т. 42, с. 218.

Заключение

> Если в голове сложилась какая-нибудь система, подлежащая подтверждению на опыте, не следует ни упрямо ее держаться, ни быстро ее бросать.
>
> Дени Дидро[1]

В первой главе книги была сформулирована ее основная цель — обоснование необходимости построения с позиций ленинской теории отражения системы психологических категорий и понятий, на которые должна опираться вся система психологических наук.

Материал книги не только показал целесообразность и возможность такого пути, но и позволил вскрыть ряд причин, тормозящих развитие психологической науки. К ним относятся:

— недооценка принципа иерархии в понимании форм отражения и как следствие отступление от ленинской теории отражения;

— недооценка принципа системности, системных качеств и роли усложнения отражающих систем, препятствующая раскрытию диалектических переходов от одного класса отражения к другому и пониманию психики в целом как предмета психологии;

— недооценка роли субъективного — атрибута психики как системного качества психического отражения и продукта организации коры головного мозга;

— монофилетическое понимание эволюции жизни и в результате этого наделение животных ветви первичноротых психикой;

— утрата различия между аналогией и гомологией и отождествление сравнительной психологии и этологии;

— недооценка активности сознания, влекущая за собой подмену всех явлений активности деятельностью, являющейся только ее высшей формой, и отсюда — нечеткое понимание взаимодействия сознания, личности и деятельности;

— различные подмены целого его частью при понимании личности;

---

[1] *Дидро Дени.* Избр. филос. произведения. М., 1941, с. 116.

— линейное или плоскостное понимание системы психологических наук, их разделов, проблем и тем, требующей создания трехмерного дерева психологической науки.

Объем книги не дал возможности рассмотреть 4-ую координату этого «дерева психологии» — развитие во времени его и отдельных категорий и понятий. Но это уже сделано М. Г. Ярошевским в масштабе мировой психологии [2], А. В. Петровским [3] и Е. А. Будиловой [4] — советской. Потому эта книга дает современный срез психологии, опирающейся на ленинскую теорию отражения.

С целью уточнения системы психологических понятий, одновременно с этой книгой я работал над первыми вариантами нескольких словарей. Общим у них была, отсутствующая в других словарях, различная связь между включенными в них словами. Каждое слово имело кроме обычного шрифта текста и также всегда выделяемого шрифтом самого определяемого слова как термина еще 3 шрифта:

— для слова, которое обозначает более общее психологическое понятие, необходимое для определения (по мнению Ленина) [5], которому определяемый термин субординирован;

— для слова, которое обозначает психологическое понятие, входящее в diferentia specifica (специфические различия) (по мнению Маркса) [6], если оно имелось, так как это требование может быть выполнено и не психологическими понятиями;

— для слов, которые обозначают психологические понятия, наиболее тесно связанные с определяемым в смысловой куст.

Слова, выделенные этими тремя шрифтами, также включены в словарь.

Первый, основной словарь [7] содержит 888 слов, обозначающих психологические понятия (их число было определено объемом книги, а не тезауруса) и расположенных в порядке алфавита.

---

[2] См.: *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1976, 463 с.

[3] См.: *Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967, 367 с.

[4] См.: *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972, 336 с.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 229.

[7] *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981. 175 с.

Второй, меньшего объема, также алфавитный целевой словарь предназначен для юристов и работников исправительно-трудовых учреждений. В нем ряд слов из первого снят, но ряд слов, специфически нужных этому кругу читателей,— включен.

Третий и четвертый словари не алфавитные, а идеографические. Определения слов в них сгруппированы в смысловом порядке по темам, предусмотренным Программами по курсам психологии. В одном —для индустриально-педагогических техникумов, в другом — военных училищ (он составлен вместе с Г. С. Васильевым). В конце словарей имеются алфавитные списки терминов с указанием страниц, на которых даны их определения. Поэтому ими можно пользоваться не только как идеографическими, но и как алфавитными словарями. Эти словари надо рассматривать в качестве макетов, требующих дальнейшей работы над уточнением их специфических назначений, объемов, содержаний.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что построение целостной системы психологии требует коллективных усилий. Если дискуссия по этой книге ускорит этот процесс, значит ее автор трудился недаром.

Оглавление

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Система категорий психологии и теория отражения

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Система построения и функций психологической науки

Константин Константинович
ПЛАТОНОВ

**Система психологии
и теория отражения**

Утверждено к печати
Институтом психологии АН СССР

Редактор
В. П. Пазилова

Редактор издательства
Л. М. Тарасова

Художник
В. В. Суриков

Художественный редактор
С. А. Литвак

Технический редактор
Н. П. Кузнецова

Корректоры
В. А. Березина, Л. И. Левашова

ИБ № 25403

Сдано в набор 29.03.82
Подписано к печати 23.07.82
Т-10555. Формат $84 \times 108^1/_{32}$
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр. отт. 18,27.
Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 9500 экз. Тип. зак. 1525
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

КЕДРОВ Б. М.

О методе изложения диалектики

25 л. 2 р.

Книга академика Б. М. Кедрова посвящена вопросу о диалектическом методе восхождения от абстрактного к конкретному в его применении к изложению самой диалектики. Она является прямым продолжением и в известном смысле синтезом многих других работ автора, касавшихся разработки Ф. Энгельсом и В. И. Лениным их замыслов по диалектике. Результаты исследования имеют большое значение для выяснения путей и способов построения систематического курса по материалистической диалектике как науке.

Для научных работников, преподавателей и аспирантов.

БОГОМОЛОВ А. С., ОЙЗЕРМАН Т. И.

Основы теории историко-философского процесса

25 л. 2 р. 90 к.

Исследование представляет собой одну из первых в советской литературе попыток систематического изложения основных положений теории развития философии. Рассмотрены проблемы происхождения философии, ее природа, закономерности развития. В книге подробно анализируется понятие «философское мировоззрение» как многостороннее явление духовной жизни общества. Особое внимание уделяется генезису философии, изменению ее места в системе наук о природе и обществе, основных этапов становления историко-философской науки.

Для философов, историков, преподавателей вузов и аспирантов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24;
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95;
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148;
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2;
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер. 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72;
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22;
142292 Пущино, Московская обл,. МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы Народов, 6;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10;
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42;
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.